

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**К.К. Иманалиев, Р.З. Кыдырбаева, А.А. Бакиров,
Ж.К. Орозобекова, Т.А. Бакчиев, Н.Х. Бекмухамедова**

МАНАСОВЕДЕНИЕ

Учебное пособие

*Допущено Министерством образования и науки
Кыргызской Республики в качестве учебного пособия
для образовательных организаций*

Бишкек 2011

УДК 398
ББК 823 (2Ки)
М 23

Рецензенты:

К.А. Биялиев, д-р пед. наук;
С.О. Байгазиев, д-р филол. наук;
А.И. Токтосунова, д-р полит. наук

Рекомендовано к изданию Ученым советом КРСУ

М 23 **МАНАСОВЕДЕНИЕ**: учебное пособие / К.К. Иманалиев,
Р.З. Кыдырбаева А.А. Бакиров и др. Бишкек: Изд-во
КРСУ, 2011. 196 с.

Авторский коллектив:

К.К. Иманалиев – д-р полит. наук, проф. КРСУ (темы 1–3); – проф., чл.-
корр. НАН КР (тема 11); **А.А. Бакиров** – канд. филол. наук, доц. КРСУ
(темы 14–16); **Ж.К. Орозобекова** – канд. филол. наук, доц. КНУ им. Ж.
Баласагына (темы 8, 9, 12); **Т.А. Бакчиев** – канд. филол. наук, доцент
КГТУ им. И. Раззакова (темы 4–7, 10); **Н.Б. Бекмухамедова** – канд.
филол. наук, доцент ОШГУ (тема 13).

ISBN 978-9967-05-794-4

Учебное пособие подготовлено коллективом ученых и преподавателей высших учебных заведений Кыргызской Республики.

Круг проблем, освещаемых в учебном пособии, определен вузовской программой курса «Манасоведение». Отдельным блоком дается краткое изложение основных традиционных эпизодов всей эпической трилогии «Манас», «Семетей», «Сейтек».

Предназначено для студентов и преподавателей гуманитарных специальностей.

М 4604000000-11

УДК 398

ISBN978-9967-05-794-4

ББК 82.3 (Ки)

© КРСУ, 2011

Введение

В связи с принятием Закона Кыргызской Республики «Об эпосе «Манас», регулирующего вопросы, связанные с сохранением, развитием и популяризацией трилогии «Манас», «Семетей» и «Сейтек», перед учеными-фольклористами и преподавателями вузов и школ республики остро стал вопрос об издании учебников и учебных пособий по курсу «Манасоведение», которые в доступной форме смогли бы ознакомить студентов и школьников с основным содержанием грандиозной эпической трилогии, помогли бы составить представление об искусстве исполнителей и хранителей эпоса – манасчи, а также поведали о научной полемике вокруг наиболее сложных вопросов его изучения.

Мы старались привлечь к участию в создании этого учебного пособия как можно больший круг специалистов, работающих над проблемами эпоса «Манас».

Одна из основных задач учебного пособия состояла в том, чтобы дать краткое изложение традиционных крупных эпизодов, таких, как «Рождение Манаса», «Женитьба Манаса на Каныкей», «Великий поход» и др., составляющие основное сюжетное ядро эпоса «Манас».

Известный в республике исполнитель эпоса «Манас» и одновременно ученый-фольклорист, кандидат филологических наук Т. Бакчиев подготовил к данной публикации краткое изложение таких эпизодов, как «Рождение «Манаса», «Возвращение кыргызов с Алтая на Ала-Тоо», «Женитьба Манаса на Каныкей», а также краткий пересказ «Семетей» и «Сейтека», второй и третьей частей трилогии. В основу эпизодов, предложенных Т. Бакчиевым, лег прозаический перевод эпоса «Манас», осуществленный А. Валитовой, А. Сапожниковым, Б. Кошбаевым, З. Мамытбековым, опубликованный в книге «Манас». Киргизский героический эпос (прозаический пересказ сюжета) в 1948 году, затем вновь переизданный в 1999 году, а также отрывки из научных работ выдающихся исследователей эпоса «Манас» К. Рахматуллина и В.М. Жирмунского.

Эпизоды «Поминки по Кёкётёю» и «Великий поход», а также тему, посвященную художественному изображению образа коня в эпосе «Манас» подготовила кандидат филологических наук, зав. кафедрой «Манасоведение» КНУ им. Ж. Баласагына Ж.К. Орозобекова.

Темы, посвященные научному исследованию эпоса «Манас», сказительскому мастерству выдающихся исполнителей эпоса, роли и месту эпоса «Манас» в духовной жизни кыргызского народа написал доктор политических наук К.К. Иманалиев, ныне депутат ЖК КР.

Тема члена-корреспондента НАН КР Р.З. Кыдырбаевой посвящена этическим ценностям эпоса «Манас». Автор убедительно показывает, как идея единения кыргызских родов и племен была пронесена народом на протяжении всего длительного процесса его становления и развития и нашла свое яркое воплощение в строках эпоса «Манас».

Эволюции женских образов эпоса «Манас» посвящена тема кандидата филологических наук, зав. кафедрой мировой литературы ОшГУ Н.Х. Бекмухамедовой. Автор дает целый ряд разнообразных в типологическом отношении женских образов, встречающихся на протяжении всего его сюжета.

Изучению истории возникновения и развития эпоса «Манас», а также своеобразия художественного историзма кыргызского героического эпоса посвящены темы кандидата филологических наук, доцента КРСУ А.А. Бакирова. Эпос «Манас» рассматривается им как один из важнейших источников изучения военного дела кыргызов.

Мы стремились собрать воедино все, что проделано за последнее время по изучению эпоса «Манас». В то же время мы отдаем себе отчет в том, что не весь материал, включенный в эту книгу, равноценен и может быть приемлем безоговорочно. Наша работа – это своеобразный отклик на требование времени, первый шаг на пути к тому, когда будет написан настоящий учебник по дисциплине «Манасоведение», отвечающий всем научным требованиям и доносящий до наших современников живое поэтическое звучание этого уникального художественного творения.

Тема 1. «МАНАС» КАК ДУХОВНОЕ ДОСТОЯНИЕ НАРОДА

Каждый народ имеет свою историю и культуру, вливающуюся в мировую сокровищницу общечеловеческих духовных ценностей. Отдельные выдающиеся памятники, в силу своей значимости, становятся достоянием всех народов. Именно к таким памятникам и относится кыргызский героический эпос «Манас», который созрел в среде народа как явление художественной культуры на протяжении тысячелетий и, передаваясь из поколения в поколение в устном виде, достиг к нашим дням такой высокой художественной формы и широты охвата народной жизни, что вызывает изумление слушателей и читателей.

Как отмечал академик В.В. Бартольд: «Киргизы (кыргызы) принадлежат к числу древнейших народов Средней Азии. Из народов, живущих в Средней Азии в настоящее время, нет, по видимому, ни одного, название которого так рано встречалось бы в истории» [1, с. 475]. По свидетельству многих тюркологов с мировыми именами, кыргызский народ когда-то имел свою письменность, известную в науке под названием орхон-енисейские письмена, ранние датированные памятники которой относятся к концу VII в., но она существовала, видимо, и несколько раньше [2, с. 4]. В связи с особенностями исторического пути развития кыргызы не смогли сохранить и развить письменность, бывшую в обиходе у их предков. Поэтому до Октябрьской революции у кыргызского народа «единственным выразителем идеалов, сокровищницей мудрости трудового народа был его фольклор» [3, с. 31], который при отсутствии письменной литературы стал очень богатым и по жанрам, и по фактическому материалу. Все то, что узнал, создал, пережил народ в течение многих веков, сохранилось в устном виде в форме художественных произведений. Фольклор стал памятью народа, хранилищем всех его достижений, идеалов и понятий, знаний и воспоминаний, буквально всех сведений о его историческом пути развития. На богатое устно-поэтическое творчество кыргызского народа, особенно его эпический жанр, вершиной которого является монументальный эпос «Манас», обратил внимание еще академик В.В. Радлов [4], трижды посетивший Кыргызстан в 60-х гг. XIX в.

«Манас» — уникальный памятник духовной культуры кыргызского народа, олицетворяющий свободолюбивый дух кыргызов, их нелегкую многовековую борьбу против иноземных

захватчиков. В героическом духе, патриотической идее эпоса отражена многовековая борьба кыргызского народа за свое существование. Каждое существенное изменение в политической, идеологической, экономической жизни народа оставляло в эпосе своеобразный отпечаток. «Манас» во многом отличается от других произведений кыргызского фольклора.

Он исключителен по своим размерам, не имеет себе равных в этом отношении даже среди всемирно известных эпосов. Только в одном варианте, записанном от известного сказителя Саякбая Каралаева, содержится свыше полумиллиона (500 553) стихотворных строк, что превышает объем «Илиады» (15 693) и «Одиссеи» (12 110) вместе взятых в двадцать раз, «Махабхараты» (около 100 000 двустиший) – в 2,5 раза. В настоящее время в рукописных фондах НАН КР хранятся записи 65 вариантов всех трех частей «Манаса». Запись текстов, ранее не известных науке, продолжается и в наши дни.

По определению крупного ученого, замечательного знатока народных эпических произведений А. Петросяна, издание «Манаса» в полном объеме составило бы 40 томов, иными словами свыше одного миллиона стихотворных строк, повествующих о легендарном герое кыргызского народа Манасе, его сыне Семетее и внуке Сейтеке.

«Манас» велик и монументален не только по объему. Содержание его охватывает все стороны жизни народа, от деталей быта до больших событий в его судьбе. «Манас» представляет собой такую эпопею-энциклопедию, в которой отражены в художественной форме многовековая история кыргызского народа, его хозяйство, быт, обычаи, нравы, эстетические вкусы, этические нормы, медицинские, географические, религиозные и международные торговые связи и многое другое. Именно поэтому эпос является богатейшим источником для изучения истории, философии, этнографии, словесного искусства, психологии и других сторон духовной и социальной жизни кыргызского народа. О «Манасе» следовало бы говорить даже не как об отдельном памятнике, а как о целом литературном произведении в устной форме, ибо в нем синтезированы многие жанры кыргызского фольклора: от обрядовых плачей по умершим (кошок), песен-жалоб на судьбу (арман), завещательных песен (керээз) до образцов народных назидательных песен (санат-насыят). В эпосе имеются описания различных обрядов (свадебных, поминальных, связанных со

сватовством и др. Дано подробное описание угощений в честь прикочевывавших или откочевывавших родичей, соседей и т.п.), имеются эпизоды, отображающие раздел земельных угодий (пастбищ), переходы племен из одного географического района в другой и т.д. Однако из этого не следует делать вывод о том, что «Манас» – случайное собрание разнородных произведений или простой свод различных сведений. «Манас» – это высокохудожественное произведение, подчиняющееся строгому композиционному единству, в котором связующим звеном служит жизнь и подвиги самого Манаса.

В недавнем прошлом культ Манаса у кыргызов был выше всех известных им культов. Его имя и деяния они связывали со всем необычным и особенным. О степени популярности «Манаса» среди кыргызов можно судить и по такому факту: несмотря на огромный объем «Манаса», каждый кыргыз знает его основную сюжетную линию, может перечислить всех главных героев и пересказать содержание важнейших эпизодов. Практически невозможно встретить кыргыза, который не помнит наиболее образные стихотворные строки эпоса. Небывало широкое бытование «Манаса» в повседневной жизни народа создает у непосвященных мнение, будто у кыргызов существует только один этот эпос [5, с. 112].

Сами кыргызы относятся к эпосу и его героям не как к художественному произведению и художественным образам, а как к действительно имевшим место фактам и историческим личностям. В течение веков многие идеалы народа были связаны с этим эпосом, этические нормы и понятия о добре и зле объяснялись на примерах поступков героев эпоса. Такие качества Манаса и его соратников, как любовь к родине, самоотверженное служение народу, свободолюбие, отвага, боевая дружба и многое другое, служили образцом для молодого поколения.

Легендарный вождь кыргызского народа Манас изображен в эпосе как объединитель кыргызского этноса. Он выступал против межплеменных распрей, междоусобиц, сплотил изначально независимые племена в один народ. И только после этого повел героическую борьбу за свободу и независимость народа, побеждая своих врагов.

Центральное место в эпосе занимает идея сохранения единства кыргызского народа, показывается пагубность междоусобиц племен, чреватых новыми бедствиями, вследствие которых враг может обрести силу над кыргызами. Вот что говорит

мудрый Бакай, обращаясь к Чубаку – одному из верных боевых соратников Манаса:

«Если мы отколемся от Манаса и свергнем его, мы сами погибнем, расколемся на сорок племен, распадется наша держава, растерзают нас враги...».

Единство, сплоченность кыргызского народа, всех граждан, проживающих в Кыргызстане, – вот к чему призывают идеи великого культурного наследия. Видный общественный деятель Т. Усубалиев отмечает: «Разве мы не должны взять на вооружение воплощенную в эпосе идею верной и благородной дружбы, поднявшейся над племенными распрями, различиями, предрассудками. Это мы видим в самых искренних, добрых отношениях между кыргызом Манасом и китайцем Алмамбетом – верной опорой Манаса в его борьбе с коварными врагами кыргызского народа» [6, с. 9].

Огромная популярность эпоса «Манас» и то место, которое он занимает в культурной жизни кыргызов, издавна привлекали к нему внимание. Первые сведения о «Манасе» в письменных источниках относятся к концу XV – началу XVI в. Это рукопись на таджикском языке Сайф ад-дина, сына Ахсикантского Шах-Аббаса, под названием «Собрание историй» (Маджму ат-Таварих) [7]. Однако в этой рукописи, ставившей своей целью восхваление деятельности мусульманских шейхов, речь идет не о сказании «Манас», а о реальном Манасе, и события, о которых повествуется в эпосе, смешиваются с историческими событиями, эпические герои выступают как реальные личности.

Кыргызы – один из древнейших народов мира, хотя численно он невелик. Несмотря на это, он создал и подарил цивилизованному миру великое и бессмертное поэтическое монументальное произведение, каким является грандиозная героическая эпопея «Манас», которая в полной мере дает право кыргызам испытывать неизмеримое чувство гордости за свой талантливый, духовно богатый и художественно одаренный народ.

Целое тысячелетие «Манас» был для кыргызского народа подлинным национальным гимном, девизом, который на протяжении многих веков напоминал кыргызам о том, кто они есть в этом мире. Эпос, который спланивал народ в самые трудные времена, является настоящим знаменем его чести и достоинства, могучей силой, вдохновляющей на достойные дела.

Не будет преувеличением сравнить значение «Манаса» для кыргызского народа с тем, что значит для христианского мира и западной цивилизации священная Библия. В своем специальном послании, посвященном тысячелетию эпоса, Папа Римский Иоанн Павел II отмечал: «В «Манасе» заключена и поныне живущая в помыслах, сердцах и бытии людей исконная духовность народа» [8].

«Манас» – это феномен планетарного значения, который только начинает приобретать мировую известность и международное признание. И тот факт, что, по достоинству оценивая его общечеловеческую духовно-нравственную значимость, ООН и ЮНЕСКО включили празднование тысячелетия эпоса в число наиболее значимых событий 1995 года, – более чем красноречивое тому подтверждение.

Манас. Это имя неотделимо от кыргызского народа так же, как его самоназвание. «Манас» – это чисто кыргызское произведение, образец именно кыргызского устного народного творчества, вобравшего в себя все исторические повороты, через которые прошел народ. И потому национальная культура и «Манас» неотделимы друг от друга.

Литература

1. *Бартольд В.В.* Соч.: в 9 т. Т. 2. Ч. 1. М.: Наука, 1963.
2. *Малов С.Е.* Памятники древне-тюркской письменности. М.; Л.: АН СССР, 1951.
3. *Алтымышбаев А.* Октябрь и развитие общественного сознания кыргызского народа. Фрунзе: Илим, 1980.
4. *Радлов В.В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен: в 10 т. Т. 5. СПб., 1885.
5. *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.
6. *Усубалиев Т.У.* Эпос «Манас» – великий национальный вклад в духовную культуру человечества. Бишкек: Учкун, 1995.
7. Собрание историй (Маджму ат-таварих). Л., 1960.
8. *Иоанн Павел II.* Из послания кыргызскому народу // Слово Кыргызстана. 1995. 29 августа.

Вопросы к теме:

1. В каком письменном источнике даются первые сведения об эпосе «Манас»?

2. Какова центральная идея эпоса «Манас»?
3. Какое место занимает эпос «Манас» в духовной жизни кыргызского народа?

Тема 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ЭПОСА «МАНАС»

В кыргызском манасоведении принято начинать историю изучения эпоса с середины XIX в. Мы разделили историографию вопроса историко-этнографического изучения эпоса «Манас» условно на два периода: первый – начиная со средних веков до 1917 г., второй – с 1918 г. по настоящее время.

Первый период с некоторой оговоркой можно начать со средневекового времени. Арабоязычный автор, путешественник и врач **Тахир Аль-Марвази** в начале XII в. отмечал, что кыргызские правители имеют певцов и сказителей, которые вечерами развлекают их своими песнями и сказаниями в сопровождении струнного инструмента. Это первое упоминание о кыргызских исполнителях фольклорных произведений в письменных источниках. Конечно, нельзя с достоверностью утверждать, что они исполняли именно «Манас». Однако, если учесть тот факт, что эпос слагался в течение длительного времени и подобрал в себя различные мелкие сказания и другие жанры, вполне вероятно, что уже в то время исполнялись такие произведения, которые впоследствии могли влиться в состав эпоса.

Если по труду арабского автора XI–XII вв. трудно утверждать, что речь идет именно об эпосе «Манас», то другой письменный источник уже уверенно говорит об этом. Это сочинение «Маджму ат-таварих» («Собрание историй»), написанное на таджикском языке. Его автор – **мулла Сайф а-дин Ахсикент**, после смерти которого труд был завершен его сыном Нур Мухаммадом. В целом рукопись датируется 1503 г. Известны три списка этого произведения. Два списка находятся в Санкт-Петербурге: один – в Институте востоковедения, другой – в Восточном отделе Петербургского университета. Третий список находится в Бишкеке, в отделе рукописей и публикаций НАН Кыргызской Республики.

«Маджму ат-таварих», по мнению первых его исследователей, – произведение полуисторического-полулегендарного характера, где исторические факты и даты перемешаны с легендарными событиями. Однако в нем отражены кыпчакские и кыргызские

генеалогические предания Ферганы и Тянь-Шаня, в том числе несколько эпизодов эпоса «Манас». В нем отражены также этнографические сведения о кыргызах и других тюркских народах. Таким образом, полное использование «Маджму ат-таварих» может стать важным источником при разработке в Среднеазиатской этнографической области этнокультурной истории кыргызского народа.

В «Маджму ат-таварих» приведены жизнеописания касанских и ширкентских шейхов. Все остальные сведения о кыргызах и других народах, в том числе и эпизоды эпоса «Манас», описаны в связи с этими событиями. Собственно историографическому анализу можно подвергнуть ту часть «Маджму ат-таварих», перевод которой сделан В.А. Ромодиным. Вместе с введением и комментариями В.А. Ромодина перевод извлечений составляет около 109 машинописных страниц и хранится в рукописных фондах НАН Кыргызской Республики. Перевод извлечений сопровождается введением, комментариями и суждениями, на наш взгляд, он является, по существу, первым предварительным рассмотрением этого сочинения как исторического источника [1].

О Манасе, его отце Якуб-беке и их противнике Джолое говорится в этих извлечениях на 35 страницах. Изложение эпизодов, непосредственно связанных с эпосом «Манас», заканчивается смертью Джолоя от руки Манаса. В дальнейших эпизодах имя Манаса упоминается еще несколько раз. Но ничего не говорится о его смерти и каких-либо потомках, как это изложено в позднейших записях эпоса.

«Маджму ат-таварих» интересен нам прежде всего тем, что в эпизодах, где говорится об эпосе «Манас», его герои живут, творят вместе с действительными историческими личностями, жившими в разное время. Так, например, вместе с эпическими героями в сочинении называются имена конкретных исторических лиц: Абака-хана – правителя Ирана в 1265–1282 гг., Тимура, жившего в 1336–1405 гг., Тохтамыш-хана (умер в 1406 г.) – правителя Золотой Орды в конце XIV в. и др. Более того, в нем говорится, что, якобы, Тохтамыш построил для Манаса город Манасию, хотя по источникам известно, что Тохтамыш не был в г. Манасе, расположенном на территории Китая.

В произведении отражен ряд географических названий Кыргызстана: Ат-Башы, Арпа-Жазы, Каркыра, Кавак, Кочкор, Талас и т.д. Упомянуты топонимы соседних территорий: Ташкент (Шаш), Кара-Кышлак, Андуган (Андижан), Кулан, Кырк-Куль и т.д.

В середине XIX в. один из эпизодов эпоса «Манас» – «Поминки по Кёкётёю» – записывает казахский ученый **Чокан Валиханов** [2]. В научном наследии Ч. Валиханова важное место отводится изучению истории и культуры кыргызского народа. Впервые он посетил Кыргызстан в 1856 г., будучи участником крупной военно-научной экспедиции на озеро Иссык-Куль под руководством полковника М.М. Хоментовского. Во время этой экспедиции он и записал отрывок из эпоса «Манас» от неизвестного кыргызского сказителя.

Значение записи Ч. Валиханова подтверждает и факт публикации отрывка из эпоса «Манас» на английском языке известным ученым, профессором Оксфордского университета А. Хатто [3]. По фотокопии отрывка он сумел переложить кыргызский текст, записанный арабской графикой на латинскую и сделать прозаический перевод на английский язык. Как утверждает известный филолог К. Ботояров [4], английский исследователь допустил некоторые ошибки текстологического порядка, хотя в целом это не умаляет значения его работы.

Ч. Валиханов рассматривал эпос «Манас» как разносторонний источник, где отражены сведения по истории и культуре, миропониманию кыргызского народа в дореволюционном прошлом. Если обратиться к трудам Ч. Валиханова, то нетрудно заметить: почти во всех работах, где говорится о кыргызах, он стремится использовать нужную информацию из «Манаса». Особенно это заметно в его трудах «Очерки Джунгарии», «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о киргизах».

Ч. Валиханов проявлял большой интерес к проблеме происхождения кыргызского народа. Об этом свидетельствуют следующие строки из его «Записок о киргизах»: «Удивительно также то, что в преданиях своих о Манасе, герое ногайском, они с древнейших времен ставят себя в Андижане» [5, с. 49].

Хотя Ч. Валиханов записал лишь один значительный эпизод из «Манаса», он является немаловажным источником при исследовании самых различных вопросов истории, культуры и быта, а также философских взглядов кыргызского народа. Вот что писал об этом сам Ч. Валиханов: «Главным источником для истории народов кочевых и вообще племен, не имеющих письмен, были и будут полубаснословные их легенды и отрывки известий из летописей цивилизованных народов, с которыми они имели столкновение. Особенно это справедливо в отношении

наших кочевников Средней Азии. История говорит о них очень мало, о других совершенно ничего» [6, с. 349].

Известно, что текст отрывка из «Манаса», записанный Ч. Валихановым в 1856 г., был утерян. И только в советское время он был обнаружен казахским ученым А.Х. Маргуланом благодаря письмам известного татарского ориенталиста, ученого и просветителя Хусаина Фаизханова к Ч. Валиханову. Отрывки из этих писем были опубликованы впоследствии А.Х. Маргуланом в его статье, посвященной творчеству Х. Фаизханова [7]. В 1863 г. в руки Х.Фаизханова попал единственный экземпляр рукописи «Сказание о Кёкётёй-хане». Он одним из первых сделал научно-обоснованный анализ эпоса, уловил его национальный дух, дал высокую оценку.

Впервые в более полном виде эпос «Манас» был опубликован в 1885 г. Этой публикации в 2010 г. исполнилось 125 лет. Заслуга в осуществлении этого исторического события всецело принадлежит выдающемуся тюркологу, академику **В.В. Радлову** (1837–1918). В своем классическом труде «Образцы народной литературы северных тюркских племен» [8] академик В.В. Радлов в 1885 г. в Санкт-Петербурге опубликовал записанные им отрывки из эпоса «Манас» на кыргызском языке в русской транскрипции, а затем издал тексты в Лейпциге на немецком языке в собственном переводе. Окончив Берлинский университет (он был уроженцем Германии), летом 1858 г. он уже получает назначение на службу в качестве учителя гимназии в Барнауле.

Заслуги В.В. Радлова перед тюркологией, в том числе кыргызоведением столь значимы, что заслуживают специального рассмотрения.

По собственным словам В.В. Радлова, Кыргызстан он посетил дважды: в 1862 г. он побывал на Текесе у бугинцев, а в 1869 г. – в западной части озера Иссык-Куль и в местности (он не указывает название) к юго-востоку от г. Токмак. Однако в другой книге В.В. Радлова «Из Сибири» указываются три даты: 1862, 1868, 1869 гг. Во время этих поездок он и записал некоторые образцы устного народного творчества кыргызов, в том числе и сокращенный вариант эпоса «Манас», составившие пятый том его «Образцов».

Что представляет собой публикация В.В. Радлова? Тексты изданы на кыргызском языке и в переводе на немецкий, но отдельными книгами. В структурном плане составленные В.В. Радловым образцы кыргызского фольклора разделены на четыре части. В первую часть он включил эпос «Манас», во вторую и

третью – самостоятельные сказания «Жолой хан» и «Эр Тоштюк». А четвертую часть составляют несколько причитаний (кошоктор). Такое деление, по мнению ученого, является условным: «Эпические песни приведены мною под тремя заглавиями: Манас, Йолой и Тоштюк, но не нужно думать, что это три отдельных эпоса» [9, с. 33].

Собственно эпос «Манас» разделен В. Радловым на семь эпизодов. Первый эпизод «Рождение Манаса», по словам самого В. Радлова, «очень скудного содержания и кажется мне песнею, случайно составленной вследствие моего вопроса о рождении Манаса» [9, с. 33].

Второй эпизод говорит о принятии ислама калмыком Алмамбетом, который вначале находит убежище у Кёкчё, а затем, поссорившись с ним, переходит на сторону Манаса и остается верным ему до конца своей жизни. Следует отметить: события, связанные с Алмамбетом, имеют место во всех позднейших вариантах и записях эпоса «Манас».

В третьем эпизоде воссоздается общая картина жизни Манаса: повествуется о борьбе между Манасом и Кёкчё. Потом следует сватовство Манаса и его женитьба на Каныкей. Далее Манас погибает по неизвестным причинам, после чего описываются судьбы родственников Манаса и его возвращение к жизни.

В. Радлов обратил внимание на творческое отношение сказителя к изображаемым событиям, что особенно ярко проявилось во время исполнения эпоса. Он писал: «Певец в продолжение всей песни выставляет Манаса как друга белого царя, русского императора и русского народа. Царь везде принимает участие как действующее лицо. Это упоминание о царе было вызвано только моим присутствием. Певец, думая, что русский чиновник может обидеться на то, что Манас побеждает и русских, и поэтому позаботился о приятном для меня изменении. Такое обстоятельство ясно указывает, какое внимание оказывает певец своим слушателям» [9, с. 34].

Четвертый эпизод озаглавлен В. Радловым «Бок Мурун». В традиционных вариантах эпоса ему соответствует крупный эпизод «Поминки по Кёкётёю».

Пятый эпизод – «Кёз Каман» – излагает причины смерти Манаса, упомянутой в третьем эпизоде. Манас, вопреки возражениям своей жены, принимает родственников, живших раньше у калмаков, и, поссорившись с ними, погибает.

В шестом и седьмом эпизодах, названных В. Радловым соответственно «Рождение Семетея» и «Семетей», повествуется о смерти Манаса и судьбах его сына Семетея и внука Сейтека. Заканчивается последний эпизод тем, что возмужавший Сейтек мстит за своего отца – Семетея.

Первое издание эпоса имеет предисловие В. Радлова, написанное им в октябре 1885 г. в Петербурге, которое состоит из 26 страниц и представляет по существу самостоятельное исследование по устному творчеству кыргызского народа. Именно здесь высказывается мысль о необходимости бережного и критического отношения к фольклору любого народа. В. Радлов писал: «Так как главная цель моя состояла в собирании необходимого материала для изучения кара-кыргызского наречия, я мог довольствоваться записыванием значительного числа текстов в том виде, в каком они мне были продиктованы певцами. Поэтому я и не обращал внимания на встречавшиеся варианты и противоречия и не сокращал диктуемого для избежания повторения. Но я думаю, что я только таким образом мог представить состояние настоящей эпохи» [9, с. 33].

Собрав в своем классическом десяти томном труде образцы народной литературы почти всех тюркских народов Евразии, академик В. Радлов проделал весьма ценную для последующих исследователей работу. Отдельный том этого фундаментального труда целиком посвящен кыргызскому языку и фольклору.

Второй период историко-этнографического рассмотрения эпоса «Манас» охватывает период с 1918 г. по сегодняшний день.

Белека Солтоноева (Солтонкелди уулу) (1878–1938) по праву считают историком, литератором, поэтом. Мы назвали бы его еще и первым кыргызским этнографом. Уже дана оценка его поэтическому и литературному наследию, его творческой деятельности в целом. Б. Солтоноева следует считать первым кыргызским ученым, который в силу своей подготовленности исследовал эпос «Манас» и некоторые другие произведения, не оставшись в стороне и творчество отдельных манасчи. Здесь уместно напомнить, что в анкетах он всегда считал себя этнографом, и его этнографическая деятельность еще ждет своего исследователя. Именно поэтому второй период историко-этнографического изучения эпоса «Манас» мы начали с него [10].

Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) – один из первых исследователей, вплотную занимавшихся разработкой истории кыргызского народа как в досоветское, так и в советское

время. В его огромном научном наследии нашлось место и привлечению фольклорных материалов в качестве подспорного источника. Судя по отдельным его работам, посвященным в основном истории Кыргызстана, ему были знакомы и различные жанры устного народного творчества кыргызов.

В своей известной работе «Киргизы» [11] ученый неоднократно упоминает эпос «Манас». Он высказал свое предположение о влиянии «ногайского эпоса на киргизский». В ряде других работ он использует эпос «Манас» как источник для изучения различных вопросов истории и культуры кыргызского народа. В работе «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии», говоря о военном устройстве кыргызов, В.В. Бартольд отмечал, что их борьба с джунгарскими феодалами «оставила след в киргизском народном эпосе, особенно в цикле сказаний о Манасе» [12, с. 190]

Ученый критически относится к тому, что в эпосе «Манас» борьба кыргызского народа изображается как религиозная война. Он пишет что «киргизы и в XIX в., как и в XVI, почти совершенно не были знакомы с догматами и обрядами ислама» [10, с. 190]. Полностью утверждать, что кыргызы в указанное время совершенно не были знакомы с исламом, было бы, на наш взгляд, неверным. Видимо, ученый хотел сказать, что кыргызы догматы и обряды исламской религии усвоили поверхностно.

В изучении этнографии кыргызского народа большая заслуга принадлежит **Саулу Матвеевичу Абрамзону** (1905–1977). Пожалуй, трудно назвать те аспекты истории и культуры кыргызов, которых он не коснулся. В его научном наследии важное место занимают и работы, где использованы материалы устного народного творчества кыргызов. Если оперировать конкретными фактами, то в более чем двадцати его работах привлечены фольклорные данные, а некоторые из них посвящены непосредственной характеристике тех или иных фольклорных жанров.

О фольклоре кыргызского народа он, вероятно, знал уже с первых же своих поездок на территорию Кыргызстана. Так, еще в 1927 г. в газете «Советская Киргизия» он опубликовал статью «Следы исчезнувших культур», где говорит о мазаре Манаса.

С.М. Абрамзон был одним из первых, кто активно использовал эпос «Манас» в качестве историко-этнографического источника для познания культуры и быта кыргызского народа. В фундаментальной работе «Киргизы и их этногенетические и

историко-культурные связи», одна из глав – «Устное народное творчество» – почти полностью посвящена эпосу «Манас». Уже во введении к своей работе С.М. Абрамзон отмечает: «Не сделав попытки проследить разносторонние этногенетические и историко-культурные связи киргизов с соседними народами и с народами сопредельных стран, трудно было бы объяснить и истолковать своеобразие быта и культуры самих киргизов» [13, с. 3].

Говоря о том, что большое место в эпосе занимает бытовой материал: мастерски написанные картины свадеб, поминок, народных игр, развлечений и т.п., С.М. Абрамзон подчеркивает важность этих данных в качестве иллюстративного материала по историко-этнографическому изучению киргизов и тем самым направляет ученых к углубленному изучению фольклора, в особенности эпоса «Манас». С.М. Абрамзон не забывает и о сравнительно-историческом анализе фольклорного материала. Он пишет: «Киргизский эпос должен рассматриваться и изучаться в самой тесной связи с монголо-ойратским эпосом, а также с эпосами народов, населяющих Саяно-Алтайское нагорье... Именно сюда, в Монголию, Туву, Алтай, Минусинские степи и Восточный Туркестан – уводят нас не только уже прощупываемые общие фольклорные и этнографические сюжеты, но и этнические, исторические и культурные связи киргизского народа. Идя по этому пути, этнограф сможет достичь весьма эффективных результатов в овладении эпическим материалом как этнографическим источником» [13, с. 352]. В то же время он напоминает о том, что нельзя игнорировать тесные связи киргизов и их эпическое творчество с народами и фольклором Средней Азии и Казахстана.

Заметный след в изучении эпоса «Манас» оставил выдающийся тюрколог **П. Фалев**, который в своей статье «Как строится кара-киргизская былина» [14] впервые высказал мысль о схожести поэтики киргизского эпоса с древними орхон-енисейскими руническими памятниками. Эту идею в последующем развивал видный казахский ученый **М. Ауэзов**, который также сближал эпос «Манас» с тюркскими руническими памятниками [15].

К теме «Манаса» не мог не обратиться и выдающийся тюрколог-лексикограф, академик **К.К. Юдахин**, многие годы плодотворно работавший в Кыргызстане. Он является автором одного из уникальных двуязычных словарей, который содержит

около 40 000 слов кыргызского языка. Словарь, изданный издательством «Советская энциклопедия» в 1965 г. и удостоенный Государственной премии СССР (1967), давно стал библиографической редкостью.

Насыщен словарь и образцами лексики эпоса «Манас». Вот авторитетное мнение о языке эпоса «Манас» ученого, всю жизнь посвятившего изучению кыргызской лексики: «Язык киргизского эпоса – это язык современных его сказителей. Кроме отдельных случаев архаической лексики мы, пожалуй, не найдем в нем никаких отличий от современного киргизского языка: фонетика, морфология, синтаксис те же, что и в стихах современных киргизских поэтов. Есть в нем некоторое количество диалектизмов, которые присущи тому или иному сказителю. Но эти диалектизмы – главным образом фонетические – не выходят за рамки того, что мы наблюдаем в произведениях современных киргизских писателей» [16, с. 7].

Заметный вклад в изучение эпоса «Манас» внес профессор **А.Н. Бернштам**, известный историк. Конкретизируя задачи исторического изучения эпоса, А.Н. Бернштам, отмечает следующие основные вопросы. Как и всякий эпос «Манас» содержит в себе две ярко отличающиеся друг от друга части. Первая из них – события, имеющие четко выраженную историческую физиономию, могущие быть сопоставленными с таковыми же событиями, зафиксированными в письменных источниках, вторая – явления из жизни народа, которые генетически уходят в глубины первобытно-общинного строя.

«Эпос, эта устная летопись народа, – пишет А.Н. Бернштам, – чрезвычайно богат содержанием как в смысле отложившихся в нем исторических фактов, так и в смысле отражения народной мудрости» [17, с. 148].

Исследуя эпос «Манас», А.Н. Бернштам приходит к выводу, что в нем ярко вырисовываются две категории фактов – основные периоды политического подъема кыргызского народа в борьбе за независимость в VIII–IX и XVII–XIX вв.

Плодотворную работу по изучению генезиса эпоса и сказительского мастерства манасчи провел известный филолог, академик **В.М. Жирмунский**. Рассматривая проблему эволюции эпоса, он убедительно показывает, как образ Манаса «проходит через ряд последовательных трансформаций – от сказочного богатыря волшебной сказки, через племенного вождя, главаря

дружины богатырей, до могучего феодального властителя» [18, с. 255].

В составе кыргызского эпоса «Манас» В.М. Жирмунский различает три основных слоя. К *первому слою* ученый относит древнейший, доисторический слой, который восходит к архаическому типу богатырской сказки со значительным преобладанием сказочно-мифологической фантастики. Он относит его к VI–XIV вв. *Второй слой* – исторический, по преимуществу связанный с историческим фоном калмыцких войн, датируется XV–XVII вв., и *третий*, наиболее поздний слой, определивший собою «мусульманизацию» эпоса, – с XVII по XIX в.

В зарождении и становлении науки о «Манасе» большая заслуга принадлежит путешественникам, ученым-ориенталистам середины XIX – начала XX в. Ч. Валиханову, В. Радлову, Г. Алмаши и др. Уже тогда ими были заложены некоторые общеметодологические принципы будущего манасоведения, касающиеся исходного генезиса, социальной и поэтической генеалогии, эволюции, общей поэтики, художественной структуры, гармонии содержания и формы, древнейшего мифологического ядра и его разрастания до нынешних размеров.

В советское время большой вклад в становление манасоведения как науки внесли ученые В. Жирмунский, М. Ауэзов, Б. Юнусалиев, К. Юдахин, А. Бернштам, П. Берков, С. Абрамзон, П. Фалев, В. Виноградов и др. Научные работы вышеуказанных исследователей были вызваны многими практическими потребностями времени, и, в первую очередь, стремлением объяснить культурное развитие народа, который создал этот эпос. Определить историю кыргызов как самостоятельного этнического образования, понять механизмы формирования и особенности мировоззренческой системы кыргызов, определить общественное устройство и взаимосвязь кыргызов с другими этносами – стало одной из основных задач многих ученых, изучавших эпос «Манас». Ответы на эти самостоятельно выдвинутые вопросы рассматривались при помощи комплексных методов и приемов. На основании этих исследований стали возникать все новые теории и концепции, складываться научные направления и школы, которые со временем образовали новую науку об эпосе «Манас».

Литература

1. *Ромодин В.А.* Маджму ат-таварих (перевод извлечений): Материал по истории киргизов и Киргизии. М.: Наука, 1973.
2. *Валиханов Ч.Ч.* Смерть Куко-тай хана и его поминки (Отрывок из героической саги дикокаменных киргизов «Манас») // Соч. Ч.Ч. Валиханова; под ред. Н.И. Веселовского, СПб., 1904.
3. *Hatto, Arthur T.* The Kirghiz original of "Kukotay" found // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Univ. of London, 1971. Vol. 34, part 2.
4. *Ботояров К.* Английское издание эпоса «Манас» (текстологические аспекты) // Фольклор. Поэтика и традиция. М.: Наука, 1982.
5. *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. Собр. соч.: в 5 т. т. II. Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1984.
6. *Валиханов Ч.Ч.* Очерки Джунгарии. Собр. соч.: в 5 т. Т. III. Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1985.
7. *Маргулан А. Х.* Шокан жэне «Манас» (Чокан и «Манас»). Алма-Ата, 1972.
8. *Радлов В.В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. V. Наречие дикокаменных киргизов. СПб., 1885.
9. *Радлов В.В.* Предисловие // Энциклопедический феномен эпоса «Манас». Бишкек: Мурас, 1995.
10. *Солтоноев Б.* Из древней истории кыргызов // Тюркский мир. 1991. № 1.
11. *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк. Соч.: в 5 т. Т. II. Ч. I М.: Наука, 1963.
12. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч.: в 5 т. Т. V. М.: Наука, 1968.
13. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1991.
14. *Фалев П.* Как строится кара-киргизская былина // «Манас» – героический эпос киргизского народа. Фрунзе: Илим, 1968.
15. *Ауэзов М.О.* Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М.: АН СССР, 1961.
16. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
17. *Бернштам А.Н.* Эпоха возникновения эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М.: АН СССР, 1961.

18. *Жирмунский В.М.* Введение в изучение эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М.: АН СССР, 1961.

Вопросы к теме:

1. Какие географические названия Кыргызстана отражены в рукописи XVI века «Маджму ат-таварих»?
2. Кто из исследователей XIX века первым записал отрывок из эпизода эпоса «Манас»?
3. Кто из ученых первым опубликовал в XIX веке сокращенный вариант трилогии «Манас», «Семетей» и «Сейтек»?
4. Какие ученые советского времени внесли большой вклад в становление научного манасоведения?

Тема 3. ВЫДАЮЩИЕСЯ СКАЗИТЕЛИ ЭПОСА – МАНАСЧИ

Создатели эпоса «Манас» – талантливые люди из народа. Они же и хранители эпоса, передававшие его тексты из поколения в поколение. Благодаря им «Манас» постоянно развивался, расширялось его содержание, совершенствовались формы, и он стал тем «Манасом», который мы знаем сегодня.

Сказителей этого эпоса в народе называют «манасчи». Исполнение эпоса для них – основная профессия. Манасчи не только пересказывает известный сюжет, но, благодаря своему поэтическому таланту, передает его своими словами, по-своему komponуя детали, объясняя отдельные явления, иногда даже трактуя образы отдельных героев. Он – своеобразный летописец вечно живой истории народа, его духа, выразитель его чаяний и надежд. Манасчи пользовались большим уважением и глубоко почитались как выдающиеся личности. Их имена веками хранились в памяти народа. Об особом месте, занимаемом манасчи, хорошо сказал известный музыковед **В.С. Виноградов**: «Манас» – это монументальное эпическое полотно, воссоздать которое может человек, обладающий исключительной памятью, музыкально-поэтическими способностями, высокой одаренностью импровизатора. Акыны исчисляются многими десятками, манасчи – единицами» [1, с. 158].

А вот как оценивает значение манасчи в жизни кыргызского народа народный артист Кыргызстана, кинорежиссер **Төлөмүш Океев**: «Многие из манасчи, комузчи были абсолютно

безграмотными, расписаться не умели. Но в них, словно в конденсаторах, был сосредоточен гений нашего народа. Они, как никто, знали жизнь, обычаи, историю страны. Это была живая память народа. Манасчи и комузчи были одновременно и сочинителями, и исполнителями. Они владели истинным языком поэзии, умели передавать красоту земли, природы.

Рассказывая о легендарных эпических героях, об их удивительных судьбах, характерах, они на ходу перевоплощались то в одного, то в другого персонажа. В сущности, это был целый театр» [2, с. 94].

Изучение творчества сказителей «Манаса» составляет одну из важных проблем манасоведения. Сегодня науке известны творческие биографии свыше сорока сказителей эпоса.

Согласно народным преданиям, первым манасчи был один из сорока витязей самого Манаса – **Ырчи Сын Ырамана**, который из отдельных прозаических рассказов начал слагать цикл героических поэм о подвигах народного богатыря. Непосредственно в самом эпосе упоминается **Джайсан Ырчи**, который, якобы, жил при Манасе и воспевал его деяния. Далее народная легенда гласит, что отдельные песни-плачи, бытовавшие в народе, собрал воедино, положив начало эпосу «Манас», **Токтогул** – легендарный певец, о котором сохранилась народная поговорка: «Будь таким певцом, как Токтогул, и таким знатоком скакунов, как Толубай». Следующим крупным манасчи в народе считается **Ноуруз**, которому приписывается значительное дополнение содержания эпоса. По дошедшим до нас преданиям, Ноуруз жил в XVIII в.

Хорошо сохранились в народной памяти имена таких сказителей как **Кельдибек** и **Балык**. Имя Кельдибека (приблизительно 1800–1880) обросло легендой. М. Ауэзов сообщает о сказителе следующее предание. «Говорят, что когда он пел, дрожала юрта, в которой он сидел, силой своего пения он потрясал стихии, на аул неожиданно налетал ураган, неведомые всадники, от топота их коней содрогалась земля...» [3, с. 18].

Кельдибек, согласно сохранившимся преданиям, отличался от остальных певцов тем, что обладал чудодейственным словом, силе которого были подвластны и природа, и духи предков, каждый раз удостаивавшие необыкновенного избранника личным присутствием. Такой легендой сопровождала имя Кельдибека народная фантазия.

О Балыке известно, что жил он примерно в 1793–1873 гг. По воспоминаниям одного из крупнейших манасчи **Шапака**, «он был крепким, ладно сложенным, на его плечи могли бы свободно усестся два человека. Голова его была с котел, уши словно щит. Рот и глаза напоминали рыбу, брови его торчали, словно колосья ячменя, когда он насупливался, брови закрывали его глаза. Зубы его были крупные и большие с лопату, пальцы рук очень длинные. Он был рыжевато-светлым, с усами, свисающими до редкой бороды. Нос он имел широкий, шею можно сравнить с шеей быка. Он даже в старости держался прямо, голос его был подобен голосу тигра. Он постоянно соблюдал молитвенный ритуал и в руках всегда держал четки. Одежду он любил носить только широкую, не стесняющую. Зимой он постоянно носил лисью и волчью шубу» [5, с. 11].

Сведения о живших в более позднее время сказителях, например, о великом сказителе **Тыныбеке Джапиеве** (1846–1902), **Чоюке Омурове** (1880–1925) и др., значительно точнее и шире. Из преемников Чоюке, одного из крупнейших манасчи XX в., наибольшей известностью пользовался **Саякбай Каралаев**. Вот как рассказывает о том, как Тыныбек Джапиев стал манасчи, М. Ауэзов.

Будучи в молодости аильным старшиной, Тыныбек поехал однажды в Каракол, где за несвоевременный взнос покибиточного налога был оштрафован начальством и посажен на неделю под арест. Отбыв наказание, он выпросил у знакомого лошадь («байтал» – трехлетку), чтобы доехать до своего аула. В дороге он остановился в безлюдном месте в урочище Тосор и, утомленный ездой, уснул. И вот он увидел сон, будто к нему подъехала большая группа всадников – Манас на своем светло-саврасом коне Аккуле и его **кырк чоро**. Всадники расположились на привал возле Тыныбека. Манас сел отдельно, его спутники разделились на четыре группы. Во время еды Манас приказал своим слугам подать пищу и Тыныбеку. Слуги поднесли ему мед (между прочим, Тыныбек никогда раньше не пробовал его и впоследствии, когда ему пришлось есть мед на самом деле, он, якобы, заявил что именно этим угощали его слуги Манаса). От слуг Тыныбек узнал, кто эти всадники и их предводитель. Когда он, опомнившись, собрался подойти к ним, они быстро снялись с места и стали удаляться. Тыныбек безуспешно гнался за ними.

Уже во время этой погони во сне, он стал петь о Манасе. А проснувшись, неожиданно для себя обнаружил прилив

бесконечно длинных, прекрасных песен о Манасе. Лошадь его, до того времени едва волочившая ноги, понеслась во весь дух. Прозревший Тыныбек пел всю дорогу. По приезду в аул он не мог оторваться от навеянных видением напевов и пел целую ночь. Так, по свидетельству современников Тыныбека, вселился в него дивный дар песнопения [4, с. 112].

Сагымбай – выдающийся сказитель из Нарынского района из рода Саяк, колена Мойнок. В 1922 г. ему исполнилось 55 лет. Отец его Орозбак был очевидцем и участником многих важных исторических событий, предшествовавших и сопутствовавших периоду присоединения этого края к России. Орозбак состоял трубачом у известного манапа из рода Сарыбагыш Ормона. Рассказывают, что он был очень талантливым кернейчи (музыкантом: исполнителем кыргызских старинных кюев – сложных инструментальных мелодий).

Сын его, будущий джомокчу (сказитель) Сагымбай, родился на берегу Иссык-Куля. Сагымбай рано начал увлекаться ролью исполнителя. Наделенный от природы недюжинной памятью, молодой человек вначале собирал и заучивал различные обрядовые, лирические, свадебные песни, запоминал интересовавшие его отрывки из эпоса, выступал как ырчи (певец) на многих семейных вечерах, тоях (пирах) и увеселительных торжествах. Посвящению его в джомокчу, как и Тыныбеку, тоже способствовал, по его словам, «знаменательный сон». До этого момента репертуар Сагымбая состоял, по-видимому, из самых разнообразных песен преимущественно мелких форм. Постоянный участник вечеринок, юноша был неутомимым импровизатором лирических, любовных, игровых песен, которыми обычно сопровождаются развлечения киргизской молодежи. Многие из этих песен, как, например, «Секетбай», «Кыз обыш» и подобные им, сохранились в его памяти до старости [4, с. 123].

Когда Сагымбай становится признанным джомокчу, он приобретает облик профессионального певца, и его дальнейшая деятельность протекает уже не только в родном аиле среди сородичей, но и в кругу слушателей из масс. Как многие популярные певцы, он попадает в среду слушателей из манапов и влиятельных родовых богачей. Например, он исполнял свой вариант у известных в свое время манапов Мамбет-Али, Дюра, Тезекбая, Чолпонкула [4, с. 124].

Исполнения Сагымбая проходили при многолюдной аудитории энтузиастов-слушателей, при напевном, отчасти игровом

(жестикуляция, мимика) исполнении. Он сливался в одно целое с поклонниками, ободряющими его возгласами и восхвалениями, как бы созерцая героические сцены им же самим раскинутого полотна. В таких условиях почти каждое исполнение являлось вдохновенным пением.

Саякбай Каралаев (1894–1971). Это имя знают во всех аилах и городах Кыргызстана. Люди с глубоким уважением вспоминают о нем, с гордостью говорят о его могучем, самобытном таланте.

Известный сказитель кыргызского героического эпоса «Манас» народный артист Кыргызстана Саякбай Каралаев родился в 1894 г. в селе Ак-Өлөң на Иссык-Куле. В молодости добровольцем сражался в рядах Красной Армии против басмачей и белогвардейцев, затем многие годы был колхозным активистом, исполняя обязанности председателя сельсовета.

Дарование будущего манасчи проявилось в юношеские годы. За короткий срок он становится талантливейшим исполнителем национального эпоса «Манас». Вариант эпоса «Манас» С. Каралаева признан литературоведами одним из наиболее полных, а в поэтическом отношении – наиболее художественным.

Саякбай Каралаев был не только манасчи, но и исполнителем малых кыргызских народных эпосов, а также создателем ряда оригинальных художественных произведений.

Память Саякбая поражала энциклопедичностью, стремлением передать сюжет эпоса наиболее полно и достоверно. Он снискал популярность именно тем, что в нем сочетался дар сказителя и актера. Вот как писал о С. Каралаеве Чингиз Айтматов в своей статье: «Он знал миллион строк океаноподобного «Манаса»: «...Саякбай Каралаев был художником национального значения... Чтобы охватить мыслью всю глубину и ширь предания древних времен, чтобы держать слово о «Манасе» перед лицом прошлого и настоящего, сказитель должен был обладать недюжинным интеллектом, феноменальной памятью, колоссальной фантазией и артистическим талантом. Таким и был наш Саякбай Каралаев, посвятивший всю свою жизнь искусству «Манаса» [6, с. 19]. Далее писатель говорит: «Если бы меня спросили, кого я знаю из великих людей своего народа, я, пожалуй, первым назвал бы Саякбая Каралаева» [6, с. 23].

Ч. Айтматов и С. Каралаев были современниками, и писатель имел возможность непосредственно видеть и слышать как творил один из выдающихся манасчи. Такая непосредственная встреча с великим эпосом древности, разумеется не могла не оставить

неизгладимого следа в творческой жизни писателя. Ч. Айтматов дает яркое представление об исполнительном искусстве великого манасчи: «Когда смотришь на Каралаева, на пластику его лица, жестов, выражение глаз, когда слушаешь этого человека, обладающего исключительным даром художественного перевоплощения, кажется, что и сам он является олицетворением эпического начала... Исполнительная манера Каралаева полна душевного накала: ритмика, страстность, вдохновение – и рядом тоска, горе; переживания, слезы – и рядом мужество, решимость, отвага. И снова раздумья, смех и плач...» [6, с. 23].

Красочно описывает выступление С. Каралаева и писатель М. Меншиков: «...Голос манасчи креп. В нем слышались то раскаты грома, то шелест степного ковыля, то шум боя богатырей. Лицо манасчи выражало попеременную злобу, отчаяние, ненависть, любовь, нежность. Руки его все время находились в движении. Речь замедлялась, когда манасчи передавал разговор героев, она ускорялась, когда шло описание события... Он один заменял целый театр» [7, с. 23].

Выдающимся сказителем «Манаса» был известный акын **Тоголок Молдо (Байымбет Абдрахманов)** (1860–1942). Уже с пятнадцати лет он начал интересоваться эпосом, в течение двух лет усваивал сюжет «Манаса», слушая великого сказителя Тыныбека. Слушал он «Манас» и в исполнении Сагымбая, также одного из выдающихся манасчи.

В двадцать три года Тоголок Молдо стал исполнять эпос самостоятельно. Полностью трилогию он не исполнял, известность пришла к нему как к сказителю «семетейчи», т.е. исполнителю второй и третьей частей «Манаса» – «Семетей» и «Сейтек». Сказ Тоголока Молдо – своеобразный сплав предшествующих традиций Тыныбека и Сагымбая. Тоголок Молдо был грамотным человеком, он сам записал свои варианты эпизодов «Детство Манаса», «Большой поход», «Смерть Манаса», «Малые походы» и более полные эпизоды из «Семетей». Всего им было записано около 52 тысяч строк «Манаса» и 26 тысяч строк «Семетей». Тоголок Молдо прославился не только как манасчи, но и как профессиональный поэт-акын, создавший прекрасные песни, стихи, басни, поэмы.

Одним из ярких, самобытных, талантливых представителей кыргызского искусства, знатоком устного народного творчества был **Молдобасан Мусулманкулов** (1883–1961). Родился он в 1883 г. в местечке Терек нынешнего Ак-Талинского района

Нарынской области. Его отец и старший брат были одаренными манасчи, поэтами-импровизаторами, рано раскрылись поэтическое и исполнительское дарование и у Молдобасана. В семнадцать лет он уже стал известным певцом и поэтом, а позже стал выступать перед народом со своим вариантом эпоса «Манас». Вслед за выдающимися сказителями эпоса «Манас» Сагымбаем Орозбаковым и Саякбаем Каралаевым он скоро стал одним из известнейших манасчи. С его уст было записано более 200 тыс. стихотворных строк эпоса «Манас», которые хранятся сейчас в рукописном фонде Института языка и литературы НАН Кыргызской Республики. Кыргызские ученые-манасоведы считают, что вариант М. Мусулманкулова по своим художественным особенностям близок к орозбаковскому варианту.

Более тридцати лет своей творческой биографии М. Мусулманкулов посвятил развитию кыргызской культуры. Когда в начале 30-х гг. XX века в республике открылась филармония, он был в числе ее первых артистов, ездил по кишлакам и джайлоо с выступлениями, щедро даря свой талант, радуя им народ.

Молдобасан Мусулманкулов – талантливый сын кыргызского народа, уникальный исполнитель образцов устного народного творчества, прекрасный сказитель эпоса «Манас», народный артист Кыргызстана, член Союза писателей СССР. Он оставил нам богатое литературно-художественное наследие, которое и сейчас занимает значительное место в кыргызской литературе и искусстве.

Исполнительскому мастерству сказителей кыргызского эпоса посвятили свои строки многие известные зарубежные ученые и писатели. Вот что пишет известный музыковед В.С. Виноградов: «Манера исполнения «Манаса» индивидуальна, самобытна... Искусство манасчи можно уподобить театру одного актера, настолько оно синтетично, художественно выразительно, завершено... Манасчи не пользуется инструментальным сопровождением. Его руки должны быть свободными для жестов. Лицо его одухотворенно. На нем происходит неустанная смена мимических кадров в соответствии с меняющимся содержанием сказа» [8, с. 492].

По наблюдениям драматурга В. Власова, «манасчи – это своеобразный киргизский театр. Во всяком случае, они заменили своим искусством отсутствующие в народе спектакли, театр, книгу...» [9, с. 64].

А вот как воспринял выступление С. Каралаева писатель В. Гроссман: «Каралаев начал читать... То было соединение пения и бурного, быстрого водопада стихов, и упругого речитатива, и медленного рассказа...

...Он не играет, не актерствует, а вновь и вновь, должно быть, видит битвы и пиры Манаса, горестно плачет, смеется, торжествует, гневается, когда в душе и в мозгу его возникают и меркнут видения правды и лжи отошедших веков.

Речь его напориста, слова идут быстро, густо, строки неумолимо, одна за другой, набегают на слушателя, и их сильный, упругий, ритмичный удар сливается подобно рокоту волн...

И вот оживает песчаная и пыльная пустыня, образовавшаяся на дне высохшего, исчезнувшего моря, и снова шумит, грохочет, бьется в пене и брызгах ушедшая тысячу лет тому назад живая вода» [10, с. 219–220].

Литература

1. *Виноградов В.С.* Эпос «Манас», его стиль и напев // Музыка народов Азии и Африки. М., 1980.
2. *Океев Т.* Научись жизни... // Искусство и человек. Фрунзе: Илим, 1981.
3. *Ауэзов М.* Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М.: АН СССР, 1961.
4. *Тентимишев М.* (составитель) Сказители эпоса // Мухтар Ауэзов жана Кыргызстан. Бишкек, 2010.
5. *Ауэзов М.* Сказители эпоса // Мысли разных лет. Алма-Ата, 1959.
6. *Айтматов Ч.* Он знал миллион строк океаноподобного «Манаса» // Статьи, выступления, диалоги, интервью. М.: АПН 1988.
7. *Меньшиков М.* Рассказы о Киргизии. М., 1968.
8. *Виноградов В.С.* Напевы «Манаса» // Манас. Героический эпос. Кн. 1, М.: Наука, 1984.
9. *Власов В.* Рождение музыкального театра в Киргизии // Искусство и человек. Фрунзе, 1981.
10. *Гроссман В.* Поездка в Киргизию // Год XXXI. Альманах первый. М., 1948.

Вопросы к теме:

1. Кто из выдающихся сказителей эпоса «Манас» был современником Ч. Айтматова?
2. Какими качествами должен обладать манасчи?
3. Кого народное предание считает первым манасчи, начавшего слагать цикл героических поэм о подвигах Манаса из отдельных песен?

Тема 4. ОСНОВНОЙ СЮЖЕТ ЭПОСА (на основе сводного варианта)

Излагается краткое содержание основных эпизодов первой части трилогии эпоса «Манас» по варианту Саякбая Каралаева.

Рождение и детство Манаса

Эпос начинается с изложения родословной Манаса, после чего описываются события, связанные со смертью деда Манаса – Карахана. После смерти Карахана китайцы покорили и разграбили киргизов и вместе с ними – восемь сыновей Карахана. Старейшины киргизов, собравшись на совещание, ищут выход из создавшегося положения. В это время на них опять нападают китайские ханы Алооке и Молто, и тогда восемь братьев во главе с Джакыпом выступают против китайцев, громят их караваны. Это служит поводом к новому походу Алооке и Молто. Вторично разграбив киргизов, Алооке отправляет всех восьмерых братьев в разные части света. Джакып с сорока юртами попадает на Алтай. Киргизы, поселившись на Алтае, работают на калмыков. Постепенно крепнут их хозяйства. Джакып становится богатым хозяином. Но у него нет детей, о чем он не перестает печалиться. В это время кудесники китайского правителя Эсенхана предсказывают появление у киргизов мальчика по имени Манас, который будет угрозой для Китая. Эсенхан решает немедленно разыскать этого мальчика и посылает за ним войско. Начинаются поиски еще неродившегося Манаса. Китайцы уводят другого мальчика по имени Джарманас, сына самаркандского ишана, и сажают его в темницу. Дальше описывается чудесный сон Джакыпа, значение которого разгадывает мудрый старик Акбалта.

Через несколько лет после этого сна, старшая жена Джакыпа Чыйырды рождает удивительного мальчика. В связи с появлением на свет устраивается пиршество, и новорожденному дают имя – Манас, в целях же сокрытия от врагов, злых глаз и слов, дают младенцу другое имя – Чонджинди.

Юные годы Манаса и его женитьба на Каныкей

Затем идет повествование о детских годах Манаса. Он растет большим шалуном и проказником, избивает 80 калмыцких детей, напавших на его товарищей. Отец отдает мальчика пастуху Ошпуру, но Манас и здесь продолжает свои шалости. Собрав 40 мальчиков, он режет больше 1000 ягнят и устраивает пиршество, во время которого убивает калмыцкого богатыря Канджаркола, напавшего на его сверстников, и отбирает у старика калмыка огниво. В связи со всеми этими событиями Джакып забирает своего сына от Ошпура.

По совету Акбалты Манас едет в Среднюю Азию в местечко Ат-Баши для встречи с Кошоем. В этом повествовании описывается местность, которой проезжает Манас, особенно восхищается он красотой озера Иссык-Куль. Побывав у Кошоя и выслушав его добрые советы, он едет обратно на Алтай. После отъезда Манаса на Алтай Кошой с войском идет на Кашгар. Цель его похода – освобождение богатыря Билерика и Джарманаса, заточенных китайцами в темницу. (Джарманас – мальчик, которого увели китайцы, думая, что он настоящий Манас. Билерик – сын хана Айкоджо.) Перебив стражу и воспользовавшись отсутствием китайского войска, которое было послано на Алтай против Манаса, Кошой без особого труда освобождает обоих узников. Затем он спешит к Манасу на помощь и прибывает со своим войском в самый разгар сражения Манаса с врагами. По приезду на Алтай Манас застаёт калмыцкое войско из 700 воинов во главе с богатырем Кочку, который напал на киргизов, воспользовавшись отсутствием Манаса. Манас истребляет вражеское войско. Спасается только один калмыцкий воин, который сообщает об этом сражении китайскому правителю Эсенхану. Пользуясь случаем, Манас собирает всех алтайских киргизов и перекочевывает в Среднюю Азию.

Манас во главе многочисленного войска, которое частями примыкало к нему во время переезда, приходит в Фергану и на Алай, задавшись целью покончить с Алооке, который к тому

моменту находился в Ферганской долине. Услышав о прибытии Манаса, Алооке отправляет к нему посланцев, предлагая сдаться. Но когда Манас прибывает в ставку Алооке, последний, испугавшись его величия и могущества, сам сдается ему и преподносит подарки. Когда Манас уезжает сражаться с афганским ханом Шооруком, Алооке, воспользовавшись отсутствием опасного противника, решает скрыться в Бейджине.

Манас по просьбе Айкоджо и по совету Кошой нападает на Алооке, чтобы наказать его за произвол и издевательства над киргизами. Получив известия о походе Манаса, Алооке забирает все свои богатства и вместе со всеми воинами уходит в Бейджин. Манас с сорока воинами преследует Алооке, истребляет всех его воинов и убивает его самого. Затем, вызвав самаркандского и многих других ханов, при участии Кошой делит между ними богатства Алооке. Манаса избирают ханом.

Война с афганским ханом Шооруком была вызвана его нападением на родичей Акбалты. Услышав о злодеянии Шоорука, Манас выступает против него, возглавляя только свою дружину из сорока воинов. Достигнув ставки Шоорука, Манас начинает громить его богатырей, Шоорук испугавшись, сдается без боя. Шоорук принимает веру Манаса и отдает ему в жены свою дочь Акылай.

Затем излагается история Акбалты и Чубака, включающая рассказ о рождении и детстве Чубака. Поход Чубака в Бухару, победа Каныкей над Чубаком и его приход к Манасу. С описанием прихода Чубака к Манасу связывается эпизод о находке верблюда и щенка, рожденного от грифа. Затем начинается описание женитьбы Манаса на Каныкей. Бакай считает, что у того пока нет достойной супруги, а те, что уже имеются – это военные трофеи.

Согласно родовому обычаю, следует иметь также «законную жену, которая взята по всем правилам (ее выбрали родители, за нее уплачен калым), поэтому Бакай настаивает, чтобы Манас женился. Манас посылает Бакая посватать ему Каныкей, дочь хана Темира. Бакай отыскивает город, где живет невеста. Следует сговор с родителями невесты с выдвижением взаимных условий. Когда Бакай возвращается, с дарами и свитой отправляется к невесте сам герой. Следует торжественная встреча, но Каныкей не жалует жениха. Манас врывается во дворец, избивает слуг, оскорбляет свиту невесты. Он охвачен страстью, на которую невеста сначала отвечает притворной

холодностью, а затем ранит Манаса кинжалом. Конфликт улаживает мать невесты, но примирения не наступило. В первую брачную ночь Манас до утра ожидает прихода Каныкей – так мстит невеста.

Разгневанный Манас приказывает своим сорока дружинникам истребить хана Темира, его дочь и все население города. Он сам истребляет людей и разрушает город. Беззащитная и покорная Каныкей предлагает мир. Но невеста и сорок ее подруг сталкиваются с ответным притворством Манаса. Тот предлагает друзьям устроить скачки и взять в качестве приза ту девушку, у чьей юрты остановится конь. Сам герой прибывает последним, когда все юрты, кроме той, где находится Каныкей, заняты.

Следует новое испытание: девушки с завязанными глазами должны выбрать себе пару. Пары получаются те же. Теперь по предложению Каныкей глаза завязывают мужчинам, но опять образуются те же пары. Алмамбету опять досталась Арууке. Красивая девушка понравилась воину, но она отвергла его, называя «китайцем». Арууке очень хотела выйти замуж за воина-кыргыза, и чтобы не достаться Алмамбету, превращается в страшную черную рабыню. Алмамбет приходит в ужас, не зная, что Арууке дочь пери. Отказ красавицы разгневал Манаса и он, решив отомстить за своего названного брата, объявляет войну. Чтобы отвести беду, Арууке соглашается выйти замуж за Алмамбета.

Великий поход и смерть Манаса

Вступлением к этому разделу служит описание заговора ханов. Двенадцать ханов и беков, собравшись на пиршество у Тёштюка, решают выступить против Манаса. Кошой их отговаривает, но ханы и беки, не послушав его, приезжают со своими войсками в ставку Манаса. Здесь их встречает дружина Манаса.

Начинается сражение, в котором дружина Манаса громит войска ханов. Желая избежать ненужного кровопролития, Бакай останавливает их. Хань идут с повинной к Манасу и сами просят его идти походом на Китай. Манас прощает их и предлагает им принять участие в походе на Китай. Хань соглашаются. Начинаются приготовления. Руководство войсками поручается Алмамбету, который вводит порядок и строгую дисциплину. Манас объявляет воинам – тот, кто не хочет идти в поход, может вернуться домой. Возвращаться никто не желает, а Каныкей

раздает членам военной дружины Манаса доспехи и снаряжение. Кошой благословляет ее и новорожденного Семетея. Войско отправляется в поход.

В пути Алмамбет, по совету Бакая, дает войскам отдых, а сам с Сыргакком едет на разведку. В это время по наущению одного из членов дружины Манаса, который пожаловался на Алмамбета, Чубак выезжает за ним для расправы. Манас едет за Чубаком и успевает как раз вовремя, ибо Алмамбет и Чубак после словесной брани с обнаженными мечами кидаются друг на друга. Манас разнимает их, недовольный их поведением. Помирившись, Алмамбет и Чубак просят у Манаса прощения. После этого Алмамбет рассказывает Манасу о силе и могуществе Китая. Манас решает сам принять участие в разведке и, несмотря на уговоры Алмамбета, едет с ними. Манас, Алмамбет, Чубак и Сыргак взбираются на гору Тал-Чоку, которая являлась приграничной зоной между киргизами и китайцами. Здесь Алмамбет рассказывает им историю своей жизни (этот эпизод называется: «Душевное раскаяние Алмамбета». – Т.Б.).

После этого Алмамбет и Сыргак уезжают в разведку. В пути они встречаются с многочисленными волшебными войсками китайцев. Алмамбет уничтожает их, применив колдовство. Он рассказывает Сыргакку о своей учебе у аяров и о любви к Бурулча – дочери Эсенхана.

Убив лисицу, кулджу и великана, стоявших на страже границ Китая, они едут дальше. Алмамбет переодевшись в одежду великана, слуги китайской ханши Канышай, пробирается к ней на пиршество и, напоив воинов, вдвоем с Сыргакком убивают их вместе с Канышай. Затем они доезжают до дворца Алмамбета, где он находит свою потерянную трубку и говорит о своей тоске по родине. Затем они отправляются дальше, чтобы угнать табуны лошадей Конурбая. Это удастся им, но главный табунщик Карагул извещает Конурбая, и китайское войско нагоняет Алмамбета и Сыргакка. Завязывается сражение. В это время Манас видит сон. Вместе с Чубаком он спешит на помощь. Китайцы разбиты, но скоро, собравшись с силами, снова наступают. Раненый Сыргак отправляется за подкреплением и присылает на помощь Манасу все киргизское войско.

Происходит кровавый бой, во время которого Манас и члены его дружины убивают Джолоя и стрелка Караджоя. Китайцы бегут. Чубак берет в плен китайского хана Нескару. Манас посылает члена своей дружины Аджибая для переговоров. Эсенхан

вынужден принять условия Манаса. Заключается мир. Манас становится ханом Чет Бейджина (столица приграничной провинции – Т.Б.), а его дружинники – правителями отдельных китайских районов. Кошой, Тёштюк, Джамгырчы возвращаются на родину.

Этим завершается первая часть «Великого похода».

Вторая часть начинается описанием подготовки китайцев к свержению Манаса. Китайцы жалуются китайскому императору Карахану на произвол манасовских ханов, но он говорит, что «...Манас будет управлять Бейджином шесть месяцев, как предрешено свыше», и велит подождать.

Манас отправляет в Талас посланцев с вестью о победе. Каныкей очень тревожится, отправляет посланца обратно и умоляет Манаса скорее вернуться. Тем временем Конурбай с помощью своего лазутчика, поступившего поваром к Манасу, пробирается к Манасу и в момент исполнения молитвы ранит его. Раненый Манас возвращается на родину. Но не успевает он доехать до Таласа, как Конурбай, собрав войско, нападает на киргизов, оставшихся в Бейджине. Начинается второе великое сражение.

Киргизы снова побеждают. Тогда Конурбай призывает своего стрелка Коджожаша, который учился вместе с Алмамбетом и был очень метким стрелком, и поручает ему истребить Манаса и его соратников. Меткими выстрелами Коджожаш убивает Алмамбета, Чубака, Сыргака, Кёкчё, Музбурчака, Бокмуруна и любимого коня Манаса Аккупу. Коджожаш погибает от руки Манаса, который снова переходит в наступление и гонит китайцев до Бейджина, но у ворот его слышит голос с неба, который советует ему вернуться на родину. Прекратив войну, Манас возвращается в Талас. От полученной раны здоровье его ухудшается, и он умирает.

Каныкей, Кошой, Бакай, Джамгырчи, Тёштюк хоронят Манаса тайно ночью, место захоронения остается в строжайшей секретности, о котором не знали даже родные Манаса. Для отвода вражеских глаз Каныкей строит мавзолеев, где хоронит сруб (манекен) из дерева.

(По В. Жирмунскому и К. Рахматуллину)

Вопросы к теме:

1. Каким изображен Манас в детстве?
2. При каких обстоятельствах Манаса избирают ханом?

3. Из-за чего произошел конфликт между Манасом и Каныкей еще до их женитьбы?

4. С кем вступил в конфликт Манас перед великим походом на Бейджин?

Тема 5. РОЖДЕНИЕ БОГАТЫРЯ МАНАСА

Эпизоды «Рождение Манаса», «Переселение Манаса с Алтая», «Женитьба Манаса на Каныкей», «Поминки по Кёкётёю», «Великий походж» в сокращенном виде даются из книги: «Манас»: Киргизский героический эпос по вариантам С. Орозбакова и С. Каралаева. Сост. З. Бектенов, К. Нанаев; Пер. на рус. яз. А. Валитовой, А. Сапожникова, Б. Кошбаева, З. Мамытбекова. Бишкек, 1999.

Китайцы подчинили своей власти сыновей хана Ногоя (1) и рассеяли их по разным частям света. Младшего Джакыпа изгнали на далекий Алтай.

В то время умер брат Ногоя Чийыр, и Джакып взял себе в жены его вдову, именуемую Шакан. Она забыла свое прежнее имя и стала называться в память Чийыра Чийырды. И еще Джакып женился на Бакдөөлёт, дочери Чаяна сына Бёёна из монгольского рода.

Росли у Джакыпа связи, множились его стада. Разбогател он на Алтае. Конские табуны его достигали сорока тысяч голов. А другого рода скот даже и пересчитать было трудно. Станешь считать – до конца не дойдешь.

Дожил так Джакып до сорока восьми весен, славен и богат стал его изгнанный род, но большая забота омрачала его: старость была уже на пороге, а богатые юрты Джакыпа не веселили звонкие детские голоса. Не было у него детей.

Однажды объезжал он свои стада, что привольно паслись на широких просторах, и горькие думы овладели им:

– Сам я богат безмерно, года мои подошли к сорока восьми. Неужели же до старости не увидят мои глаза ребенка? Кто станет хозяином моих стад, когда я умру? Для кого берегу я все это богатство, день и ночь утруждая себя заботами?

Думая так, не мог Джакып сдержать слез и поехал в сторону аила, потому что уже наступал вечер.

Неподалеку от дома на пути повстречался ему Мендибай – подросток лет одиннадцати, и увидев слезы Джакыпа, спросил его:

– Отчего ты плачешь, абаке? (2) Какое горе тебя тревожит?

Ничего не ответил ему Джакып и поехал дальше, а у юрты своей бросился с плачем наземь, даже коня своего не привязав.

– Отчего ты плачешь, Джакып? Какое горе тебя постигло? — встревожилась старая Чийырды.

– Нет у меня детей, горько мне, а старость близка, – ответил он ей. Расплакалась тогда и Чийырды – ведь ей тоже тяжело и печально было.

В ту ночь Джакып, его байбиче (3) Чийырды, и токол (4) Бакдёлёт увидели вещие сны.

Приснилось Джакыпу, что привязал он к насесту хищного Буудайик, сказочную птицу, а рядом белого кречета с пестрой шеей. И вдруг все пернатые неба, распластав свои крылья, начали слетаться к кречету и склоняться перед ним. Лучше всех пернатых существ был этот горделивый белый кречет, что сидел на насесте.

Иной сон видела Чийырды. Ей снилось, что некий белобородый старец протянул ей яблоко, крупное, как чаша для сорпо (5). Съела его Чийырды и так располнела, что не могла ни стоять, ни сидеть. И родила она аджидара (6) в шестьдесят обхватов величиной. Не успело страшное чудовище выйти на свет белый, как раскрыло оно свою грозную пасть и проглотило сразу весь мир.

Приснился сон и токол Бакдёлёт, будто в ее юрте к насесту были привязаны две чудесные птицы.

Вещими были все эти сны, смутили и обрадовали они Джакыпа.

А матери мальчика Мендибая, старой Канымджан, эта ночь принесла тревогу. Ее сын не вернулся домой. Под утро пришла она к Джакыпу и сказала:

– Зачем ты бросил коня без привязи на соблазн ребенку? Мой Мендибай погнался за ним и пропал. Горе мне, старой! У тебя нет детей, вот ты и не знаешь цены ребенку. Мое дитя пропало из-за тебя, теперь найди мне его, – причитала она без умолку.

Обеспокоился Джакып, услышав это, и отправился разыскивать пропавшего мальчика. Объездил он кругом все айлы, осмотрел все пастбища и печальным возвращался уже домой ни с чем, как вдруг на опушке леса, близ Акутек, увидел своего пропавшего

коня Туучунака, который был покрыт шкурой белого тигра. Подъехал Джакып к коню, думая увидеть мальчика, но Мендибая нигде не было видно.

– Неужели растерзал его тигр, шкурой которого покрыт мой конь? – подумал он. Видно потом уже убили его охотники и набросили на коня эту шкуру. О, я несчастный! Не хватало того, что сам я не имею детей, так из-за меня еще погиб чужой ребенок. Чем смогу я теперь отплатить старой Канымджан за смерть ее сына?

И вдруг, в то время, когда в тревоге стоял он так, не зная, что делать, из темного леса, с громким смехом, выскочил Мендибай и подбежал к удивленному Джакыпу. Он рассказал ему, как в погоне за Туучунаком выбежал в открытое поле и там увидел, как сорок мальчиков, похожих друг на друга, появились неизвестно откуда и погнались за конем.

Мендибай побегал за ними в этот самый темный лес. Там играли и резвились они до тех пор, пока не начался рассвет; тогда чудесные мальчики убили грозного тигра и накрыли шкурой его коня, а один из них, самый сильный, сказал Мендибаю:

– Я сын Джакыпа. Я скоро приду. До тех пор пусть мой отец не тревожится и ждет спокойно.

– После этого начался рассвет, и мальчики исчезли, – так закончил свой рассказ Мендибай.

Услыхал это, Джакып быстро вернулся домой и рассказал своим женам обо всем, что слышал. Потом заколол он много голов скота, пригласил к себе почтенных людей из киргизов, казахов, нойгутов и калмыков и устроил торжественный пир.

На пиру совершил Джакып жертвоприношение и приказал мудрецам растолковать ему вещие сны.

Один из приглашенных – Байджигит, прозванный «красноречивым», вызвался объяснить сны и сказал:

– У тебя родится сын, Джакып. И будет он батыром непомерной силы. Подчинит он себе все земли, что освещает луна, и станет владыкой всех стран, что озаряются солнцем.

Услыхав это, на радостях угостил Джакып на славу всех, кто приехал к нему на пир, и особенно тех, кто помог ему растолковать сны.

По прошествии двух лет, в самом начале третьего года, Чийырды зачала ребенка. И вот, однажды захотелось ей съесть сердце черного тигра и томилась она этим желанием до тех пор,

пока Карамерген, калмыцкий охотник, не принес ей убитого тигра, и она съела его сердце и тем успокоила свое желание.

Когда же друг за другом протекли девять месяцев и девять дней, начались у Чийырды родовые схватки. И длились они целых девять дней и девять ночей.

Джакып в это время приготовил у коновязи сорок отборных скакунов и три аргамака для гонцов с радостной вестью и наполнил золотом и серебром сумки из войлока, чтобы раздавать всем, кто придет поздравить его в радостный час.

А сам сел на коня и усакал далеко в степь в ожидании гонцов с счастливой вестью.

Всякий раз, когда ребенок поворачивался внутри Чийырды, от силы толчков окружающие ее женщины падали навзничь.

Первый крик ребенка при рождении прозвучал как боевой клич тридцатилетнего батыра. В обоих руках своих он крепко зажал куски запекшейся крови. При первом кормлении мальчик съел три бурдюка масла. А когда он стал расправлять свои ручки и ножки, то у нескольких женщин не хватало сил, чтобы его спеленать.

Чийырды решила покормить его грудью. В первый раз вышло молоко. Во второй раз пошла красная кровь, и чуть не умерла Чийырды от боли.

В это время джигиты, оседлав статных коней, поскакали известить Джакыпа о рождении сына. Все спешили приветствовать счастливого отца.

Даже старика Акбалту ворчливая жена заставила сесть на серую клячу и поехать вслед за вестниками. Обогнув невысокий холм, он увидел, как Джакып возится около черногривой кобылы и обтирает мордочку новорожденного буланого жеребенка. Джакып назвал жеребенка Аккула. Этот скакун стал впоследствии любимым конем Манаса и сопровождал его во всех походах.

По случаю рождения сына Джакып на радостях роздал много скота, серебра и золота. Вернувшись домой, он взял на руки долгожданного сына, и переполнилась счастьем душа его так, что зарыдал он громко. Все тело Джакыпа сотрясало от плача и движений ребенка, так он был силен. Посмотрел Джакып на своего сына и узнал в нем свою породу.

Весь облик младенца говорил о мужественном характере.

И решил Джакып устроить в честь сына огромный той в Уч-Арале.

Три месяца тридцать всадников на отборных конях объезжали айлы, приглашая гостей на той. В разные стороны скакали они: на

запад – в горы Урала, на юг – в горы Тибета, в города Самарканд и Кашгар, в славный Ташкент, на восток – в страну китайцев.

И просил Джакып своих гостей приводить с собой скакунов, что быстрее ветра, борцов, что отважнее львов, комузчи и сладкоголосых певцов, потому что задумал он устроить во время той состязания всех родов.

Из китайской древней страны прибыло на пир сорок тысяч батыров. Даже самый искусный в счете не сумел бы пересчитать сколько тысяч баранов, коров, кобыл приказал резать Джакып для этой той. Семь тысяч киргизских семей, от младенца до старца, дни и ночи, не смыкая глаз, готовили мясо гостям.

Долго тянулся пир, и пока гости угощались, происходили состязания искусников всех родов: самые мудрые вели умные речи, самые сильные боролись, самые ловкие всадники скакали в байге (7). Победителями в борьбе вышли монгольские балбаны (8) Карасман и Чокон и казахские – Калдар и Тугельбай.

Из-за ссоры китайцев и монголов с киргизами и казахами игры были приостановлены на два дня, но на третий день начались снова.

Устроили байгу, назначив призы тридцати скакунам-победителям. Первый приз составляли пятьсот одnogорбых белоснежных верблюдов, пятьсот коней, тысяча баранов и два одnogорбых верблюда, груженных доверху золотом.

Когда переиграны были все игры и закончился пир, двинулись китайцы и монголы в обратный путь.

А Джакып завернул сына в полу своего халата и отправился с ним к киргизским, казахским и нойгутским старейшинам, прося их дать счастливое имя его долгожданному первенцу.

Собрались старейшины и мудрецы и долго думали, как же назвать младенца? Но никто не мог подобрать подходящего имени. Тогда появился оборванный дувана (9) и держал перед мудрецами такую речь: – Разрешите мне назвать имя сыну Джакыпа. Согласились старики, и запел дувана:

Пусть вначале будет мим.

Это – образ пророка.

Путь в середине будет нун,

Это – изображение святого.

Пусть в конце будет син.

Это – облик льва.

Пусть его имя будет Манас,

Пусть его минует всякое несчастье.

Понравилось старцам имя Манас, вознесли они богу молитвы за удачное имя и назвали младенца так. А когда Джакып обернулся, чтобы отблагодарить дувану, никого уже на том месте не было, исчез он так же мгновенно, как и появился.

(По варианту Сагымбая Орозбакова)

Вопросы к теме:

1. Сколько жен было у бая Джакыпа?
2. Чем опечален был бай Джакып в начале повествования?
3. Какой сон, предвещающий рождение ребенка, приснился Джакыпу?
4. Какой персонаж подбирает подходящее имя герою?

Примечание

1. Ногой – дед Манаса.
2. Абаке – почтительное обращение к старшему мужчине.
3. Байбиче – старшая жена (при наличии другой жены или других жен).
4. Токол – младшая жена.
5. Сорпо – суп, бульон.
6. Аджидар – дракон.
7. Байга – (*кырг.* байге) – скачки.
8. Балбан – силач.
9. Дувана – (в эпосе) вещий старец.

Тема 6. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КЫРГЫЗОВ С АЛТАЯ НА АЛА-ТОО

В прежних подходах Манас подчинил себе большое число китайцев и калмыков. А тех, кто не подчинился, прогнал на запад и на восток до самого Бейджина. Этим он уязвил китайцев в самые корни сердца.

Когда разнеслась слава Манаса, китайцы, испугавшись его силы и славы, решили преградить путь киргизскому войску и построили Великую китайскую стену.

Манас назвал все покоренные им города своим именем и именами своих чоро: Манас, Урумчи, Бабакары, Аджибай, Чалыбай, Бай и другие.

Через некоторое время после возвращения на родной Алтай, Манас вдруг изменился. Три дня, три ночи сидел он, подперев голову рукой, и не спал. Оперевшись на меч, встречал он утренние зори и, наконец, на четвертое утро решился на какое-то чудесное дело. Он оделся во все красное, обернул голову желтым и сказал: – Кто из моих подвластных меня понимает, тот пусть придет сам. Кто моего языка не знает, тот пусть придет с толмачем.

Он известил весь свой эль (1), один конец которого находился на Енисее, а другой – в Учарале, и послал за своими чоро (2) и шестьюстами аксакалами.

Посланные пришли к ним в страхе и растерянности, говоря между собой: – Манас уже три дня не спит, его гнев из сердца вытекает наружу, он сам себя беспокоит и тревожит, на его веки выпал снег, он потемнел, как разбушевавшаяся грозная туча.

Все собравшиеся: Акбалта, Бердике, Байджигит, Кутунай, Маджик, Элеман, Сыргак, Серек, Бакай, Умет, Урбю, Чалыбай, Аджибай – никак не могли придумать, что делать, и решили спросить Манаса, который сидел в бешенстве и гневе, так что волосы его тела от ярости пробили одежду и вышли наружу, как иглы сосны.

– Что с тобой случилось, аба? На кого ты гневаешься? Кто тебя рассердил? – растерянно спрашивали они.

Но Манас был безмолвен и неподвижен. Спустя некоторое время он сказал:

– Теперешний Туркестан, оказывается, сначала был китайской землей. В то время название его было Нааман. Потом, когда наши предки завоевали его, он был назван Туркестаном. Но китайцы вернули его обратно, тюркский народ рассеяли в разные стороны. Часть из нас пришла на Алтай. Но сейчас в Туркестане осталось много наших сородичей, которых покорил себе Китай. А ведь как подумаешь, то ясно становится, что Алтай, который мы уже долгое время считаем нашей отчиной, воду которого пьем, соль которого вкушаем, является краем света, в то время, как Джетысу, Алай, Андижан – самая плодоносная сердцевина мира. Некоторые города Туркестана, которые мы покорили во время нашего похода, вновь откололись от нас и подчинились Китаю. Поэтому, пока открыты глаза мои, я должен перекочевать на Алай, подчинить себе Каркыру, Алай, Аралкель и другие земли. Мы должны вытащить колья наших юрт из земли алтайской и перекочевать оттуда.

Таз и Байджигит возразили:

– Мы не будем переселяться. Алтай – счастливая земля. Когда мы тут кочевали, все наши дела были удачны, а наши сны были счастливы. Каждая голова скота тут удвоилась, а из двух стало четыре. Если мы уйдем с Алтая, то здесь вновь восторжествуют монголы.

Урбю и Кёкчё, наоборот, хвалили просторы Туркестана и защищали решение Манаса. В конце совета Манас сказал:

– Все-таки я переселюсь. Кто хочет оставаться – того я не неволю. Это мой прощальный пир.

Сказав так, он угостил всех собравшихся разнообразной едой и кумысом из шести тысяч бурдюков, дал каждому в подарок по верховой лошади и чапану (3), а наутро, нагрузив свое добро на восемьдесят верблюдов, вместе с большинством народа двинулся в путь.

Когда кашгарский хан Алакун услышал весть о переселении Манаса в сторону Атбаши и Нарына, он решил собрать стовосьмидесятитысячное войско, чтобы сразиться с ним. Но он не успел еще это сделать, как уже прибыл сам Манас.

Алакунхан послал своего аяра (4) Акулакуна навстречу Манасу, чтобы разведать о нем. Аяр встретил Манаса в местности Джайдебе. Увидев его грозный вид, он устрасился, и сердце его разорвалось на части.

На следующее утро со стороны кашгарского войска выехал батыр по имени Дагалук и остановился против Манаса. Начался поединок.

Дагалук два раза пытался найзой (5) проткнуть Манаса и сбить его с лошади, но Манас рывком сбросил его с коня и убил, а вслед за ним сбил и самого хана Алакуна, который держал боевой стяг.

Испуганное кашгарское войско тогда пришло на поклон к Манасу и выдало ему двадцать шесть батыров, которые были его ярыми врагами. Манас в гнев приказал:

– Эй, двадцать шесть! Выступайте против меня одного! – и одиннадцатью ударами он уничтожил всех, потопив землю в их крови.

Тогда Бакай с сорока чоро подъехали к Манасу и хотел удержать его от дальнейшего кровопролития. Но они испугались его вида.

Видя гнев и ярость Манаса, никто не смел обратиться к нему с речью, никто не смел остановить его. И вдруг, когда бешенство

его перешло всякие границы, Серек, один из чоро, внезапно громко расхохотался.

– Интересно знать, кого он хочет проглотить с таким грозным видом, – сказал он.

Услышав это, разъяренный Манас одним ударом сбил Серека с лошади. Серек был страшно оскорблен и сказал:

– Я сейчас же пойду и присоединюсь к кашгарцам.

С этими словами он въехал в ряды врагов, но потом передумал и повернул обратно своего коня.

Не зная об уходе Серека, Манас, услышав бранный призыв, спросил Аджибая:

– Из кашгарского войска вышел еще один разъяренный гневом боец. Кто бы это мог быть?

Аджибай ответил:

– Это твой чоро Серек. Если ты сильнее его, то настало вам время сразиться.

– Слушай, Серек, разве кроме меня никому не под силу сразиться с тобой, разве ты не нашел себе другого достойного противника? – расхохотался Манас, и гнев сразу отошел от его сердца. Видя Манаса вновь веселым, от всего сердца засмеялись и сорок чоро.

Но Серек налетел на киргизское войско и с размаху копьём сразу отбросил в сторону пять-шесть человек.

С боевым кличем он устремился на Манаса. Но в это самое время Кутубий с криком:

– Ах ты, неразумный глупец! – схватил его лошадь за повод. Увидев это, все войско громко расхохоталось.

– Ах ты, Серек неудачливый! – так смеялись киргизские воины над богатырем Серекком.

Подчинив себе кашгарцев, Манас в наказание за то, что они вновь перешли в свою веру, забрал у них весь скот, кроме ишаков, нагрузил на сто тысяч верблюдов захваченное у них золото и серебро и, призвав соседних ханов Мунара, Кайыпа, Пануса, приказал кашгарцам платить им дань. Им он оставил только строения и посаженные ивы и тополя, которые нельзя было увезти с собой. Он приказал обрезать кашгарцам края их шапок в знак их покорности.

(По варианту Сагымбая Орозбакова)

Примечание

- 1 Эль – (кырг. эл) – народ.
2. Чоро – дружинник.
3. Чапан – халат.
4. Аяр – волшебник, чародей, кудесник.
5. Найза – копье.

Вопросы к теме:

1. Какая причина побудила Манаса переселиться с Алтая на Ала-Тоо?
2. Какое средство художественного изображения использует сказитель, чтобы показать гнев Манаса?

Тема 7. ЖЕНИТЬБА НА КАНЫКЕЙ

Манас решил женить Алмамбета и поехал искать ему невесту. Алмамбет же ничего не знал об этом. Как-то придя в юрту Манаса, он спросил у двух жен Манаса – Карабёрк и Акылай, – где Манас? А они, зная, куда он поехал, переглянувшись между собой, рассмеялись и ничего не ответили. Это непонятная насмешливость раздосадовала Алмамбета, и он ушел, а когда Манас вернулся и рассказал Алмамбету, что ездил искать ему невесту, Алмамбет ответил на это:

– Хорошо, что ты обо мне заботаешься, но подумай и о себе. Хоть есть у тебя две жены, да что в них толку, когда у них не хватает ума? Тебе надо найти себе еще одну умную жену.

После некоторого раздумья Манас решил, что Алмамбет прав и, придя к своим родителям, сказал им:

– Вы меня вскормили и вырастили, но ваш долг по отношению ко мне вы еще не выполнили. Вы ни к кому не посватались, никому не кланялись с почтением и не выбирали мне настоящей невесты. Я сам добыл себе жен: Карабёрк я отвоевал, а Акылай досталась мне как наложница. Теперь вы должны мне сами сосватать умную девушку.

Согласился с этим Джакып и, нагрузив лошадей золотом и серебром без счета, отправился искать жену Манасу. Он объехал Чарджуй, Бухару, Самарканд, Ташкент и множество других городов, но нигде не нашел подходящей девушки. Прибыв в землю таджиков, он подъехал к городу Кейип. При въезде туда

ему встретился человек по имени Алым мирза. Джакып рассказал ему о цели своих странствий и спросил, не знает ли он, где можно найти подходящую невесту для его сына Манаса?

Алым мирза сообщил Джакыпу, что в том городе есть медресе, где учатся шестьсот восемьдесят девушек. Среди них особым умом и красотой отличается дочь Темирхана – Санирабийга. Но очень трудно добиться руки этой девушки, и многие удалцы сложили уже на этом свои головы. – Попробуй, может быть тебе и удастся, – закончил свой рассказ Алым мирза.

Отправился Джакып к медресе, подкупил там одного курбаши, (1) дав ему джамбы, (2) и тот, позарившись на деньги, показал Джакыпу шестьсот девушек в то время, когда они сидели за чтением. Но ни одна из них не понравилась отцу Манаса.

Курбаши объяснил, что дочь Темир-хана находится среди остальных девушек, которых не видел Джакып, и увидеть их невозможно. Джакып решил, во что бы то ни стало увидеть этих девушек. Оставив своих спутников в степи, сам он направился в сторону медресе и сел на берегу протекавшей поблизости речки, по обоим берегам которой росло много ягод и винограда. Прочитал Джакып бешим (3) и стал терпеливо ждать. Скоро из медресе вышло пятьдесят девушек и с играми и смехом начали собирать ягоды. Джакып спрятался так, что мог видеть девушек, а сам был для них невидим.

И вот три девушки, среди которых была и Санирабийга, подошли, собирая ягоды, совсем близко к Джакыпу. У этих трех девушек, собиравших ягоды, чудесные волосы спускались до земли. Шеи их были гибки по-петушиному. Среди них была Санирабийга – самая красивая из всех.

Речь ее струилась нежно и плавно и была полна мысли и ума. Едва исполнилось ей шестнадцать лет, а волосы ее уже достигали земли: широк был ее лоб и черны ее глаза. Подобно пуговице витой из золота блестел изгиб ее бровей. Осанка ее была царственной. Несмотря на скромную одежду. Стан ее был гибок, как у новорожденного верблюжонка. Голос ее звучал очень сладко. Выгнутая спина и гордая грудь были, как у архара, лик ее был подобен луне. Глаза сверкали, как у верблюжонка. Лучезарны были розы ее щек. Гибкий стан ее изгибался.

Девушки, собрав ягоды, начали делить их между собой, и пока они ходили туда и сюда, Джакып сумел достаточно оценить их красоту.

Невидимый для Санирабийги, он не мог на нее насмотреться, так она была хороша. – Если я к этой девушке посватаюсь, то и Манас не скажет "нет", – подумал он. В тот же вечер он прибыл ко дворцу Темир-хана и уселся на глиняный дувал. К нему подбежали телохранители хана и спросили:

– Скажи, кто ты такой, что осмелился усестись здесь? Рассердился Джакып на эти слова и сказал:

– Не бродяга я, а тоже хан. Когда я совершал намаз (4) на берегу реки, я увидел пятьдесят веселящихся девушек, одетых в одежды из кырмызы, (5) и среди них мне очень приглянулась одна. Я долго наблюдал за ее поведением. Она одета скромно, но стан ее так гибок, как у новорожденного верблюжонка, а изгиб ее бровей подобен рисунку пером. Видно, что она хорошо воспитана, как ловчая птица обучена и бережет себя от неверных шагов и ошибочных поступков. Я не мог на нее наглядеться, но я не мог узнать, дочь ли это хана? Не хватило остроты зрения у моих глаз, чтобы узнать, дочь ли это бека? Если она дочь хана, то она более величава, чем сам хан. Если же она дочь бека, она более величава, чем сам бек. Она мне показалась подобной чистому серебру в ларце для драгоценностей. Она мне показалась дороже, чем собственная душа. Чьей бы ни была дочерью эта девушка – я пришел ее сватать. Пойдите и скажите об этом хану.

Услышав такие слова, стражники хотели убить Джакыпа, но решили сначала спросить своего хана, пошли и рассказали ему. И сказал им хан:

– Не из простых, видно, этот человек, иначе он не осмелился бы говорить так дерзко. Уж не отец ли он Манаса? Пойдите, узнайте, и если это кто-либо другой, то убейте его немедленно.

Джакып назвал стражникам свое имя, они доложили об этом хану и попросили его прийти завтра во дворец.

А хан в это время созвал своих советников, и они, боясь отказом навлечь гнев Манаса, решили дать Джакыпу согласие, но запросить небывалый калым, чтобы тем отпугнуть его. Когда на утро Джакып пришел к хану, ему так и было сказано, однако невероятный размер калыма не испугал его. Он отдал в качестве подарка при сватовстве все несметное золото и серебро, которое привез, и тогда он и Темир-хан ударили по рукам в знак согласия.

После этого вернулся Джакып в свой аил на Каратоо живым и невредимым. Там он собрал на совет аксакалов и рассказал им, что высватал Манасу дочь таджикского хана Темира Санирабийгу.

Одобрив аксакалы его выбор и собрали у народа скот для калыма втрое больше, чем просил Темир-хан, чтобы тем самым показать всем богатство Манаса.

В течение шести дней было собрано тридцать тысяч баранов, три тысячи голов лошадей и другого скота.

Сам Манас поехал за невестой с двенадцатью тысячами джигитов, а Джакыпа сопровождало девять тысяч аксакалов. Кроме того за ними следом двигалось сорокатысячное войско; под звуки кернеев (6) и сурнаев (7) шли они и через двенадцать дней прибыли к столице Темир-хана.

Встревожился Темир-хан, увидев такое великое множество людей и скота, но вскоре узнал, что это движется его сват Джакып. Скот, который гнали для уплаты калыма, чуть не затоптал весь город, и растерявшийся хан должен был хлопотать о том, чтобы как-нибудь его разместить. При этом он совсем забыл о самих сватах.

Пришлось тогда Джакыпу со всей своей свитой раскинуть кибитки и расположиться ночевать вблизи города. Сильно разгневался Манас за это на Темир-хана и сказал:

– Что это за человек, который считается с людьми меньше, чем со скотом? Призвав Аджибая, он поручил ему разузнать, как можно тайком проникнуть к дочери хана. Аджибай, получив это приказание, сумел договориться с женой Темир-хана Акмамой, которая была так умна и хитра, что это восхитило его.

Акмама, узнав о желании Манаса, приказала телохранителям своей дочери перейти в другой дом, а охраняющим ее женщинам дала наказ, чтобы они не препятствовали Манасу, и когда в стане все уснуло, Манас в сопровождении Аджибая пошел во дворец.

Охранявшие ханскую дочь женщины, узнав, что это Манас, притворились спящими, а Манас прошел к Санирабийге и разбудил ее. Мужественный облик Манаса сразу запал в душу девушке, но она не подала вида и сердито спросила его:

– Кто ты такой, что осмелился ночью пройти во дворец моего отца и, нарушив шариат, проникнуть ко мне?

– Если ты еще не узнала меня, то знай, я – Манас, и пришел я за тобой.

Сказав это, он попытался прилечь на ее постель. Но она не пустила его, быстро вскочила и позвала стражу. Когда стражники кинулись на ее зов, то Акмама вышла им навстречу и вернула их назад. А Санирабийга и Манас в это время совсем рассорились. Она сказала ему:

– Если твое имя Манас, то это не значит, что я должна тебя принять. И мою собаку, и стражника у моих дверей, и охранявших меня женщин я называю Манас.

Страшно оскорбился на это Манас и хотел ее ударить, но она, схватив меч, полоснула его по руке. Тогда Манас так сильно ударил ее ногой, что она упала без чувств.

В великой ярости вернулся к своему войску Манас и приказал ударить в боевой барабан, призывая к бою. Огромное войско быстро собралось и уже приготовилось напасть на город, но Джакып, Кёкётёй и другие аксакалы удержали порыв Манаса.

Тем временем к ним прибыл Темир-хан и пригласил всех на пир. Манаса с его сорока чоро он привел сначала в свой дворец, но потом, решив, что киргизы любят войлочные юрты, поместил Манаса в просторную юрту, а каждому из сорока чоро тоже приготовил по юрте.

Грозный облик Манаса так страшил женщин, которые прислуживали гостям, что ни одна из них не решалась войти в его юрту. Наконец одна, которая считалась самой отважной, вошла к Манасу, чтобы принести ему еду, но, увидев его, упала без чувств.

Два дня, две ночи никто не смел войти к Манасу, и все это время Манас ничего не ел. На третий день навестить его пришли сорок чоро во главе с Бакаем и Кыргылом. Разгневанный Манас, как голодный зверь, схватил нескольких из сорока чоро и начал бить их друг о друга. Тогда Серек сказал Манасу:

– Мы прибыли сюда, чтобы достать тебе жену. В чем же, скажи, наша вина, зачем ты бьешь своих родичей?

Тогда пристыженный Манас оставил их в покое и вместе с батырами пошел к войску. В гневе он отдал приказ разрушить до основания город Темир-хана, уничтожить без остатка весь его народ и с этим намерением велел войску идти на приступ, говоря:

– Пусть пыль этого города взлетит до самого неба!

До Темир-хана дошли тревожные вести о воинственных действиях будущего зятя, и он сейчас же послал узнать, почему так страшно разгневался Манас? Женщины и девушки, приставленные чтобы служить Манасу, в один голос объяснили, что они от страха два дня и две ночи не входили к нему, не кормили его, и он до прихода сорока чоро лежал голодным.

Жена хана Акмама стала укорять дочь за то, что по ее вине весь народ подвергнется такому разгрому и что такой позор ляжет

на седую голову ее отца. Но Санирабийга уже и сама приготовилась пойти к Манасу и отвечала так:

– Не сердись, матушка! Если я выйду к его войскам, мне кажется, что ярость покинет Манаса.

Но все же, опасаясь как бы Манас в гневе не убил ее, она простилась с матерью, отцом, с родными и друзьями, и отправилась с сорока девушками к войску Манаса.

Когда она выехала на возвышенность, то увидела, что толпы ее народа в страхе бегут, а огромное войско Манаса гонит их перед собой.

В знак мира выбросила Санирабийга свой белый платок, и он стал развеиваться по ветру, а сама вместе с сорока девушками появилась перед войском. Бакай и Кыргыз, которые находились впереди, приказали воинам не трогать их. Войско мгновенно остановилось, как кровь в жиле, перетянутой шнуром. Тем временем прибыл Манас, и Санирабийга обратилась к нему:

– Обиделся ты, батыр, на нас. Но мое желание – только ты. И вина лежит не на моем народе за все, что произошло. Все это подстроила я, чтобы испытать тебя.

Сказав эти слова, Санирабийга подошла к Манасу и взяла за повод его лошадь. А девушки, пришедшие с ней, добавили:

– Теперь делайте с нами, что хотите, мы склонили наши головы. Если хотите, то мы отдадим вам Санирабийгу.

Тогда сражение прекратилось, и на невесту рассыпали чачыла. (8) Абылкасым, один из соратников Манаса, сказал:

– С этой поры не будем звать ее больше Санирабийга, пусть называется она теперь Каныкей, что значит «жена хана».

Темир-хан приказал раскинуть для сорока чоро войлочные юрты, говоря, что они хороши во время жары. Но таджики не умели ставить их, и только Каныкей ловко справилась с этим сложным делом, так как сама любила жить в юрте и научилась их ставить издавна.

Самыми старшими среди сорока чоро были Бакай и Кыргыз, года которых подошли уже к тридцати пяти; самыми старшими среди девушек были восемнадцатилетние, а младшими – шестнадцатилетние. Сорок чоро начали обсуждать, кому из них какая девушка достанется, и каждый высказал свое мнение. Самым последним выступил Манас и предложил устроить байгу. (9) Он сказал так:

– Чья лошадь, перед какой юртой остановится, та девушка будет принадлежать тому батыру.

Так и сделали. Первым прискакал Алмамбет, и его лошадь остановилась у юрты красавицы Арууке. За ним появились один за другим сорок чоро, и их кони остановились у девичьих кибиток. Самым последним прибыл Манас на своем Аккуле. Тогда Каныкей шутливо приоткрыла двери юрты и сказала, смеясь:

– Поистине замечателен твой тулпар, (10) о господин мой!

Сказав это, она шутливо столкнула его с лошади и приняла тулпара у храброго нойона. (11)

Открыла Каныкей дверь, чтобы ввести в свою юрту Манаса. Потом Манас и Каныкей устроили пир для сорока чоро и девушек, напоив их араком и шербетом. Чтобы предотвратить возможные несогласия между батырами и девушками, и чтобы не говорили они потом: "Не хочу я достаться этому батыру" или "Не возьму я эту девушку", Манас на эту ночь отправил тех и других врозь по их юртам. А на утро он приказал завязать всем девушкам глаза и сказал:

– Чья рука какого джигита коснется, тому та девушка будет принадлежать. И хотя их глаза и были завязаны, однако каждая девушка выбрала того батыра, который прискакал к ее юрте прошлым утром.

Алмамбету опять досталась Арууке. Была она очень красивой и крепко полюбилась Алмамбету. Но сама она отвергла его, говоря, что он капыр. (12) Узнав об этом, Манас решительно сказал:

– Если Арууке не достанется Алмамбету, то и я не возьму Каныкей. Так показал Манас своим недовольством, что Алмамбет для него самый близкий, что у них тесная связь крови и духа. Увидев это, Арууке дала Алмамбету свое согласие. И начались тогда свадебные веселье и игры. Тридцать дней и тридцать ночей длились они. А потом Манас и Каныкей, Алмамбет и Арууке и сорок чоро с остальными девушками вернулись в свой аил на Каратоо.

(По варианту Сагымбая Орозбакова)

Вопросы к теме:

1. Почему Манас, имея уже двух жен, решил жениться еще раз?
2. Какое состязание устроили богатыри, чтобы выбрать себе невест?

3. Почему Арууке отвергла в начале Алмамбета?

Примечание

1. Курбаши – начальник местной полиции.
2. Джембы – слиток серебра или золота, применявшийся в качестве денег.
3. Бешим – полуденная молитва (вторая по счету за день).
4. Намаз – молитва.
5. Кырмызы – красный шелк.
6. Керней – длинная медная труба с расширением на конце, издающая громкий, резкий звук.
7. Сурнай – народный духовой музыкальный инструмент типа дудки или свирели с медным раструбом на конце.
8. Чачыла – свадебный обряд; кто-либо из старших женщин из родни жениха обсыпал сладостями (в эпосе деньгами, драгоценностями) прибывшую в аил жениха невесту, когда она подходила к юрте свекра.
9. Байга – скачки.
10. Тулпар – скакун.
11. Нойон – господин, богатырь.
12. Капыр – неверный.

Тема 8. ПОМИНКИ ПО КЁКЁТЁЮ

У Кёкётёя, хана ташкентского, было одиннадцать дочерей, но не было ни одного сына, и об этом печалилось его сердце.

Дочь мергена, красавица Бектору полюбила батыра Тёштюка и понесла от него ребенка. Когда Тёштюк собрался уезжать, Бектору спросила его:

– Скажи, как мне быть с ребенком, что живет у меня под сердцем, как твой аманат? (1)

– Если будет сын, – ответил Тёштюк, – то отнеси и положи его к верблюжьему стаду Кёкётёя у черного камня Байгары. Кёкётёй найдет его и сделает своим сыном. Если же это будет дочь, то воспитай ее и выдай замуж туда, где она не будет лить слез.

Бектору родила сына и сделала так, как сказал ей Тёштюк.

Кёкётёй действительно нашел ребенка, объявил всем, что мальчика родила его собственная байбиче (2) и задал большой той, на котором мальчику дали имя Бокмурун, чтобы не сглазить. (3) Бокмурун рос отважным и храбрым, и из него вышел могучий батыр.

С тех пор, как во время войны с Панус-ханом ташкентским Кёкётёй помог Манасу и перешел со своим войском на его

сторону, он стал его самым преданным союзником. Манас очень привязался к нему и думал:

– Чем я могу отплатить Кёкётёю за его преданность и дружбу? Я дал бы ему богатство, но его собственное имущество не помещается в его владениях. Я объездил бы весь свет, чтобы найти ему красавицу-жену, но лета его уже за восемьдесят четыре года перевалили.

Так думал Манас и наконец решил:

– Если Кёкётёй умрет раньше меня, то я, не жалея скота, приглашу все окрестные айлы с четырех сторон света и устрою великий пир, который прославит Кёкётёя во всех странах. Этим я воздам ему должное.

Когда Манас был в Таласе, Кёкётёй вдруг тяжело заболел. Почувствовав приближение смерти, он призвал своего родича Баймырзу и сказал ему:

– Баймырза! Моя болезнь усиливается, перед смертью я не сумею увидеть своего сына Бокмуруна и передать ему свое последнее слово. Передай же ты ему мои слова: когда я умру, пусть он не тратит понапрасну скот на поминки; пусть сделает поминки скромные, как свадьбу вдовы, как игру старух; пусть мои похороны останутся незамеченными. .

Пусть не сообщают пока о моей смерти и Манасу, сыну Джакыпа, ибо если он узнает, то, не жалея скота, вздумает устроить огромный пир, чтобы прославить Кёкётёя. Пусть не только Манас не узнает о моей смерти: пусть знают о ней даже не все люди моего айла.

Баймырза, родной! Передай эти слова мои Бокмуруну, не проливая, не просыпая ничего из них.

В то время Бокмурун уезжал за своей невестой Канышай, дочерью хана Тюлькю. Когда он вернулся вместе с ней, то Кёкётёй был уже мертв.

Страшно горевал Бокмурун, что не пришлось ему видеть отца перед смертью и услышать его последние слова. Громко рыдал он, и собравшийся народ присоединился к его плачу. Ай огласился воплями, рыданиями и похвалами Кёкётёю за его славные дела.

Когда на землю спустилась ночь, Баймырза призвал к себе Бокмуруна и сказал ему:

– Слушай слова твоего отца! Он их сказал перед смертью, он их оставил тебе как завещание:

– Соверши похороны тихо, подобно свадьбе вдовы, подобно играм старух. Киргизы, – мой собственный юрт, пусть не знает о моей смерти. Разве слава и известность могут оживить покойника после смерти? Пусть он похоронит меня без расходов, и мои кости пусть починут в мире. Пусть он не учиняет разорения моему народу, пусть попусту не тратит богатства, не рассыпает золота и белого серебра, – так сказал перед смертью твой отец.

Но он сказал еще другое, хотя я так и не понял, говорил ли он это серьезно или в шутку:

– Известите всех о моей смерти, всех людей, которые кишат на поверхности мира. Соберите на поминки мои весь мир. Конские скачки, борьбу, состязания, битву на пиках устройте, чтобы все мои дела стали известны миру. Пышные поминки затейте, так, как если бы скорбели о гибели всего киргизского народа.

Вот что приказал, потерявший ум перед смертью, твой почтенный отец.

Услыхав все это, сказал Бокмурун:

– Кёкётёй хан умер, единственный мой советчик теперь – это ты. Скажи, как же мы похороним Кёкётёя? Ведь завещание его двойственно!

И ответил ему Баймырза:

– Заколи дряхлую кобылицу, позови жителей своего аила и устрой угощение, подобное свадьбе вдовы, подобно играм старух.

Но Бокмурун возразил:

– Ничего толкового я от тебя видно не услышу.

Поеду-ка я к льву Манасу, он был единственным верным другом моего отца и в радости и печали. Пусть он мне посоветует, как быть.

Оседлал Бокмурун своего чудесного скакуна Мааникера, скакал на нем всего одну ночь и на утро прибыл к Манасу.

Приехав, рассказал он ему о смерти своего отца Кёкётёе и о своем затруднительном положении:

– Я пришел к тебе за советом, аба! Отец мой умер, а я молод, голова моя еще не наполнилась мудростью. Когда он умирал, меня не было дома. Он завещал похоронить его пышно, позвать людей с Востока и с Запада, устроить богатый пир, а потом совершить дела, которые были бы образцом для всего мира. У Кёкётёя много богатств, однако угостить нужно не только киргизов, но и калмыков и китайцев. Что же теперь делать?

Манас одобрил желание Бокмуруна, хотя несколько и встревожился, и сказал ему:

– Теперь ты поезжай домой и, не стесняясь и не боясь никого, начинай приготовления, как ты вздумал. Они должны стать образцом для всего народа.

Услышав эти слова Бокмурун, незамеченный никем, в ночной темноте вернулся в свой аил.

После кырк аша, (4) который прошел торжественно, он собрал весь свой народ и сказал:

– Кёкётёй нас всех обогатил. Нет никого, кто бы не испытал на себе его щедрости. Перед смертью он завещал мне устроить аш, (5) и я хочу это исполнить.

Все согласились с Бокмуруном. В это время стояла весна, и скот начал сильно жиреть.

На третий год после смерти Кёкётёя, Бокмурун поднял свой боевой стяг, разбил юрты и позвал великих батыров – Кошой, Урбю, Кёкчё, Акун-хана и других

Когда батыры собрались, он сказал им о своем желании устроить пышные поминки, исполняя последнюю волю отца.

Батыры во главе с Кошоем и Кёкчё одобрили это решение.

– Как вы полагаете, в какой земле лучше устроить аш? – спросил их Бокмурун.

Каждый высказал свое мнение, а в конце Кошой сказал, что удобнее всего было бы пировать в Каркыре, и все согласились с этим. (6)

Тогда Бокмурун поднял все юрты своего народа, согнал весь скот и двинулся в сторону Каркыры.

Радовался народ приволью нового кочевья. Удобно оно было для скота, подходило и для поминальных пиршеств. Начал готовиться тогда народ к шумным пирам, разыскивал в окрестностях источники с чистой водой и заготавливал топливо.

Созвал Бокмурун аксакалов и сказал им:

– Поминки нужно провести как следует – это наш великий долг. Сколько народа мы пригласим на аш и кого? – так советовался он с ними.

Тогда встал Баймырза и промолвил:

– Кого же нам пригласить на аш? Пригласим некоторых казахов и киргизов, которые явятся со своими подарками к пиру. Манасу тоже можно послать вестника, а то можно этого и не делать и его совсем не извещать.

Бокмуруна страшно разгневали лукавые слова Баймырзы, и он в ярости стал бранить его:

– Богатства Кёкётёя так велики, что не вмещаются в его владениях. Не буду я жалеть имущество отца ради его памяти. Если я надумал устроить аш, то сделаю это, как подобает сыну Кёкётёя. Отец мой перед смертью завещал мне:

– Когда я умру, сын мой, позови все народы Востока, оттуда, где рождается день, позови все народы Запада, оттуда, где день угасает. Устрой аш так пышно, чтобы надолго сохранился он в памяти всех народов. Так он сказал перед смертью, так и хочу я сделать теперь.

Был в аиле Бокмуруна могучий батыр по имени Айдар. Призвал его к себе Бокмурун и сказал:

– Садись на доброго коня, удалец, надень на себя непроницаемую для стрел и пуль одежду, скачи на Восток, где рождается день, скачи на Запад, где день угасает. Оповести народы о смерти моего отца, пригласи все народы, которые встретишь на своем пути, на поминальный пир о нем. Скажи, чтобы все собирались в привольные долины Каркыры. Будет там аш великий, угощение обильное, веселье несмолкаемое. Поскачут статные кони на байге, (7) добывая первенство. Первым призом будет девять тысяч красных верблюдов, девяносто тысяч рогатого скота, сто тысяч голов овец, а последним призом будет девять штук черного скота и девяносто голов овец. Всего призов положено на шестьдесят одного скакуна. Так оповести ты их всех и прибавь:

– Не отказывайтесь от пышного пира, приезжайте все со своими близкими, приводите с собой все множество вашего войска. Если вы пренебрежете поминками Кёкётёя, то его сын Бокмурун, могучий и славный батыр, не оставит вас живыми за оскорбление. Он налетит на вас войной, разгромит ваши аилы, и останется у вас из всего твердого – только казан, а из всего мягкого – только вода. Ваши жены и девушки станут рабынями, а сами вы будете уничтожены. Больше ничего не прибавляй, удалец, а скачи дальше по городам и аилам.

А Кошою и Манасу скажи иначе, с великим поклоном и почтением скажи, и знай, что если перед ними ты промолвишь хоть одно дерзкое слово, не бывать голове твоей на удалых плечах!

И пустился Айдар в долгий и трудный путь. Девять раз поднимался месяц в своем полнолунии, а Айдар все еще был в пути.

Бокмурун, сын Кёкётёя, свой народ, переселившийся подобно морской волне, расположил на летовку в Каркыре. Разбил триста тысяч просторных кибиток, послал на откорм крепких коней. В течение долгих трех лет готовился народ его к великому пиру.

И вот, наконец, на аш Кёкётёя начали съезжаться приглашенные. Из Китая прибыл Конурбай, приехал Мурадыл, сын Кырыма, прискакал Нескара с красной кисточкой на шапке, калмык Ушан, Бороончу черногривый, ханша Оронгу из Кангая, богатырша Сайкал, дочь Каткалана. Из солонов, Алооке, Джолой – великан с нравом свиньи, Бозкертик, сын Токшукера, Соорондук, сын Солобона, великан Бууданчан, из Катаров – Тагылык, Сары – великан из Сакалатов, отверженный всеми Кейкубат, тибетский хан Демиль, чванливый Чоюнали, Джоонали с хвостом орла стервятника, Каманалы с ушами, как ножницы, Китенали с железным пупком, Кошой из племени Катаган, Кёкче батыр из казахов, красноречивый Эр-Урбю, Тёштюк, сын Эламана, Джамгырчи, сын Эштека, Музбурчак, сын Буудайыка, Агыш, Коджош, Акбай и Мамбет, Кёкбёрю, сын Урумкана, Кёккоен, Султан, Джедигер, Чегеиш, нойон Эгиш, Керкёкюль из Кёкмёков, Эр Джанай, сын Кёчпёса, ханский племянник Джюгёрю, хан афганцев Акун-хан, хан Бухары Темир-хан, Айкоджо из арабов и много других там было.

Каждый прибывший привел с собой огромное войско.

Когда собрались все гости, наконец, после всех, прибыл Манас со стотысячным войском, в полном вооружении и доспехах, с бесчисленными стадами скота, вместе с Каныкей и сорока чоро.(8)

И все народы, которые прибыли на пир устремились ему навстречу: все повскакивали на коней и помчались к его кочевке, один наезжал на другого, произошла большая суматоха, люди сбились в кучи, падали и опять вставали. Переполох был такой, как в стае гусей.

Манас громко произнес всем: «Салам!» Кошой гулко ответил ему: «Алик!» И с укором сказал ему так – язвительны были его слова:

– Ты прибыл, Канкор (9), наконец, а мы ведь давно уже ждем тебя. Отсюда приедет, думали, оттуда приедет, думали, вот приедет, думали. Приготовленный скот мы, а с нами китайцы и калмыки, уже поделили и съели. Ты хотел доказать свое величие, а расстроил порядок своего юрта, (10) многие теперь разорены. У них нет даже сил сказать «Эх!» Их скакуны совсем истощились.

Неужели же Кёкётёй выше их всех, что для него устраивается такой аш? Пусть он провалится сквозь землю! Велика дерзость Бокмуруна, если он замыслил пригласить к себе население всей земли. Тогда Манас так ответил ему:

– Ай, абаке, богатства всегда найдутся, пока они существуют на земле. Поэтому, пока жив Манас, не жалей богатства, абаке!

Манаса поместили в юрте славной и именитой девушки Тоорун. Весь народ, прибывший на аш, толкая друг друга, стремился увидеть Манаса и толпился у его юрты.

Сынчы (11) Чагырай, испытатель искусный, служивший хану Алооке, стремясь разведать, каков Манас, заглянул в отверстие юрты. Но так напугал его грозный облик Манаса, что не выдержало сердце его такого страха и разорвалось. Пораженный Чагырай упал бездыханным, и в народе надолго сохранился рассказ о быстрой смерти искусного сынчы.

В это время Бокмурун пришел к Манасу, привел ему в подарок скакуна Арчатору и сказал:

– Мы не начинали аша, потому что ждали тебя, батыр! Теперь сам решай, когда начинать.

И пригласил Манас на совет Кошоя.

А калмыкский батыр Джолой, приехавший на аш, не довольствуясь пищей, которой угощали весь народ, пришел туда, где варилось мясо, силой отнял у поваров целый казан мяса и съел его. Этим он, однако, не насытился. Когда он собрался отнять еще казан, один из поваров пошел и пожаловался Бокмуруну. Бокмурун разгневался:

– Ах, чтобы он провалился сквозь землю! Если бы он мне сказал, что голоден, ведь я бы ему в его юрту доставил мясо. – И сказав это, он вскочил на своего Мааникера.

Когда Джолой увидел этого коня, он позавидовал Бокмуруну и поскакал к Конурбаю за советом, как бы отнять его у хозяина. Джолой расхвалил Конурбаю Мааникера и сказал:

– Хочу найти повод, чтобы добыть себе этого скакуна!

Тогда Конурбай призвал к себе Бокмуруна к себе и сказал ему:

– Ты, Кёкётёев Бокмурун, у которого вонючий айран и курут зацвели! Ты считаешь главу бурутов (12) больше, чем меня. Едва Манас прибыл на твой аш, как ты ему поднес тулпара (13) Арчатору. А ведь это скакун, оседлав которого не стыдно появиться даже в Бейджине или объехать вокруг него! Этот скакун был бы достоин нести любого из нас, кто вздумал бы нарядно одеться, и выехать на Карашаар! У этого скакуна гордая посадка

головы, он подобен козлу. Его стоило бы на следующую весну преподнести в дар самому Эсенхану. Сейчас в твоих руках есть конь, по кличке Мааникер. Отдай мне Мааникера, бурут! Послушайся моих слов, бурут! Если ты не дашь мне Мааникера, то я разгромлю твой аш, и разорю твой аил. Я обращаю твой той в ад, я покараю весь народ.

Тогда ответил Бокмурун Конурбаю:

– Я должен посоветоваться со своими родичами, – и спешно поехал к Кошою. А Кошой так сказал Бокмуруну:

– Если Конурбай просит, то нужно уступить ему Мааникера. Ведь рано или поздно наступает время всякому коню стать подарком. Ведь твой Мааникер, сколько бы его не хвалили, все-таки только кизяк кобылицы, а китайский Конур – грозен, он может разрушить и разгромить, он может всех истребить без остатка. Для твоего же рода лучше, дитя мое, спокойствие твоего аила. Не надо быть жадным! Тот, кто жалеет коня, обречен вечно видеть только землю. Тот, кто жалеет ловчую птицу, обречен вечно видеть пустое небо.

Обсудив это дело с киргизскими батырами, Кошой решил отдать Мааникера Конурбаю, но все-таки посоветовал Бокмуруну:

– Поскольку на аш прибыл Манас-аджидар, (14) то как бы не было грозы и не разгневался бы он, если ты сделаешь это без совета с ним.

Поговорить об этом с Манасом взялся Урбю. Киргизские батыры во главе с Кошоем приехали к Манасу и застали его сидящим на троне, а сорок чоро в это время, разбившись на две части, играли в ордо.

Своему абаке Кошою, арстан Манас дал справа от себя самое почетное место. Тогда начал свою речь Урбю и успел произнести только одно слово: «Манас!». Но в этот миг Манас посмотрел на него так грозно, что тот растерял все свои слова и не мог больше ничего из себя выдать.

Рассердился Кошой на Урбю и повел речь сам:

– Конурбай из Анджи-Бейджина, великий калдай, (15) проклятый духом умерших, просит у Бокмуруна Мааникера. Вот мы и пришли к тебе за советом!

Услышав, что сказал Кошой, Манас пришел в ярость и закричал:

– Эх, абаке! Где же твой разум? Как ты можешь говорить мне такие слова? В то время, когда мое могущество достигло сияния солнца, как же можно уступать угрозам Конурбая и отдать ему

скакуна? Задается слишком эта свинья, а ну-ка я попробую с ним сразиться! Вот, когда погибнет Манас, когда он предстанет перед вечным судом, когда вселенную покорят китайцы, когда они двинутся, не встречая отпора, – вот тогда, Кошой, ты можешь отдать им в залог, не только коня, но и собственную дочь. Если ты отдашь коня без боя, разве за это в потустороннем мире не попадет Манас в ад? Как теперь в моем присутствии осмелился ты сказать такие слова? Если бы это был не ты, Кошой, а кто-либо другой, я, не дожидаясь конца его слов, отрезал бы ему язык!

Так в гневе отвечал Кошою Манас и, громко ударив в боевой акдоол (16), стукнув по земле своим аккельте, (17) вскочил на коня и помчался в бой с китайцами. За ним сорок чоро двинулись толпой с шумом и боевыми криками. Бурной струей хлынула кровь, бесчисленны были убитые. Порубили они китайцев, их айбалты (18), глухо падая на головы, уничтожили много врагов.

Лицо Конурбая тогда подернулось мрачной тучей отчаяния, он вскочил на коня и скрылся в далеких горах.

От китайского стана отделился старик Алооке с шестидесятью джан-джунями (19) и прибыл к Манасу с повинной. Привели они с собой в подарок Манасу красавца скакуна Кылгару – кровного брата Алгары, знаменитого скакуна Конурбая.

Манас принял их повинную, и мир был заключен.

Когда настал вечерний час, по всему стану гостей звонко закричали глашатаи, сев на стройных коней:

– Утром начнутся скачки, готовьте тулпаров, объезжайте их, охлаждайте их! Первым призом будет девять тысяч белых верблюдов, девяносто тысяч голов рогатого скота, сто тысяч овец, последним призом будет девять голов рогатого скота и девяносто овец. Всего назначен шестьдесят один приз.

Больше двух тысяч всадников изъявило желание участвовать в байге. Тогда Манас позвал Алмамбета и сказал ему:

– Смотри, все люди всколыхнулись от жажды призов! Столько коней нельзя пускать на байге, а не пустишь – обидятся. Наведика ты, Алма, ненастье и холод, тогда выдержат скачку только стойкие, только тулпары получают призы, остальные же по дороге погибнут.

Алмамбет нагнал на землю ненастье и холод, и когда поскакали кони в пробный пробег, то половина из них полегла. У всадников, сидевших на них, остались одни уздечки в руках, и они

не надеялись сами остаться в живых. Вперед пронеслись только самые лучшие тулпары.

– Готовьте коней для байги! – вторично возгласили глашатаи.

Множество народа, построившись рядами, ожидало начала состязания. В байге участвовало уже только тысяча тулпаров, после того, как другая тысяча погибла из-за ненастья.

– С какого места будем пускать коней? – спросили у Манаса.

Но его ответ опередил Урбю, сказав:

– Пусть два дня их ведут к месту, где начнется бег, а в один день они скачут обратно.

Манас разгневался на такое самовольство Урбю и огрел его с размаху камчой. Урбю покачнувшись, едва не упал на землю, но все же сумел удержаться на ногах.

Кошой рассердился на то, что Манас ударил Урбю:

– Ах ты Манас, Манас! Ты, оказывается, очень задаешься, – сказал он. – Ты, видно, слишком возгордился. И стал подобен чаначу (20) скисшего кумыса. Если ты не бросишь свои замашки, Манас, берегись, тебе еще достанется от Кошой!

Урбю, услышав, как заступился за него Кошой, осмелел и обругал Манаса дерзкими словами. Тогда Кошой разгневался на дерзость Урбю и вывел его вон. Манас в гневе задумал было отомстить Урбю, но Кошой своим посредничеством уладил дело. Манас гневался и молчал, не говорил ни слова в продолжении времени, которое нужно, чтобы сварить котел мяса, но потом промолвил:

– Пусть скакуны бегут туда в течение шести дней и пусть они достигнут Туркестана. Пусть шестьдесят человек будут погонщиками, а шестьсот человек пусть пригонят заблудившихся коней на правильный путь.

После того, как кони двинулись в путь, народ начал пировать и угощаться мясом.

Шестьсот бревен из карагая (21) привязали друг к другу, из сорока двух веревок сплели канат. На вершину карагаев привязали джамбы, (22) – так устроили для стрельбы цель.

Каждый, кто считал себя стрелком-мергеном, приготовился попытать счастья. Стреляли с раннего утра до знойного полудня, истратили все стрелы, но никакими приемами, никакими уловками сбить джамбы с шеста не удалось.

В это время прибыли Манас и его сорок чоро. Каждый чоро выстрелил раз и попал в одну из веревок. Последним выстрелил Манас и перебил последние две веревки. Джамбы, сверкнув на

солнце, упал на землю и покатился. В это мгновение Манас на скаку со всего размаха пригнулся к земле и схватил его. Окружающий народ застыл в изумлении, видя его удаль.

После этого решили устроить поединки.

Для победителей в качестве призов были назначены шестьсот коней, сто верблюдов, двести коров, пятьсот овец.

Из среды китайцев вышел Джолой и сел посреди окружавшего его народа. Это он летует у устья Амура. Это у него кипит сила, как негашеная известь. Он – вершина снежной горы, он – важный торе (23) у калмыков. Он съедает зараз шесть батманов жареного зерна, и всегда пахнет пшеницей от великого Джолоя. Он выпивает зараз кровь шестидесяти коней. Вот он каков, великан Джолой! Если посмотришь на его ногти, – они подобны когтям тигра. Если посмотришь на его усы, – они подобны лопастям мельничного колеса. Как ровный ряд выпрямленных лопастей, торчат они один к одному. Зрачки его глаз равняются целой большой чаше. Голова его подобна походному котлу. Мускулы его подобны туловищу быка, мощь у него богатырская. Всякого, кто видел его грозный облик, охватывает сильная дрожь. Он пришел и сел на майдан, урча, как пьяный слон. Его трубка, величиной с жолоб, выпускала толчками клубы сильного дыма. Глотка его испускала рев, как бегущий с гор поток. Гнев, который струился из его глаз, шипел, как огненная лава. Калмык задорно крикнул боевой клич – и от этого крика оглохли близстоящие.

Абаке Кошой крикнул Джолою:

– Ах ты, проклятый, недолго же тебе похваться! Эй, молодцы, выходите, сразитесь с ним! – и поскакал сам к киргизским балбанам (24). Обратился Кошой к Тёштюку:

– Младший ты из девяти сыновей, и любимец Элеман бая! Можешь ли ты сразиться с балбаном, можешь ли ты отстоять нашу честь?

И ответил ему Тёштюк:

– О, абаке! Если ты скажешь, то я пойду. Как же могу я не пойти? Разве месяц прячется от звезд? Как же я могу спрятаться от этого гнусного обжоры Джолоя? Уже семь лет прошло с тех пор как я спустился в недра земли, но только семь дней прошло с тех пор, как я поднялся на ее поверхность. Крови у меня осталась всего лишь одна ложка, а тело у меня все посинело. Кошой посмотрел на него пытливым оком и сказал:

– Останься! Среди киргизов ты один из могучих борцов, Тёштюк!

Кошой пришел к Акбаю и спросил:

– О мой жеребенок, Акбай, выйдешь ли ты на поединок?

Семнадцатилетний Акбай тихо ответил:

– Конечно, выйду.

Но Кошой посмотрел на него пытливым оком и сказал:

– Только что женившийся шалун! У тебя кости стали мягкими после медового месяца! Ведь калмыкский балбан Джолой способен вырвать руки у тебя, как у малого ребенка. Киргизы не стерпят этого, и тогда начнется между народами битва великая.

Так обращался Кошой по порядку ко всем киргизским балбанам, но ни один не подошел для поединка.

Тогда пришел Кошой за советом к Манасу:

– Против этого капыра (25) Джолоя должны выступить или ты, или я. Больше никто не сможет выйти на майдан, (26) да если и выйдут, какая от этого будет польза?

Манас сказал ему:

– Я слаб в пешей борьбе. Я могу сражаться только на коне. На битву с пиками и на конный бой выйду я, на ручную же борьбу выходи ты.

Кошой вспомнил тогда, что ему уже восемьдесят пять лет и что нет у него уже прежней силы. Погоревав об этом, он все же согласился и сказал:

– Все равно моей голове будет одна смерть! Я не могу не послушаться тебя, Манас! Пусть твое слово будет делом. Я выйду. Но мои шимы (27) уже потрепались. Стоит Джолою дернуть их, они расплзутся, и я стану посмешищем для народа. Найди мне прочные шимы.

Стали искать, но ничьи шимы не подходили Кошой. Тогда Манас сказал:

– У Чалыбая или Аджибая есть мои шимы, возьми их, если и они не подойдут, то других нигде нет.

Разыскали шимы Манаса, но Кошой и они не подошли. Тогда Манас с упреками набросился на Чалыбая и Аджибая. Зорко осмотрели Чалыбай и Аджибай шимы и обнаружили, что в швах у них есть скрытый запас. Они быстро распоролы швы, надели их на Кошой, и они оказались в пору. Очень обрадовался Кошой.

– Замечательные шимы, кто бы мог их сшить? – спросил он Манаса.

Усмехнулся Манас в усы и ответил:

– Каныкей до сих пор не имеет ребенка и тоскует о нем. Это она искусно сшила эти шимы, чтобы получить благословение борца. «Это принесет мне счастье – ребенка», – сказала она.

Тогда Кошой позвал Каныкей и произнес свой бата:

– Желание исполняет один только Аллах! Если он пошлет тебе ребенка, то пусть он будет не дочерью, а сыном, пусть он будет не медведем, а львом, пусть он сразит всякого, в кого будет стрелять, пусть он свалит всякого, с кем будет сражаться! Пусть он пасет коней только в густых травах, пусть никто из людей его не превзойдет!

После этого шестнадцать молодцов стали растирать его поясицу. В это время прибыл от китайцев посланец. Он посмотрел на Кошой и сказал:

– А боец-то уже староват! Его Джолой победит во сне.

Сильно разгневался на это Кошой балбан, борец, прославленный народом. Его белая борода развевалась. Он раскачивался, как гневный буура (28). Решившись на схватку, он двинулся на Джолоя. В это время у Джолоя изо рта полыхало пламя, из глаз сыпались искры. Где кого он хватал, там у того выступала кровь. Встал он с грохотом и сказал Кошой:

– У тебя уже борода поседела, тебе уже настало время двинуться в далекий путь. Выйдя на поединок на старости лет, ты лишишься своей чести и получишь смерть!

Тогда ответил Кошой:

– Твоя одежда – детский нагрудник. Ах ты, гнусный обжора! Помнишь, в ущелье Укурчу, на тое Уйшунбая, я тебя таскал по земле, как козленка на козлодрании? Или ты про это забыл? Или теперь ты стал иным? Нет, – ты прежний Джолой, и я – прежний Кошой.

Сказав так, он выставил руку. Когда Джолой ее схватил, то Кошой отдернул ее, но вся кожа руки осталась у Джолоя. Когда Джолой выставил другую руку, то кожа также сдернулась и осталась у Кошой.

Два великана набросились друг на друга, а народ, наблюдавший за схваткой двух пехлеванов (29), застыл в удивлении. Они сражались и день и ночь. Кругом зажгли тысячи чираков (30), чтобы наблюдать за битвой. Но ни тот ни другой не мог победить. К полудню следующего дня старика Кошой начал одолевать сон, глаза его уже смыкались. Увидев это, Джолой решил покончить сразу, он поднял Кошой и хотел с размаху

ударить его о камень, величиной с алачык (31). Но это заметил Манас:

Он вскрикнул грозно: «Ай, хан, абаке!». Кошой, что был на майдане, Манас стремился расшевелить.

– Негодник Кошой, открой свои глаза, тебя затопчет черная сила! Разве ты дашь себя победить кабану? Ты отдашь свою честь капыру, ты оставишь киргизов на поругание и дурную славу! Ведь у тебя были чудесные подвиги, ты был львом по облику и ловкачом по ухваткам. Когда ты гневался, твой лик был ужасен, когда ты проклинал, слова твои были ядовиты! – голос Канкора прозвучал в воздухе и достиг ушей Кошой. В напряженном зове Манас гремела беспредельная ярость, Канкор проклинал его сон. И где только взял он такой голос! Тогда открыл свои глаза Кошой, и к нему сейчас же вернулся рассудок. Распрямившись во весь рост, стоял капыр Джолой. Он хотел ударить Кошой о камень, как клубок ниток. Но в этот миг Кошой рванулся сильно, его обуяла дикая ненависть. Старый Кошой, абаке, коснулся ногами земли. До этого на ашах и тоях никто не мог на майдане свалить Кошой. Абаке Эр Кошой со всех сторон заправил за пояс свои искусно сшитые шимы. А Джолой-дөө (32) все еще держал на уме, стукнуть Кошой о камень. Правой ногой Кошой абаке снизу дал удар – подножку. Весь народ смотрел на борьбу. Смотрел как Джолоя, батыра, величиной с гору, оторвал Кошой рывком от земли, и со всего размаха бросил оземь. Множество людей смотрело, как Джолоя настиг удар, как Кошой переступил через его голову, и стал победителем.

Все киргизы радостно закричали. Кошой вскочил на Коккоёна и конь понесся, высоко подняв всадника над толпой.

Когда кончился поединок, глашатаи прокричали:

– Сейчас объявляем состязание на конях. Все сильные, все могучие, выбирайте мощных коней, выходите на состязание. Наградой победителю будет сто боевых коней и триста кобылиц.

Пронесся слух, что от киргизов выйдет сам Манас. Все замерли и никто не осмелился выйти, говоря:

– Кто может выступить против Манаса, кроме отчаявшегося в жизни человека?

Услышав это, Конурбай разъярился донельзя.

– Если действительно выйдет Манас, то я выступлю против него сам, – решил он и начал спешно готовиться к бою. Во-первых, я вчера не мог выйти на борьбу; во-вторых, давно я затаил на него обиду.

Конурбай нацепил на себя все свои доспехи и ждал начала состязания.

Кошой, узнав о приготовлениях Конурбая, пришел за советом к Манасу:

– Конурбай и вчера был очень раздосадован, уж давно затаил он обиду на нас. Поэтому он снаряжается сам. Придется теперь выходить или мне, иссохшему старику, или тебе, мой Канкор. Больше никому! Сдается мне, что собирается Конурбай навлечь на киргизов большое несчастье.

– Выбери мне крепкого и стойкого коня, и приготовь меня к бою, – сказал на это славный эр (33) Манас.

Кошой приказал тогда собрать всех коней, на которых Манас указал, как на годных для боя; из множества выбрали самого лучшего коня, и Манас вскочил на него. Весь народ пожелал ему удачи. Наблюдателями с его стороны были Бакай и Тёштюк.

Манас и Конурбай два раза столкнулись. Когда их пики скрещивались, то могучие кони от силы толчков садились на задние ноги, как слабые щенки. Тогда борцы бросили пики и начали колоть друг друга клинками. Наблюдатели с обеих сторон, видя это, заявили:

– Так не годится, по уговору можно биться только на пиках, – и развели бойцов.

Когда бойцы встретились в третий раз, Конурбай ударил своей пикой первым, и Манас чуть не упал с лошади. Нога его выскочила из стремени, и он откатнулся на круп коня. Но, собрав всю свою силу, он мгновенно оправился и вдруг заметил, что у Конурбая на затылке есть неприкрытая доспехами щель. Он сейчас же нацелился и ударил туда. Китайский батыр упал с коня, а Манас с громким победным кличем прибыл к своему народу.

Калмыки и китайцы оказались побежденными, затаив в себе горькое чувство обиды.

Приближалось время возвращения коней, участвовавших в байге.

Шесть дней двигались вперед скакуны, а назад возвращались два дня. В день их возвращения весь народ страшно волновался. Конурбай и Джолой, побежденные батырами из киргизов, решили отомстить. Конурбай собрал всех китайцев и калмыков и заявил:

– Манас, Кошой, Тёштюк и другие объявили себя главарями киргизов. Вот такие поминальные аши они задают своим покойникам, и мощь их все время растет. Если так пойдет дальше, если мы их не обуздаем, то они, пожалуй, захотят

наложить свою руку и на великий Бейджин. Поэтому нужно истребить всех киргизов, уничтожить самое киргизское семя. Предлогом для начала резни пусть будет неурядица при возвращении коней.

Все согласились со словами Конурбая. Сильнейшие сели на отборных коней, надели непроницаемые для пуль кольчуги и, приготовившись к схватке, выехали навстречу скакунам.

Видя, что первым идет Аккула, Конурбай решил свалить его и с этой целью поскакал к нему, но это увидел Манас и с яростным криком: «Что ты замышляешь против моего коня?!» – сильно ударил Конурбая по затылку. Конурбай лишился чувств и чуть не слетел с коня.

Тогда за Аккулой поскакал батыр Джолой, тоже желая его свалить, но ему преградил путь Алмамбет и столкнул его с лошади. Джолой вскочил на ноги и хотел выстрелить в Алмамбета, но это заметил Чубак и стукнул Джолоя по голове айбалтой. Испугавшись сорока чоро, Джолой ускакал и скрылся в толпе калмыков.

Аккула пришел первым. Манас и Кошой по порядку вручили призы владельцам победителей-тулпаров.

К вечеру, поделив все призы, Манас вернулся домой отдохнуть. Воспользовавшись этим, вооруженные китайцы и калмыки налетели на киргизских пастухов, отбили скот, полученный как приз, и угнали его к своим аилам. Узнав об этом, за ними двинулись Тёштюк с сорокатысячным и Бокмурун со стотысячным войском. Манас разгневался:

– Что это за новости? Как это можно отдать приз Конурбаю и Джолою? Если смерть моя наступила, то умру, а призов не уступлю дерзким врагам.

Он взял с собой четырехсоттысячное войско и тоже двинулся вслед.

Китайцы и калмыки в это время бежали и достигли уже окрестностей Кульджи. Там они успокоились, думая, что тут уж их киргизы не догонят. Всем встречным народам они хвастались.

– Мы отняли у киргизов их призы на байге, мы сильно потрепали их самих и теперь с добычей и славой возвращаемся домой, в родные края.

Не спеша, постоянно останавливаясь для отдыха и веселья, двигался китайско-калмыцкий стан, не опасаясь врага. И вдруг, на них, потерявших осторожность, налетело, как буря, войско Манаса. Всадники стали громить, топтать и рубить вражеское

войско. Многие, боясь скачущей за ними смерти, которую несли клинки киргизских всадников, бросались в хмурые волны реки и погибали там. Алооке удалось скрыться с пятнадцатью тысячами. Конурбай, Мурадыл и Оронгу со стопятидесятью тысячным войском выступили навстречу киргизам. Конурбай предложил завершить бой поединком.

На борьбу вышел Конурбай. Бокмурун не отходил от Кошой, прося разрешить ему сразиться с Конуром. Кошой сердился, отвечая ему, что он молод, но, уступив его настойчивости, он в конце концов дал ему разрешение.

А Манас в это время думал про себя:

– Кто кроме меня может выйти против Конура? – и спешно облакался в боевые одежды. Вдруг он увидел, что на майдан вышел юный Бокмурун. Сильно разгневался Манас на Бокмуруна за такое ребячество.

– Пропал малый! – сокрушался он.

Бойцы встретились. Гибкий и подвижный Бокмурун, сидя на своем игривом тулпаре, ловко увертывался от ударов грузного Калчи и ему удалось даже несколько раз проткнуть Конура пикой. Изрядно раненый Конур принужден был ускакать с майдана к своим войскам.

Бокмурун решил убить его и поскакал вслед за ним, но ему навстречу выехал балбан Нескара и сильным ударом переломил пику Бокмуруна. Видя это, Манас кликнул клич к всеобщей схватке, и киргизские всадники с грозным гиканьем помчались на врага.

Китайцев они рубили, не жалея. Конурбай спасся бегством, а Нескара попал в их руки живым. Джолоя избили до потери сознания в его собственном жилище. Было захвачено восемьдесят тысяч калмыкских юрт. С огромной добычей Манас со своим войском вернулся домой.

Вопросы к теме:

1. Какую помощь оказал Кёкётёй Манасу во время войны Манаса с Панус-ханом?
2. Какое завещание оставил Кёкётёй?
3. Какие воинские состязания были устроены на поминках по Кёкётёю?
4. Чем закончилась поминальная тризна?

Примечание

1. Аманат – залог, вклад, что-то, данное на хранение.
2. Байбиче – старшая жена (при наличии другой или других жен).
3. Бокмурун – «сопляк» (букв. «испачканный в навозе нос»). Согласно распространенному суеверию, являющемуся пережитком шаманистских верований, такое «некрасивое» имя дается ребенку, чтобы обмануть злых духов, которые могли бы навредить ему в младенчестве.
4. Кырк аш – сороковины, поминки на сороковой день после смерти.
5. Аш – поминки в годовщину смерти.
6. Каркыра – широкая горная долина недалеко от г. Каракол, где, по преданию, проводились поминки по Кёкётёю.
7. Байге – скачки.
8. Чоро – дружинник, ближайший сподвижник богатыря; сорок чоро Манаса.
9. Канкор – храбрый, герой (часто встречаемый эпитет богатыря Манаса).
10. Юрт – (кырг. журт) – народ.
11. Сыныч – знаток боевых качеств людей и скаковых качеств коней.
12. Бурут – кыргыз (под этим названием кыргызы известны у калмыков).
13. Тулпар – скакун.
14. Аджидар – дракон.
15. Калдай – один из чинов администрации калмыков.
16. Акдоол – боевой барабан.
17. Аккельте – ружье богатыря Манаса.
18. Айбалта – секира.
19. Джан-джун – в эпосе главнокомандующий или полководец китайцев.
20. Чанач – бурдюк.
21. Карагай – ель.
22. Джамбы – слиток серебра или золота, применявшийся в качестве денег.
23. Торе – (кырг. төрө) – господин.
24. Балбан – силач.
25. Капыр – нечестивец, иноверец.
26. Майдан – поле битвы.
27. Шим – (кырг. шым) – борцовские штаны.
28. Буура – верблюд-производитель.
29. Пехлеван – борец-силач.
30. Чирак – светильники.
31. Алачык – небольшая походная юрта.
32. Дөө – сказочный исполин, великан.
33. Эр – храбрец.

Тема 9. ВЕЛИКИЙ ПОХОД

Выступление в поход

В назначенный Манасом срок, через сорок дней после поминок по Кёкётёю, со всех сторон начало собираться войско: из Алты-Шаара прибыл Джамгырчы с семисоттысячным войском, из Хотана – Тёштюк со стотысячным войском, из Кемина – Урбю с двухсоттысячным войском, из Сары-Арка – Кёкче с миллионным войском, из Самарканда – Сынчыбек с девятисоттысячным войском, из Чамбыла – Музбурчак с двухсоттысячным войском. Все ханы сошли с коней и, низко поклонившись, выразили Манасу полную покорность. Только Тёштюк, сын Элемана, приветствовал Манаса, сидя верхом на коне.

На утро Манас призвал шестерых ханов и сказал им:

– Кочевали бы вы себе спокойно на просторных пастбищах! Так нет же! Затеяли вы заговор против меня. Теперь я могу вам за это отомстить и превратить вас в дорожную пыль. Вы прибыли ко мне, собрав огромное войско, с таким бесчисленным количеством людей. Я же давно тоскую о бранном поле, о грохоте и шуме битвы. Раз уж вы прибыли в таком сборе, я решил двинуться на Чынмачын, на Китай, чтобы развеять свою тоску. Как вы на это смотрите? Выслушав слова Манаса, все ханы, в знак согласия с ним, возложили руки на головы и послушались их одобрительные возгласы:

–Куда ты, туда и мы, веди нас!

Одобрительный гул развеял последние остатки гнева у Манаса, и он предложил им выбрать из своей среды полководца. Каждый из ханов испугался, что выберут его, и молчал.

– Что, если мы выберем ханом абаке Бакая? Когда он садится на боевого коня, то не перечислить сбитых им врагов, – сказал Манас. Все, согласились с ним. И провозгласили Бакая начальником войска. Тогда спросил Манас снова:

– Кого мы выберем проводником, который миновал Великую стену Китая, что растянулась на шесть месяцев пути в длину? Никто на эти слова не вышел вперед, кроме Алмамбета, только он выступил и сказал:

– Я все это видел, я все это испытал, я там много бывал! И тогда все выбрали его проводником войска.

На следующий день Манас рѳздал всем прибывшим воинам из своих табунов по паре резвых скакунов. Всех воинов провели мимо счетчиков, и оказалось их три миллиона человек. Когда войско тронулось в путь, Манас и его сорок чоро оседлали коней и выехали из дворца Акылай. Манас ехал хмурый и озабоченный. Понял Алмамбет причину грусти Манаса и, подъехав к нему, сказал:

– А ведь нужно бы было заехать к дженге (1) Каныкей, выслушать ее мудрое напутствие. От этих слов сразу прояснилось лицо Манаса, улыбнулся он светло и открыто.

– Не может господин мой отправиться в Бейджин, не заехав ко мне, – думала в это время Каныкей, и с приближенными женщинами вышла на дорогу встречать Манаса.

Рядом с тобой твои смелые тигры.
Все это – обстрелянные молодцы.
Если ты выйдешь в путь,
Пусть будет счастливой твоя дорога!
Пусть твое трудное дело завершится удачным
концом!
Пусть будет разгромлен много бед нам принесший
враг! –

сказала она и, легко и плавно ступая, проворно привязала коня и нежная и гибкая, как лань, распахнула дверь юрты перед Манасом. Каныкей усадила всех сорок чоро (2), поставила перед ними разные угощения, а сама стала говорить так:

– Путь в Бейджин труден и суров. Поэтому я приготовила для всех чоро различные одежды, – и указала на огромный курджун (3):

– Я приготовила сорок колпаков и сорок шапок-ушанок: верх у них из куньего меха, а низ подшит дорогой тканью; каждому чоро – по рубашке, каждому чоро – по десять пар миткалевых штанов. Сорок боевых кольчуг приготовила я; воротники у них вышиты золотом, рукава – медью, толщина каждой – пол-аршина, на воротах каждой вышито имя чоро, внутри каждой вшито по шестьдесят чудесных стрел. Если вражий всадник стукнет чоро топором, то стрелы эти сами вылетят и поразят врага на месте. Я приготовила по сорок пар сапог, прошитых для прочности жилами, сорок пар шелковых портянок, сорок поясов, которые прикрывают

живот от паха до груди, сорок острых мечей, огнива и ножи, множество пуль и стрел, разные лекарства, по одному барабану, чтобы привязать каждому к передку седла. К заднему краю седла привяжу я каждому все это и посажу каждого чоро на красавца коня покрытого попоной на тигровой шкуре. Манас застыл от изумления, видя такую заботливость своей верной супруги. Каныкей раздала приготовленные ею одежды, снарядила и самого Манаса, а потом совершила жертвоприношение. И причитая в слезах Каныкей, поручила Манаса заботам Алмамбета. Тогда подобная пери (4) супруга Алмамбета Арууке говорит:

– Не грусти, что у тебя нет потомства Алмамбет. У меня под сердцем шевелится твой трехмесячный ребенок.

Каныкей опять обратилась к Алмамбету:

– Скажи мне, когда вы вернетесь, мы хотим встретить вас достойно, пышными пирами. Алмамбет ответил на ее слова:

– Путь туда составит три месяца, путь обратно – также три месяца. Мы переправимся через реку Орхон и шесть месяцев будем там зимовать, пока языки коней не станут черными (*прим.* – когда зазеленеет трава.). Шесть месяцев мы будем сражаться, и если путь наш будет светел, то через восемнадцать месяцев вы увидите нас в Таласе.

Алмамбет становится во главе войска

Манас, ехавший во главе войска, прибыл к берегам реки Чу, раскинул шатры и сел играть в чатыраш (5). Когда же прибыл Алмамбет, находившийся в самом конце войска, и увидел, что все расседлали коней, что многие разделись, завалились спать, его охватил гнев. Он подошел к Манасу и сказал:

– Мой батыр! Что это за беспечность? Разве твои воины собрались на пир, а не в опасный поход? Ведь китайцев сразить нелегко. Я не пойду в далекий поход с таким разболтанным войском. Услышав такие слова, Манас согласился с Алмамбетом и отправил к Бакаю Аджибая и Серека, чтобы просить его передать должность военачальника Алмамбету. Он приказал им сообщить его поручение Бакаю так, чтобы не обидеть его. Когда посыльные приехали к Бакаю, он дал согласие, и Алмамбета назначили ханом армии.

Приняв командование, Алмамбет собрал начальников десятков, сотен и тысяч и приказал им проверить число войска.

– У кого в десятке не окажется хотя бы одного человека, – сказал он, – тому не сносить головы. Запомните это, ибо ханский приказ не повторяется дважды. Он окончил свою речь, и войско двинулось в путь.

С момента выхода в поход исполнилось девять месяцев, прошла зима и языки коней почернели. В этом то месте Алмамбет и устроил проверку всего войска. Когда проверка войск была окончена, Алмамбет пришел к Манасу за советом:

– Кого бы послать в разведку? Но среди сидящих вокруг, никто не вызвался идти на разведку в неизвестной земле. Тогда Манас сказал Алмамбету:

– Если не пойдешь ты сам, родившийся и выросший в Бейджине, то кому же еще идти? Никто другой не подходит для такой трудной разведки. И хотя Алмамбет сам был военачальником, он не смог противоречить словам Манаса. Манас предложил ему:

– Выбери из войска любого джигита в спутники, возьми из табунов любого, какого хочешь, коня. Алмамбет сказал:

– Есть удалец, не признающий смерти, в стычке с врагом он никогда не отворачивает пику. Его одного я ценю за тысячу человек. Я выбираю себе в спутники потомка льва – Сыргак. Затем Алмамбет выбрал темнорыжего скакуна Аджибая – Карткурёна. Так Алмамбет и Сыргак по дорогам Кыйку и Кент отправились в сторону Какана (6).

Ссора Алмамбета с Чубаком

После отъезда Алмамбета с Сыргаком сорок чоро Манаса начали играть в ордо (7), разделившись на две части. Главари в игре были Кыргыз, соратник Чубака, и Аджибай, из отряда Алмамбета. Призом назначили четыре кобылицы. Проиграла сторона Кыргызла. Когда игра близилась к концу, Джайнак из партии Кыргызла ударил томпоем (8) и сбил хана ордо, который лежал близко от черты:

– Ты кидал, не спросив у окружающих. Ты ударил приладившись сбоку, это не честно, это не в счет! – сказал Бозуул, игравший на стороне Аджибая, и, взяв хана, положил его обратно в серединку. Между двумя сторонами началась ссора.

Ырчыуул, игравший на стороне Кыргыла, стал препираться с Бозуулом:

– Ты ничем не выделяешься среди остальных, Бозуул, а между тем все время себя возвеличиваешь. Ведь Кыргыл – человек равный твоему отцу. Как же ты смеешь наскакивать с бранью на достойного аксакала? – упрекал его Ырчыуул.

– Ырчыуул! Знай только свои песни, да помалкивай! Никто тебе не поручал быть посредником в ссоре. Мой Алмамбет превосходит твоего Чубака, – отвечал ему Бозуул.

Страшно обидевшись, Ырчыуул поскакал жаловаться Чубаку.

– Если уж говорить, то твое слово, батыр, равно слову Манаса. Если уж сравнивать корни рода, то твой отец, батыр, равен отцу Манаса. А между тем Манас предпочел бродячего китайца Алмамбета. С тех пор, как мы отправились в поход, военачальником стал Алмамбет, лучший конь – у Алмамбета, и глаза народа – Алмамбет, и разведчик – Алмамбет. Лучше бы умереть, чем испытывать такой позор, что ты уступил свое место Алмамбету! Даже сейчас вот в игре в ордо Бозуул превозносил Алмамбета, и не осталось у него несказанным ни одного слова в похвалу ему и в унижение тебе!

Сильно разгневался Чубак на Алмамбета, разожгли его слова Ырчыуула. Надел он боевые доспехи, сел он на своего коня Кёктеке, ударил в барабан и, собрав всех воинов из своего племени нойгут, двинулся в путь.

– Я уничтожу проклятого китайца на том месте, где его настигну, и сам пойду в разведку, – решил Чубак. К нему присоединились шесть ханов, что затевали перед походом мятеж против Манаса, и все они двинулись против Алмамбета, несмотря на то, что окружающие старались образумить их.

Старик Бакай в это время объезжал в степи караулы. Узнав о затевавшейся ссоре, он помчался к Манасу и сообщил ему об этом. Манас в дар Чубаку отправил своего Аккулу, а посланцем назначил Бакая. Чубак, увидев почтенного аксакала, остановился и излил ему свою обиду:

– Я все время был предан и верен Манасу и всегда во всем ему подчинялся. Сколько раз я спасал его в страшных схватках, подъезжая и опрокидывая врага! Но, несмотря на все это, Манас меня отдаляет от себя, отстраняет от участия в советах. Верно ли я говорю? Отвечай мне Бакай-аба! Неужели твой Манас более велик, чем Чубак? Разве Нойгут уступал в чем-либо Ногою? Разве Чубак менее отважен, чем Манас?

Не преграждай мне путь, Бакай! Достойный старец, чтимый мною, не удерживай повод моего коня. Пусть мои слова дойдут до твоего сердца. Не становись преградой передо мною! Я несу свой удар рабу Алмамбету. Если же мне суждено умереть от руки этого раба из Китая – то я умру!

Так горячился Чубак. Но мудрый Бакай утешал разгневанного батыра:

– Дитя мое, Чубак! Зачем же ты сердишься на несчастного изгнанника Алмамбета, который кровью и духом предан киргизам, который ведет нас в трудный поход на Бейджин? Если Алмамбет сейчас поехал в разведку, то ведь разведка эта – не для славы китайцев, а для славы киргизов. Неужели ты не понимаешь этого? И потом, если он стал ханом похода, то ведь ханство отобрали не у тебя, а у меня. Если ты отколешься от нас, то враги обрадуются сразу.

Пока Бакай и Чубак спорили, к ним подъехал сам Манас и сказал:

– Если ты так жалеешь, что не участвуешь в разведке, то поедem. Я отвезу тебя к Алмамбету. И они направились вдогонку за отважными разведчиками. Бакай же повел за собой все войско Чубака обратно в стан.

Разведка

Пустив Коктеке в скалы, Чубак прибыл к Алмамбету раньше Манаса. Но на приветствие прибывшего, Алмамбет не возвратил приветного слова. Тем временем подъехал и Манас, прищипывая Айбанбоза. Алмамбет рассердился на Манаса, что тот привел с собой Чубака, и сказал так:

– Ой-ой, Манас, ой, Манас! Прежде, чем молвил ты слово, понял я все. Когда же ты оставишь, Манас, свое простодушие? Не торопись мой Манас, выслушай меня! Был великим я у китайцев, и постигли меня несчастья за мое бегство. Кто же еще, кроме меня, перенес столько позора от всех твоих родичей? Разве я просил вас избрать меня ханом? Оба вы – храбрые батыры. Буйный мой Чубак! Если я разражусь проклятьями, устоит ли душа в твоём теле? Эх ты, буян Чубак! Разве я просил вас сделать меня беком? Берегись теперь, если я позову своего джина, (9) то узнаешь ты мое китайское происхождение! В этот день наступит твоя очередь. Но разве, отрезав твой склочный

язык, захочу я изменить своей вере? Ты еще почувствуешь, наконец, Чубак, мое китайское происхождение! Чубак, сын Акбалты, забыл ты о своем положении. Ты хочешь помешать мне служить войску. Кому на руку твои обиды? Ты мешаешь мне служить киргизскому народу. Испытать, что ли, твою силу? Ты, воображающий себя единственным, эр (10) Чубак, измерить мне, что ли, твою силу? Я выпущу сейчас твою желчь.

Чубак отвечал ему так:

– Недавно на берегах реки Талас, мы дали друг другу клятву. Куда девалась клятва, скрепленная рукопожатием? Я просил тебя и умолял:

– Будь моим спутником на пути в Бейджин! Неужели ты один грозно поскачешь вперед, и разве я из тех, кто останется позади, когда другие отправляются в разведку? Эй, раб китайский, ты нарушил данную клятву! Ты не хочешь взять меня в разведку, что же – не бери! Если ты поедешь в разведку один, то я тебя зарублю тут же на месте, а сам двинусь на осмотр путей.

Алмамбет ответил ему:

– Долго ты уж брызгал слюной и называл меня китайцем, калмыком, рабом. Если, по-твоему, китайский народ легко победить и дорога в Бейджин легко доступна, то я тебе дам руку и уступлю дорогу. Иди себе в разведку! Когда я жил в Бейджине, то был сыном хана, который зажал в кулак весь китайский народ и заставлял его дрожать. Именитые китайцы Алооке и Конурбай не считали меня за человека. Теперь от тебя слышу я презрительное слово «раб». Но ведь и ты оставил нойгутов у озера Лоб, бросил отца своего Акбалту, пришел в Талас и поступил в войско Манаса, потому и тебя называют рабом. Разве ты не знаешь, что я могу сейчас же отрубить тебе голову и бросить твоё тело в пищу собакам и стервятникам?

С этими словами Алмамбет набросился на Чубака. Когда Алмамбет налетел на Чубака, тот быстро выхватил свой меч и тоже ринулся на Алмамбета. Но между ними стал Манас. Видя, что его посредничество не остановило бойцов, Манас страшно разгневался:

– Я думал, что способен покорить себе мир, если рядом со мной – Алмамбет и Чубак. Вы же видно, сказали себе оба: «Будем его обманывать!» Найдя повод для беспричинной ссоры, два неразумных глупца, видно, вздумали вы бежать от меня. Вы захотели, видно, раздробить сомкнутые ряды моего войска! Препираясь и гоняясь друг за другом, вы двое, которых я считал

львами, видно вздумали внезапно бежать от меня. Вы, видно, хотите рассыпать золото моей казны, вы, видно, хотите бежать обратно в мирный Талас!

С размаху Манас схватил правой рукой за повод Саралу Алмамбета, левой рукой за повод Коктеке Чубака и с силой рванул их в разные стороны. Потом Манас, стоя на холме сказал:

– Больше я не буду с вами возиться. Кто сильнее, пусть победит, кто слабее, пусть умирает.

Гнев Манаса отрезвил обоих. Видя, что он разгневан не на шутку, оба утихли и сидели на конях, опешив, не осмеливаясь поднять глаза. Через некоторое время Чубак слез с коня, положив повод коня к себе на шею и подошел к Алмамбету:

– Я видно, потерял разум, и, помчавшись вслед за тобой, нанес тебе большую обиду. Вся вина падает на мою шею. Я поступил грубо. На этот раз прости меня, и пусть обида минует твое сердце. Возьми в залог моего коня, а если этого недостаточно, то возьми и мою голову. Прости меня, Алмамбет!

Искреннее раскаяние Чубака тронуло сердце Алмамбета, и он воскликнул:

– Нет, пусть лучше моего коня я подарю тебе, как залог нашей дружбы. Возьми его, Чубак! Вина лежит на мне: ведь это я, пренебрегая нашей клятвой, уехал в разведку, не сказав тебе ни слова! И Алмамбет подвел к Чубаку своего коня. Так помирились два батыра и все они двинулись дальше в путь. Два дня, две ночи находились четыре батыра в пути. Наконец, показались снежные вершины высокой горы Тал-Чоку. До Манаса на вершину Тал-Чоку поднимался только Рустам-Дастан, (11) и его имя было высечено на камне, поставленном на перевале. Когда они подъехали к этому камню, из-за него вдруг поднялась голова страшного дракона. При виде его скакуны Алмамбета, Чубака, Сыргака упали на землю от страха. Тогда Манас спрыгнул с коня и направился было к дракону, но грозный облик Манаса так напугал чудовище, что оно, извиваясь, с ревом скрылось в расщелине скалы.

Манас взяв свою подзорную трубу повернул на восток и увидел китайцев, кишевших подобно муравьям в Бейджине, увидев высокую крепость, которую они воздвигли, золотые ворота высотой в сорок аршин и все дворцы Китая. Пока он смотрел, его спутники заснули крепким сном. И Манас, разбудив Алмамбета, обратился к нему:

– Расскажи мне о Бейджине, который я только что видел. В ответ на это Алмамбет степенно поднялся, подошел к Манасу и начал свой рассказ.

Рассказ Алмамбета

– В Бейджине был именитый китайский хан Азизхан. Он до шестидесяти лет своей жизни имел шестьдесят жен, но, несмотря на это, не имел ни одного ребенка. Однажды Азизхан отправился к Карыхану, самому старшему хану Главного Бейджина, и сказал ему:

– Помоги мне выбрать девушку, которая родила бы мне сына. Карыхан приказал сорока ханам собрать из их владений женщин не старше тридцати трех и не моложе семнадцати лет. Их привели гуськом, одну задругой, и дали на испытание сорока провидцам. Но ни одна из женщин и девушек не приглянулась провидцам. Когда все стояли в нерешительности, то поставили перед испытателями двенадцать девушек, дочерей хана Соорондука, и тогда один из провидцев остановил младшую, семнадцатилетнюю Алтынай, и сказал, что эта девушка должна родить необычайного батыра. В это время девушка уже носила во чреве трехмесячного младенца.

Через шесть месяцев после свадьбы Алтынай родила сына и, скрыв это от всех, отослала его к хану, своему отцу – Соорондуку. Ребенок выпал из чрева, а когда его подняли, то из обоих его кулачков полилась черная кровь. По всему Бейджину в это время семьдесят дней происходило землетрясение.

Когда со дня свадьбы прошло девять месяцев, Алтынай взяла к себе сына и понесла его к Азизхану, говоря, что родила ему наследника. Никто не мог дать ребенку имени, пока прохожий святой старец не нарек его Алмамбетом. Вот этим ребенком и был я, Манас!

В младенчестве я рос, балуемый всеми и когда мне исполнилось шесть лет, Азизхан послал меня, вместе с другими мальчиками на озеро Аберген – обучаться тайной мудрости у одноглазого и шестидесятиголового дракона. Все мои спутники, кроме десяти, погибли при встрече со страшным чудовищем. Я же шесть лет обучался у него колдовскому искусству и научился заговаривать погоду с помощью камня джай. Среди его учеников только Коджоджаш, сын Караджая, учился на три месяца больше

меня и превзошел меня в тайной науке. Этот Коджоджаш – самый скорый скороход и самый меткий стрелок. Теперь я слышал, что он болен вот уже десять месяцев. Если он умер, то сейчас никто уже в Бейджине мне не страшен. Когда мне пошел двенадцатый год, я столкнулся с Конурбаем, в пустыне Ит-Өлбөс, шесть раз сбивал его с лошади, а потом преследовал до самой ставки Эсенхана. Когда же я попросил Эсенхана:

– Дай мне одно из владений сорока твоих ханов! – то он ответил:

– Ты еще ребенок, и голова твоя не наполнилась мудростью. Я разъярился, задумал убить его и с этой мыслью стал подкарауливать у ворот его выезд. Но вдруг я увидел его дочь, круглолицую красавицу Бурулчу. Она запала мне в душу, и я сказал ей:

– Ты будешь моей. Девушка ответила на это:

– Я родилась от луча, ты тоже сын священного луча. Если ты останешься китайцем, я никогда не буду твоей. Если же ты поедешь к кыргызам, то я буду тебя ждать.

Об этом случае Эсенхан доложил Карыхану и пожаловался ему на меня. Карыхан велел привести меня и сказал:

– Если тебе нужно царство, то иди, садись на мой престол. Я сидел до самой старости, но толку не было. С этими словами он надел мне на голову корону и посадил на трон. Во сне ко мне явился святой старец и сказал:

– Ты напрасно сел на этот трон. Это не твое настоящее место. Если ты будешь сидеть больше двадцати дней, то погибнешь. В это время мать моя Алтынай прислала мне письмо:

– Приезжай скорее, ибо я лежу на смертном одре. Тогда я убил шесть ханов Карыхана и сбежал к матери. Мать рассказала мне, что она – дочь луча и я – сын луча. И мы решили бежать к кыргызам.

– Обрати отца в веру ислама, если же он не согласится, то отруби ему голову, – сказала матушка.

Отец отказался, и я обезглавил его.

– Вместе с матерью я покинул Бейджин. Нас сопровождал пастух Маджик, пленный юноша кыргыз. С помощью Маджика я собрал себе дружину из сорока джигитов-пастухов, и мы двинулись в путь. По приказу Карыхана китайские войска пустились преследовать меня. Они окружили нас, и завязалась тут жестокая битва. Я погнался за Конурбаем, а в это время китайцы убили мою мать и перебили моих сорок чоро. Я

похоронил их тела, и мы вдвоем с Маджиком в двенадцать дней достигли Тал-Чоку. Золотые одежды моего отца Азизхана я зарыл вот здесь, под этой скалой. – И Алмамбет, разрыв землю, вытащил оттуда золотой ханский халат отца.

– Если я задержусь, то не больше, чем на три месяца, если же я случайно погибну в этом походе, то навьючьте мои кости на Саралу и увезите в Талас. Если ты сам останешься цел и невредим, то не забудь, что Арууке при нашем отъезде носила под сердцем трехмесячного дитя. Если родится мальчик, то назови его Кульчоро! Он будет батыром более могучим, чем я. Арууке же выдай за Маджика.

Оставив Манаса и Чубака на горе Тал-Чоку, Алмамбет и Сыргак двинулись далее в путь на Бейджин.

Алмамбет поведал Сыргаку о своем сговоре с Бурулчой, о том, что она тоскует о нем. Сыргак, который прежде не знал о Бурулче, сказал:

– Если так, то я сам вызову страх и сумятицу в Бейджине, до которого не дошли даже воды потопа, спущу на головы китайцам черную ночь, полную ужасов, посажу Бурулчу на круп своего коня и увезу ее. Но Алмамбет образумил расшумевшегося Сыргака:

– Видишь то, что, чернея, виднеется там: это – неприступный перевал. Населенный китайцами Бейджин вовсе не такой город, чтобы в него можно было войти без труда. На страже города находятся лисица, кульджа (12) и одноглазый великан Малгун. Они сообщают китайцам о приближении врага на расстоянии шестимесячного пути.

Доехав до места, где сторожила лиса, Алмамбет начал заговаривать погоду. Когда хитрая лиса двинулась на осмотр своих владений, Алмамбет выстрелом ранил ей ногу, а когда она хотела убежать на трех ногах, то ее догнал Сыргак и выстрелом убил наповал. Алмамбет знал то место, где были спрятаны военные доспехи Конурбая, которые он имел обыкновение надевать во время походов. Найдя это место, он взял все это и надел на себя. На Саралу же он накинул покрывало, сделанное Каныкей, и Сарала стал совсем таким, как конь Конурбая Алгара.

Когда Алмамбет доехал до чудесной кульджи, то она приняла его за Конурбая и подбежала к нему. Тогда Сыргак застрелил кульджу в упор.

Увидел Алмамбет места, где родился и вырос, навернулись слезы на его глаза, и поведал он грусть свою Сыргаку. После этого Алмамбет показал Сыргаку город, показал и дворец, где он

шесть дней правил вместо отца, но дворец оказался разрушенным. Показал и чинару,(13) под которой родила его мать, Алтынай, но чинара уже засохла, только юная поросль пробивалась бурно из-под ее корявых корней. Опечалило это Алмамбета.

Очень хотелось батыру поскорее увидеть красавицу Бурулчу. А в эту ночь Бурулча увидела во сне Алмамбета. Поутру позвала она к себе Бирмыскал, дочь Айджанджуна, и попросила ее растолковать сон. Тогда сказала ей Бирмыскал:

– Хорош твой сон, ничего не скажешь! В скором времени придут к нам два льва – Сыргак и Алмамбет. Переполнилась от этой вести радостью сердце Бурулчи, сняла она с постов всех стражников дворца и разослала их с поручениями. Собрала дочерей сорока ханов, красавиц и баловниц, затеяла игры и песни, устроила пир. И вдруг, в самый разгар веселья, тайно прибыли во дворец Алмамбет и Сыргак. Никто из девушек не узнал Алмамбета. Только Бурулча узнала его и расцвела счастьем от встречи. Среди шумных игр и веселья никто не заметил, как Алмамбет и Бурулча шептались, а они договорились тогда, что вскоре он снова придёт и увезет ее.

Победа над Конурбаем

Алмамбет и Сыргак, выехав из Бейджина, переправились через реку Сары-Суу и повстречали на пути многочисленные косяки конских табунов. Увидев их, они пустили к этим лошадям своего запасного коня Карткюрёна для того, чтобы он повел все табуны за собой к войскам Манаса. Алмамбет и Сыргак ударили в барабаны, выстрелили несколько раз из ружей и начали гнать табуны.

Весть об угоне дошла до главного табунщика Карагула. Он догнал Алмамбета и Сыргака в местности Камыштуу и вступил с ними в бой. Сыргак ударом копыя тяжело ранил Карагула, но тот, не взирая на рану, успел ускакать. Несколько дней гнали они табуны, и подошли к переправам через реку Сары-Суу. Переправившись через реку, двенадцать дней безостановочно гнали они табуны. А в это время раненый Карагул приехал в Бейджин и известил Конурбая об угоне коней. Конурбай послал сказать об этом Карыхану. Тот приказал Конурбаю, хану Нескаре,

калмыцкому батыру Джолою и сыну Эсенхана Бёрюкёзу ехать вдогонку, и они выступили в путь с многочисленным войском.

Алмамбет и Сыргак издали заметили приближение китайских войск. Алмамбет забеспокоился и сказал:

– Наверное мы здесь погибнем, потому что нет с нами льва Манаса, славных батыров Чубака, Кёкчё, Бакая, Кошоя, Тёштюка. И оба они надели боевые доспехи и приготовились к встрече с врагом. Первым нагнал их Конурбай. Он налетел на них, как гроза. Но все же Алмамбет не растерялся до конца и сказал Сыргаку:

– Продолжай гнать лошадей, а я один расправлюсь с врагами! Конурбай, увидев перед собой Алмамбета, попробовал хитростью одолеть его и начал заманивать его в песчаную пустыню. Алмамбет догнал его и ударил один раз копьём так, что тот чуть не свалился с коня, но потом все таки успел спастись. Местность была – сыпучие пески, а конь Алмамбета Сарала утомился от долгого пути. Заметив, что Сарала вязнет в песке, Конурбай повернул обратно и ударил копьём Алмамбета. Алмамбет еле удержался на коне и постарался скорее ускакать к Сыргаку. Пока Алмамбет скакал назад, Сыргак наблюдал за ними издали. Заметив, что Конурбай гонится за Алмамбетом на своем вороном крылатом коне, он спрятался в засаду и, когда Конурбай подъехал к нему, внезапно выскочил из засады и ударил его пикой. У Конурбая оказалось перебитыми два ребра, и он, тяжело раненый, поскакал назад.

Китайские войска продолжали преследовать их. Начались кровопролитные бои. Алмамбет и Сыргак по очереди сражались, отражая натиск китайцев, и гнали табун Конурбая все дальше и дальше навстречу Манасу. Все новые и новые силы прибывали к китайцам. Алмамбет и Сыргак в непрерывных боях стали чувствовать усталость, и кони их тоже утомились.

Пока они сражались, на Тал-Чоку Манасу приснился странный сон. Он проснулся в смятении, и разбудил Чубака:

– Наверно, китайцы окружили Алмамбета и Сыргака. Если мы не поспешим им на помощь и не выручим их из беды, они погибнут, а китайцы прогонят нас до самого Таласа.

Они решили ехать им на помощь, и, сев на коней, спустились с горы Тал-Чоку. Оттуда уже издали они увидели многочисленный конский табун, что Карткюрён ведет за собой в их сторону. За табунем двигалось китайское войско. Манас и Чубак бросились с ним в бой. Сыргак поскакал к войску Манаса. Когда все

кыргызское войско подошло, Манас сел на Аккулу и облачился в свои доспехи. Крепки были боевые доспехи Манаса, они делали его почти неуязвимым для оружия врага.

Манас устроил китайцам кровавое побоище и многих загнал в бурлящие волны Сары-Суу. Конурбай не мог остановить свое бегущее войско, растерялся и, не вступая в схватку с Манасом, тоже бежал. Половина китайских войск, бежавших от резни, погибла, утонув в реке.

Конурбай послал вестника в Бейджин, и оттуда прибыло новое многочисленное войско во главе с великаном Мадыканом. И снова войско Конурбая вступило в битву с войском Манаса, и началась долгая, кровавая битва, людские и конские трупы лежали высокими холмами на поле сражения. Кровь лилась бурлящей рекой.

Когда Алмамбет сбил с коня китайского балбана Бёрюкёза, подскокил Бакай и отрубил ему голову. В это время Джолой балбан сражался с Аджибаем и свалил его с коня. Ылама балбан подхватил его коня Карткюрёна и угнал с собой, но Бакай сбил Джолоя, а Чубак отрубил ему голову.

Великан Мадыкан погиб от руки Манаса.

В этом сражении было уничтожено много китайских великанов. Конурбай сражался с Манасом, но бежал. До главных ворот Бейджина, столицы Эсенхана, преследовал Манас Конурбая. Разгоряченный батыр хотел уже проскочить в ворота вслед за врагом, но ему преградил путь мудрый Алмамбет:

– Конурбай нарочно привлекает тебя в город, – сказал он. – Если ты въедешь туда за ним, ты погибнешь. И Алмамбет насильно остановил Манаса. Только тогда Манас остановился и поднял свой стяг на одном из холмов, приказав провести проверку войска. Оказалось, что нет Чубака и Тёштюка.

Манас сказал:

– Нет моего Чубака! Если он попал в руки китайцев, то я наутро вновь объявляю поход. Я взмечу прах китайцев к самому небу. – Такими словами он нагнал ужас на свое войско, а сам улегся спать и заснул.

А поутру прибыл Чубак и привез связанного хана манджу Нескару и его сорок торе (14) и отдал их в подарок Манасу. Манас хотел отрубить голову Нескаре-великану, но тот взмолился Манасу:

– Манас-батыр! Как Бакай ценен для тебя, так и я ценен для китайского народа. Недостойно хану рубить голову хана. Пощади

меня, Манас, подари мне жизнь. Если пощадишь меня, то я сделаю все, что бы ты ни просил.

В это время прибыл и Алмамбет.

– Батыр! Пощади его, не убивай! В Бейджине, после Карыхана, он один из самых именитых ханов. Поэтому его и его сорок торе нужно сохранить живыми, надо послать вестника к Эсенхану и попросить у него ханство в Бейджине. Если он согласится, то мы поднимем тебя ханом Крайнего Бейджина и вернемся в Талас с богатой добычей. Если же он не даст согласия, тогда мы убьем Нескару и вновь двинемся походом на Китай.

Послом решили отправить красноречивого Аджибая, а в спутники ему дали острого на слово Урбю.

Оба посла прибыли в ставку Эсенхана. Аджибай передал своего коня Урбю, склонился перед сидящим на троне Эсенханом и передал ему слова Манаса. Эсенхан согласился уступить ему ханство над Крайним Бейджином. В придачу он отдал свою дочь Бурулчу и дочь Айджанджуна красавицу Бирмыскал с тысячей девушек, отдал более сотни верблюдов, груженных золотом и серебром, и отправил все это к Манасу. И Манас стал ханом Крайнего Бейджина. Он отдал красавицу Бурулчу Алмамбету, прелестницу Бирмыскал – Чубаку. Алмамбета сделал ханом племени торгутов, а Чубака – ханом города Таш-Кёпюрё.

Ранение Манаса и возвращение киргизов в Талас

Манас наложил на Бейджин тяжелую дань. Тем временем Конурбай спасся бегством в Главный Бейджин к Карыхану и рассказал о разгроме, который нанес им Манас.

Тогда Кары-хан и сказал:

– Верно, ты из сорока ворот Бейджина не видел одних ворот, на которых есть надпись: «Китайцев Бейджина никто в мире не сможет победить. Только кыргыз Манас возьмет Бейджин и будет властвовать там шесть месяцев». Поэтому нужно пока делать все, что попросит Манас, нужно выполнять все, что он прикажет. Сказав так, Карыхан призвал всех кузнецов Главного Бейджина. Он повелел им сковать меч из осторезующей стали, закалить его в ядовитой желчи дракона и вручить его Конурбаю.

В это время Бакай и Кошой посадили Шууту на верблюда и послали его вестником в Талас, чтобы оповестить народ об успешном окончании похода и о том, что Манас сел на ханский

трон в Крайнем Бейджине. Шууту прибыл в Талас и возвестил о победе. В эту ночь Каныкей увидела страшный сон, будто в Таласе произошел пожар, все холмы обрушились, все озера и реки высохли, все чинары и иные деревья засохли. Поутру Каныкей проснулась в слезах и вручила в руки Шууту письмо величиной с ладонь. Она дала ему шесть скакунов во главе с Тайбуурулом и сказала:

– В Бейджине, которого не достигали даже воды потопа, если он надолго останется, он погибнет. Мой орел, мой султан, мой кабылан, (15) когда же он увидит свою несчастную? – Причитая так, отправила она Шууту обратно.

Арууке, жена Алмамбета, просила передать своему мужу, что она вскоре родит, и послала ему в залог свой платок.

Много дней и ночей скакал Шууту и наконец, добравшись до Бейджина. Конурбай между тем проведal волшебством о письме Каныкей к Манасу и, боясь, как бы он не вздумал, получив его, вернуться в Талас, решил перехватить и уничтожить это письмо. Для этого он послал женщину-аяра.(16) С хитрым умыслом она вышла навстречу Шууту, и сам Конурбай вышел вместе с ней. Шууту, увидя их, испугался и помчался прочь на своем Тайбууруле. Но Конурбай все же догнал Шууту и, когда он замахнулся копьем, Шууту резко повернул коня и въехал в воды Кара-Суу. Но тут сумка Шууту раскрылась, из нее водой смыло письмо Каныкей, и оно поплыло по волнам реки.

В это время Алмамбет, опасаясь, как бы случайно Конурбай не повстречал Шууту, возвращающегося из Таласа, и не захватил его, оседлал Саралу и выехал навстречу. Увидев, что Конурбай гонится за Шууту, он помчался к ним. Еще издали заметив Алмамбета, Конурбай испугался, повернул коня и помчался назад. Он заставил Алгару перескочить через высокий вал и тем спасся от преследования. Алмамбет подъехал к Шууту и приветствовал его. Он стал расспрашивать его о земле, о народе, о Каныкей и Арууке. Шууту рассказал, что народ живет благополучно, что Каныкей и Арууке здоровы, что Арууке со дня на день ждет начала родов. Очень обрадовался этой вести Алмамбет.

Шууту передал Манасу просьбу Каныкей не оставаться в Бейджине, а скорее вернуться в Талас, но Манас ответил с досадой:

– Отправившись в такой далекий поход, пройдя такие расстояния, разве можно уйти из Бейджина, не пробыв в нем

ханом хотя бы три года? Разве можно оставить Бейджин только потому, что в Таласе осталась жена? Если наступит положенный срок, то ведь можно умереть и лежа дома.

Манас велел позвать ханов, сидевших наместниками в семи местах – Кошоя, Тёштюка, Музбурчака, Кёкчё, Урбю, Чубака, Бакая, – и держал к ним такую речь:

– Советники мои! Я повел в поход многих из вас насильно, говоря: кто пожалуется на коня – я заколю коня, кто пожалуется на себя – я зарежу того. Теперь же, кто соскучился по народу и родной земле, может вернуться обратно, я никого не держу, возвращайтесь!

– На старости лет можно ли отрываться от родной земли? – подумал Кошой.

– Я слишком долго скитался по земле, и стал я слишком слабым для жизни в чужой стороне, – подумал Тёштюк.

И они оба с богатой добычей вернулись в Талас. Мудрый Бакай тоже поехал со своим войском назад, чтобы стать опорой жене Манаса в Таласе. Он взял с собой последнюю жену Чубака Бирмискал и последнюю жену Алмамбета Бурулчу, а вместе с ними бесчисленное количество рабов и рабынь и богатую добычу. Остальные батыры остались в Бейджине, наложили на китайцев большую дань и наслаждались жизнью.

Тем временем Конурбай обдумывал план, как убить Манаса. Он волшебством превратил одного хитрого балбана (17) в дувану, (18) дал ему в руки страннический посох и послал его в ставку Манаса. Ложный дувана проник к китайцу Шыйхучу, который прикинулся мусульманином, и будучи поваром, готовил Манасу еду. Шыйхучу подробно описал все, касающееся жизни Манаса, в тайном письме к Конурбаю, запек его в хлеб и передал дуване. В том письме говорилось:

– Манаса никогда не победить в сражении. Каждый день он встает с рассветом, босиком выходит из дверей и читает намаз. (19) В это время можно уловить удобный момент, чтобы на него напасть.

Прочитав письмо, Конурбай подъехал сам к ставке Манаса, но несколько дней никак не мог в нее проникнуть. Однажды ночью, взяв оружие и сев на Алгару, тихо ступая, двинулся он по тайной тропинке, которая была известна только ему.

Перед рассветом подъехал он к воротам дворца и увидел, что старик Кыргыз, их охранявший, только что задремал. Неслышно проехал он ворота и увидел, что в саду, под развесистой чинарой,

стоя, спит Аджибай, воткнув в землю копьё, опершись на скакуна Карткурёна.

Тем временем вышел Манас, и, ничего не подозревая, стал читать намаз. Конурбай внезапно подкрался и ударил Манаса по голове ак балтой, (20) пропитанной ядом дракона.

Проснувшийся Аджибай метнул в Конурбая копьё и переломил ему два ребра, но Конурбай быстро вскочил на крылатого Алгару, перелетел через высокую ограду дворца и присоединился к своим сорока торе, которые его ожидали в окрестностях дворца. Алмамбет, Чубак, Сыргак погнались за ним, перебили всех сорок торе, но самого Конурбая не настигли.

Истекающего кровью, бесчувственного Манаса Алмамбет лечил разными лекарствами, которые он взял с собой, когда бежал из Китая. Втирая лекарства, он сумел удалить яд, который растекся по телу Манаса. Немного дней спустя, Манас начал поправляться. Но он потерял так много крови, что никак не мог восстановить свою прежнюю силу.

А Конурбай прибыл к Карыхану и стал хвастаться перед всеми китайцами, что убил Манаса. Тогда бесчисленное войско китайцев напало на кыргызов, и начался второй великий поход.

Китайский стрелок Акаяр застрелил Бокмуруна, а его, в свою очередь, убил Алмамбет. Каждый раз, когда китайское войско казалось уже обессиленным, к нему прибывали все новые и новые подкрепления, и опять китайцы переходили в наступление на утомленное кыргызское войско. Битва страшно затянулась. Сорок чоро Манаса решили отослать в Талас свое войско, измученное до крайности в жестоких сражениях, а сами еще несколько дней продолжали биться в знойной степи Ит-Өлбөс. В бою были убиты китайские великаны Тикеналп и Кюнджанджун. Через некоторое время Алмамбет, Чубак и Сыргак отправили в Талас и сорок чоро, и, оставшись втроем, сражались по очереди. Казалось, что китайское войско было истреблено, но вдруг опять прибыло бесчисленное подкрепление. В войске Манаса были ранены Кёкчө и Музбурчак. Конурбая ранил Алмамбет, и тот бежал с поля боя. Алмамбет, Чубак, Сыргак вновь отбили китайское войско и отогнали его назад.

Когда Алмамбет находился в бою, Конурбай послал к Манасу послом красноречивого Чантийбеса и просил приостановить битву на семь дней. Манас согласился и объявил о семидневном перемирии.

Услышав это, Алмамбет был очень раздосадован и так сказал, придя к Манасу:

– Ведь за семь дней перемирия китайцы подтянут новое войско и нагрянут огромным скопом. Напрасно ты дал согласие на перемирие. Теперь мы не вернемся из этого похода живыми. Если ты вернешься живым в Талас, то отдай мою дорогую Арууке в жены Маджику, а мне не бывать уже в живых. Если Арууке родит сына, устрой огромный пир и назови его Кульчоро, он будет батыром еще более могучим, чем я, – так завещал он Манасу. И, действительно, вскоре прибыло бесчисленное китайское войско и началось жестокое сражение. Среди вражеских полчищ Алмамбет увидел великого стрелка-снайпера Коджоджаша. За Коджоджашем повсюду следовало шесть слонов доверху груженных стрелами.

Сыргак сбил с коня отца Коджоджаша Караджая, а Алма отрубил ему голову. Увидев это, взревел Конурбай. Скрежеща зубами, полетел он на Алмамбета и хотел его зарубить, но сбоку подскочил Сыргак, сбил его с коня и, схватив Алгару за повод, решил увести с собой. С этим намерением он помчался по узкой тропинке, ведя на поводу Алгару, как вдруг его скакун Кёкчебич споткнулся и с головы Сыргака слетел шлем. Пока Сыргак старался его надеть, на него налетел Коджоджаш и выстрелил в упор ему в лоб. А потом другим выстрелом он убил и вздыбившегося Кёкчебича. Так погиб орел Сыргак.

После гибели Сыргака, Алмамбет заговорил погоду, спустил на землю густой снег, толщиной в длину копья, но Коджоджаш, волшебный стрелок, все больше и больше проявлял свое искусство. Прячась в ковыле, Коджоджаш сумел застрелить Чубака, Серека, Тёлёка, Акаяра, Шууту и Байчоро.

Решил тогда Алмамбет вступить в поединок с Коджоджашем. Несколько дней стреляли они друг в друга из засады, но Алмамбет никак не мог определить, где прячется Коджоджаш.

В это время на поле битвы вдруг появился Конурбай, оправившийся от раны. Алмамбет снова сбил его с коня, но от силы удара с его головы слетел шлем. В эту минуту Коджоджаш, нацелившись, выстрелил Алме в голову и убил его наповал. Сарала после его смерти, не даваясь никому, умчался в степь.

Узнав о гибели Алмамбета, горько заплакал Манас:

– Отделившись от своих львов, почему я уехал один, а не остался, чтобы погибнуть с ними в зияющей пасти Бейджина? Кем я буду, если не схвачу и не принесу в жертву Коджоджаша, сына

Караджая, что погубил моего Алму? Уж лучше бы мне не родиться.

Манас произнес эту клятву и вскочил на Аккулу. Он стал косить китайцев направо и налево в своем стремительном натиске, и сколько не стрелял в него Коджоджаш, никак не мог пробить его плотный аколпок (21). Отчаялся он убить Манаса и, решив оставить его пешим, застрелил боевого коня батыра Аккулу.

Разъярился тогда от горя Манас, вытащил из воротника особую пулю, которую зашила туда Чыйырды еще при его рождении, как подарок от святого старца, и, увидев через свою трубу, в какой засаде укрылся Коджоджаш, одним выстрелом застрелил его с помощью этой пули.

Смерть Манаса

В Таласе в ту ночь Каныкей проснулась в испуге от страшного сна. Тяжелорогий сивый бык ревет у берега реки. Неужели погиб султан мой Алма? Белый кречет Акшумкар, что гнался за вороном, лишился вдруг своих крыльев. Неужели Чубак, друг моего султана повстречался с грозным несчастьем? Неужели умер мой бесценный Сыргак? У золотого трона, на котором восседал мой султан, когда он был ханом восемнадцати народов, подломилась одна ножка. Неужели погиб скакун моего Кокджала? (22)

Так плакала и причитала она, и слезы ее лились десятью ручьями. Она пришла к Бакаю и, передав ему повод Тайбуурула, послала его с конем к Манасу. Бакай через двенадцать дней достиг Манаса, который, окруженный китайцами, сражался пешим. Бакай передал ему Тайбуурула. Сев на Тайбуурула, Манас снова исполнился отваги, и, разбив китайцев, опять подошел к Бейджину.

Но китайцы плотно заперли все ворота и не пустили Манаса. Высота крепостной ограды Бейджина достигала сорока аршин. Наконец, когда Манас, разбив ворота Бейджина, уже готовился снова вступить в него со своим войском, послышался громовый голос:

– Манас, не вступай в Бейджин, возвращайся обратно!

Услышав этот голос, Манас повернул обратно в сторону Таласа. Он прибыл на места недавних сражений и нашел там тела Алмамбета и Сыргака. Очень горевал Манас. Вдруг к нему

прискакал, отощавший без травы и воды, конь Алмамбета Сарала. Увидев его, Бакай навьючил на него останки Алмамбета:

– Я нагрузил тебя драгоценным залогом! Донеси тело Алмы до Таласа! – сказал он коню.

Манас пришел в себя, облачился в боевые доспехи, молодецки сел на коня и двинулся в Талас.

Каныкей встретила Манаса словами утешения:

– Здоровым ли ты вернулся из Бейджина, мой падишах? Неужели всех своих орлов, падишах мой, отдал ты в подарок Бейджину? Сколько быстроногих скакунов, с лоснящейся шерстью, сколько могучих батыров проскакало по этой земле. Не только мужи, подобные Чубаку и Алмамбету, даже Хазрет-Али, лев могучий, и тот умер!

С плачем сошел Манас с коня у юрты Алмы и потерял сознание. Из горла его хлынула кровь. Каныкей, увидя это, испугалась и заплакала:

– Если ты навсегда закроешь глаза, твой сын слишком мал, чтобы стать повелителем народа. Все твои родные и братья враждебны нам. Какова же будет судьба твоей черноликой от горя вдовы, твоей одинокой Каныкей? Где преклонит она свою несчастную голову? Есть ли у тебя, мой кабылан, стойкий муж, кто мог бы держать твое знамя? Если закроются твои соколиные глаза, скажи, кто, не тяготясь услугой, послужит тебе в последний час?

Очнулся Манас и произнес свое завещание:

– Если я умру, позови старца Кошой, Тёштюка, что на Алае, деву Сайкал, что в Турфане, Кёкбёрю, сына Улукмана из Крыма и Айкоджо из Андижана. Если к границам моим приблизится враг, то защитой народа пусть будет Тёштюк. Он дал обет служить мне после моей смерти. Много было ханов, которые тяготились моей властью. Они захотят отомстить мне, выкопав мою могилу, и бросят мой труп собакам. Поэтому посоветуйся с Бакаем и похорони мое тело в неизвестном месте, не говоря об этом никому, кроме него.

Для женщины, потерявшей своего торе, нет лучшей опоры, чем ее родители. Похоронив меня, не смотри, что оставляешь в Таласе много золота, серебра и скота. Возьми Семетея и поезжай с ним в Бухару, к отцу своему Темирхану. Не жди добра от моих шести негодяев родичей – Абыке, Кёбёша и других братьев. Пока Семетею не исполнится двенадцать лет, пусть его воспитывает твой младший брат Исмаил и пусть мальчик не знает, кто его

родители. – Болезнь Манаса усилилась, при каждом вздохе он выплевывал целые чашки крови.

По желанию Манаса Каныкей покрыла его аколпоком, положила ему в ноги и голову албарс,(23) аккельте (24) и сырнайзу (25) и все его вооружение. Посадила Аджибая на Тайбуруула и отправила его вестником к Кошою, Тёштюку, Кёкбёрю и Сайкал. Аджибай известил всех. Они прибыли к Манасу.

Перед смертью Манас оставил свое завещание Бакаю и Кошою:

– Вы теперь не живите так, как при мне. Не кочуйте в места, где много веселья, где шум и раздоры. Теперь для вас нет иной лучшей участи, чем пасти верблюдов.

После этого умер Манас. Каныкей еще при жизни Манаса приказала заколоть тринадцать тысяч козлов, и на их растопленном жире сбили прочные кирпичи. Из этих кирпичей воздвигли кумбез (26) для Манаса. Каныкей не похоронила его в кумбесе. А в ущелье Эчкилик тайно приказала выкопать глубокую пещеру, обложить ее стены яхонтом и при входе сделать подпорку, изображающую Манаса.

Каныкей, Кошой, Тёштюк, Кёкбёрю ночью, под покровом тьмы, тайно отвезли тело Манаса в горы и похоронили в пещере. В мавзолее же они положили изображение человека, обернутое в белый войлок.

Вопросы к теме:

1. Какое напутствие дала Каныкей Манасу и его дружине и что подарила она им, провожая в трудный поход?

2. Что вызвало недовольство у богатыря Алмамбета на пути в Бейджин?

3. Какие волшебные животные стоят на страже Китая?

4. Какое завещание оставляет Манас Каныкей?

Примечание

1. Дженге – (*кырг.* жеңе) – жена старшего брата по отношению ко всем родственникам мужа.

2. Чоро – дружинник.

3. Курджун – переметная сума.

4. Пери – мифическое ангелоподобное существо.
5. Чатыраш – шахматы.
6. Какан – эпическая страна, где живут кытаи.
7. Ордо – народная игра в альчики, воспроизводящая бой за захват ханской ставки.
8. Томпой – альчик от крупного рогатого скота, употребляемый в качестве биты при игре в ордо.
9. Джин – злой дух.
10. Эр – храбрец.
11. Рустам-Дастан – герой, известный еще по древним сказаниям народностей, заселявших территорию современных Средней Азии, Ирана и Афганистана.
12. Кульджа – самец горного барана.
13. Чинара – горный тополь.
14. Торе – (*кырг.* төрө) – господин.
15. Кабылан – леопард, один из постоянных эпитетов богатыря Манаса.
16. Аяр – волшебник, кудесник, чародей.
17. Балбан – силач.
18. Дувана – странствующий старец.
19. Намаз – молитва.
20. Акбалта – боевой топор.
21. Аколпок – род боевой верхней одежды; панцирь Манаса.
22. Кокджал – сивогривый волк; один из постоянных эпитетов богатыря Манаса.
23. Ачалбарс – меч богатыря Манаса.
24. Аккельте – ружье богатыря Манаса.
25. Сырнайза – копье богатыря Манаса.
26. Кумбез – (*кырг.* күмбөз) – мавзолей.

Тема 10. КРАТКИЙ ОБЗОР ВТОРОЙ и ТРЕТЬЕЙ ЧАСТЕЙ ТРИЛОГИИ «СЕМЕТЕЙ» и «СЕЙТЕК»

Краткое содержание основных эпизодов второй части трилогии эпоса «Манас» – «Семетей» по варианту Саякбая Каралаева:

Бегство семьи Манаса в Бухару и детство Семетая

После смерти Манаса власть над кыргызами переходит к его младшим братьям, Абыке, Кёбёшу, Чыйбыту, Кочкору, Адыбаю, Кёлбаю, сыновьям младшей жены Джакыпа Бакдөөлёт. Дружина Манаса подчиняется новым властителям, которые захватывают владения и богатства Манаса и посягают на его вдову Каныкей и

на жизнь Семетея, надеясь с помощью женитьбы на ней укрепить в народе авторитет своей власти и истребить род Манаса. Отец Манаса, Джакып, выступая в роли свата вдовы своего старшего сына, выполняет только старинный обычай левирата, восходящий к периоду родового строя, широко распространенный до недавнего времени и среди других народов, согласно которому право на жену покойного переходит к его младшему брату. Однако по отношению к вдове Манаса посягательства Кёбёша и роль Джакыпа воспринимаются как святотатство. Постоянный эпитет, сопровождающий в эпосе имена сыновей Джакыпа (кроме Манаса), узурпаторов и насильников, – «негодяи» («арам кул») – буквально «нечистые рабы».

Семетей родился еще при жизни Манаса, до того, как Манас отправился в «Великий поход». Традиционным мотивом во всех вариантах является то, что Семетей рождается путем чудесного зачатия по благословению Кошой. Умиравший от раны Манас, предвидя посягательства своих младших братьев на свою семью, дает совет Каныкей бежать с младенцем в Бухару (к отцу Каныкей). За отказ выйти замуж за Кёбёша Каныкей терпит побои и надругательства нового властителя Таласа. Каныкей спасает своего младенца из рук убийц, подменив его в колыбели однолеткой, сыном своей прислуги Каракюн. После этого она бежит в Бухару вместе с матерью Манаса Чийирды.

Верной жене Каныкей противопоставляется неверная памяти Манаса – старшая жена, Акылай, которая охотно принимает сватовство Кёбёша и переходит на сторону победителей. Абыке сватается к вдове Алмамбета, Бурулче. Так же, как и Каныкей, она отказывается выходить замуж за Абыке. В наказание за отказ он изгоняет ее из дворца и отдает в рабство. Голодная и нагая, она доит скот в стадах властителей Таласа. Верный Бакай, в изодранном старом халате и кожаных штанах, пасет верблюдов в местечке Беш-Таш. Народ стонет под жестким игом узурпаторов.

Рассказ о бегстве Каныкей и старой Чийирды с младенцем Семетеем, об их скитаниях пешком и без пищи в безлюдной степи и пустыне на пути в Бухару, о помощи старого Бакая и чудесном покровительстве сверхъестественных сил, поддерживающих и спасающих семью Манаса в ее испытаниях, принадлежит к числу наиболее трогательных эпизодов эпоса. Когда беглянки, утомленные тяжелым путем, засыпают в тени священного дерева – бай терек, младенца Семетея кормит своим молоком самка белого оленя.

По прибытии в Бухару Семетей воспитывался в семье своего деда по линии матери – Темирхана – и был усыновлен младшим братом Каныкей – Исмаилом. О тайне своего происхождения Семетей узнает, когда ему исполняется двенадцать лет, от угольщика Сарытаза, который являлся младшим братом Темирхана и был сослан в лес угольщиком за свою строптивость. О своем отце и о киргизах уже немного позже Семетей узнает от своей матери. Каныкей рассказывает сыну всю историю до их приезда в Бухару. Рассказывает она и историю о кёзкаманах (что значит: «кабани глаза»): когда Алооке разослал всех кыргызов во все части света, один из братьев Джакыпа – Усен попадает в Маньчжурию. И живя там Усен, заводит семью, принимает маньчжурскую религию и культуру. Идут годы, у Усена рождаются пять сыновей. Услышав о могуществе Манаса, Усен решает вернуться к своим родичам, чтобы найти покровительство и защиту, но в то же время Усен со своими сыновьями соблазняется обещанием китайских правителей, которые обещают большую награду за голову Манаса и правление крайней провинцией Китая – Чет Бейджином. И вот с этой целью Усен вместе с семьей выезжает из Маньчжурии. По прибытии в Талас, их радостно встречает Манас, устраивает пир в честь дяди. Пятеро кёзкаманов устраивают заговор и собираются отравить Манаса. Но благодаря лекарству Каныкей, Манаса удается спасти. Кёзкаманы пользуясь панической ситуацией, грабят казну Манаса и уезжают в Бейджин. Но члены военной дружины Манаса догоняют их и всех уничтожают. После рассказа Каныкей Семетей стремится исполнить свой долг – отомстить за своего отца Манаса его врагам и вернуть себе наследственную власть в Таласе.

Возвращение семьи Манаса в Талас

Возвращение Семетея в Талас сопровождается чудесными знамениями, которые утверждают его, с точки зрения народного сознания, как законного наследника своего отца. У мавзолея Манаса таинственный звук, подобный грому, знаменует возвращение сына и наследника. Животные, служившие Манасу, приветствуют Семетея как своего хозяина. Копье Манаса при приходе его сына само начинает колоть, ружье его – Аккелте – начинает громко стрелять. Один из боевых коней Манаса – Тайбуурул, завещанный Семетею, после смерти своего старого

хозяина горевал, как человек: несколько дней он не принимал пищи, в конце концов, бежал в горы и одичал. С радостным ржанием Тайбуурул бежит навстречу Семетею, обнюхивает его и ласкается к нему. Чудесная собака Манаса Кумайык и его белый кричат Акшумкар становятся после его смерти невидимыми и исчезают; они ждут прихода Семетея и первые приветствуют его. Быстроногий верблюд Джелмаян, простоявший двенадцать лет на коленях в мавзолее Манаса, встает при приближении его наследника и идет ему навстречу.

Распри с родичами, вассальными ханами и дружинниками Манаса

Угрозой и силой Семетей возвращает себе и вооружение отца: шесть мечей, среди них меч Зулпукор (меч Манаса), копье – Сырнайза, ружье – Аккелте, секира – Айбалта, непроницаемая для пуль шелковая броня – Аколпок, пояс с кисетом – Аккисе, походная сумка – Аккурджун и даже камча.

Руководителем и помощником Семетея при его возвращении в Талас становится старый Бакай, мудрый советник его отца. Он спасает Семетея от козней его деда Джакыпа, который, встречая внука, подносит ему отравленную чашу. Он учит Семетея щадить жизнь непокорных родичей. Отравителя Джакыпа убивают оскорбленные им женщины – Чийирды и Каныкей. Каныкей также жестоко расправляется с неверной женой Манаса, Акылай. Абыке и Кёбёша Семетей готов простить и даже предлагает первому, согласно семейному праву, руку своей матери Каныкей. Но братья Манаса сами начинают войну против своего племянника, в которой и погибают. Однако убивает их не Семетей, а отцовское ружье и пика. Семетей горько сетует, что невольно пролил кровь своих непокорных родичей.

Распри с родичами, вассальными ханами и непокорными дружинниками занимают в «Семетее» гораздо больше места, чем в «Манасе». Абыке и Кёбёша поддерживают обиженные Манасом вассалы, бывшие участники заговора семи ханов: Урбю, их сыновья, например, сын Музбурчака. Отказывается признать власть Семетея и его троюродный брат Чинходжа (сын Шапака и внук Шигая, брата Ногойхана). Более того он продолжает семейную распрю (Шапак пытался настроить против Манаса его

же союзников, за что и получил наказание от рук соратников Манаса), настраивая против Семетея Толтоя – главу кыргызского племени джедигер. Толтой также является наследственным врагом Семетея: его отец Багыш был убит Манасом во время заговора ханов. Времена Семетея по сравнению с временем Манаса – это времена племенных раздоров, родовых и семейных распрей.

Непокорны Семетею и старые дружинники его отца – «кырк чоро» (сорок дружинников) Манаса, также перешедшие на сторону его младших братьев. Наиболее активным изменником является глава кырк чоро – старик Кыргын-чал и самый младший чоро Тазбаймат.

Семетей рассматривает дружину отца как самое драгоценное наследие отца. Семетей не раз их прощал, тем не менее, дружинники продолжают бунтовать против сына своего прежнего властителя, упрекая уже покойного Манаса в том, что: во времена Манаса врагов побеждали они, а слава доставалась ему. Манас был нисколько не храбрее нас... Неужели мы всю жизнь будем подчиняться и служить роду Манаса. Таким образом, они дважды пытаются перебежать на сторону Конурбая. И во второй раз, Семетей вынужден был вступить с ними в бой и убить всех, в том числе четырех своих родичей – Чыйбыта, Кочкора Адыбая, Кёлбая.

И впредь, вместо сорока дружинников Манаса, Семетея сопровождают только двое: сыновья Алмамбета и Чубака – Кульчоро и Канчоро.

Женитьба Семетея на Айчурек

Сказочно-романический характер имеет сюжет женитьбы Семетея на Айчурек. Айчурек – дочь Акунхана, афганского властителя, в свое время перешедшего на сторону Манаса и ставшего союзником кыргызов. Во время поминок по Кёкётёю Акунхан и Манас обручили своих детей еще до их рождения. (Этот старинный обычай – «бел-куда» распространен у многих народов Центральной Азии.)

Однако, будучи дочерью афганского хана, Айчурек имеет и другое, сказочное происхождение: она из мира «кайып» и по желанию может превращаться в лебедя. До встречи Айчурек с Семетеем ей угрожает Толтой, который хочет взять ее силой в жены и держит ее город в блокаде. Чтобы избавиться от угрозы

себя и свой город, Айчурек обращается в лебедя и облетает весь мир в поисках героя-спасителя. Она облетает территорию двенадцати ханов и беков: Конурбая, Уметея, Кошой, Малабека, Козубека, Санжыбека, Сынчыбека, Билерика, Эр Тёштюка, Урбю, Мурадыла, Семетей. Айчурек отвергает всех, кроме Семетей. И для того, чтобы Семетей сам пришел за ней, она заманивает белого кречета Семетей – Акшумкара и уносит его к себе на родину. Поиски пропавшей птицы приводят Семетей к невесте в Ургенч. Семетей, Канчоро и Кульчоро вступают в битву с Чинходжой и Толтоем, которые долгое время держали родной город Айчурек в блокаде. Чинходжа и Толтой погибают, а Семетей женится на Айчурек.

Поход Семетей против Конурбая и месть за смерть Манаса

После свадьбы Семетей отправляется в поход на Китай, чтобы отомстить Конурбаю за смерть своего отца. Целью Семетей является не взятие Бейджина или завоевание Китая, а месть Конурбаю за убитого им отца. С большими трудностями Семетей достигает пограничной территории, начинается битва. Конурбай подкараулив Семетей, стреляет в него из огнестрельного оружия. Семетей тяжело ранен. Айчурек прилетает в образе лебедя на поле битвы, чтобы спасти смертельно раненного Семетей. Перешагнув через его тело, она вытягивает пулю из его раны. (Это древнее магическое представление встречается у многих народов мира.) Поход завершается убийством Конурбая и его сподвижников.

Уход Семетей в мир кайып

Через некоторое время, против Семетей выступает также Уметей, сын хана Кёкче, его двоюродный брат со стороны матери. В качестве предлога для ссоры он требует, чтобы Семетей выплатил «кун» (т.е. выкуп за кровь) за его отца, убитого китайцами во время «Великого похода». Убийство Уметей ведет к новым кровавым распрям: его мать Акэркеч, сестра Каныкей, поднимает против Семетей хана Кыяса, брата убитого Толтоя. С помощью изменника Канчоро Кыясу удается захватить власть и одержать победу над Семетеем. Чтобы спасти Семетей, младшая сестра Айчурек из мира «кайып» – пери Кёкмончок забирает смертельно раненного героя в мир «кайып» (это мир не мертвых и

не живых, не видящих и не слышащих, этот мир в Индостане, на волшебном острове Арал), которая залечила его раны и наложила на него заклятие.

ПОМИНКИ ПО КЁКЁТЁЮ

Следует отметить, что такой большой, самостоятельный эпизод, как «Поминки по Кёкётёю» в варианте Саякбая Каралаева излагается не в самом эпосе «Манас», а во второй части – «Семетей» как воспоминание Толтоя и имеет очень глубокий логический смысл. Эту традицию можно проследить и у других сказителей.

Кёкётёй, один из старших соратников Манаса, перед смертью завещает своему сыну Бокмуруну, устроить поминки (аш). Гонец, объезжающий различные царства, созывает гостей, угрожая, что те, кто не явится на зов, будут разгромлены Бокмуруном. Правители разных стран приезжают на поминки вместе со своими войсками, словно собираются в поход. Кроме союзников, являются и противники кыргызов: Джолой, Конурбай, Нескара. Возомнив себя новым правителем кыргызов, юный Бокмурун игнорирует Манаса и не приглашает его на поминки. Пользуясь этим, Конурбай решил устроить кыргызов и отнять силой у Бокмуруна его боевого коня – Мааникера. Оказавшись в безвыходном положении, хозяева поминок решили пригласить Манаса. Манас, разозлившись на Конурбая, в том числе и на Бокмуруна, начинает избивать людей Конурбая и устанавливать свои порядки. Испугавшись, тот приносит извинения и преподносит Манасу подарки. По традиции следуют игры и состязания. В стрельбе из лука подвешенный на столбе золотой слиток сбивает Манас. В остальных состязаниях, будь то борьба или турнир, победителями оказываются Манас и его чоро. В поясной борьбе выигрывает старик Кошой, победивший великана Джолоя. В конце испытывают, чей конь придет первым и сорвет знамя Кёкётёя – это вопрос чести и славы рода, выставившего коня на скачки. В процессе состязания на коня воздействуют самыми разными способами, а коней противника убивают и увечат, для чего устраивают засады. И все же в скачках первыми приходят конь Манаса и его сторонников. Конурбай, расправившись с организаторами поминок, насильно отбирает приз. Разгневанный Манас устремляется в погоню за Конурбаем, но Кошой и Бакай останавливают его.

(По В.М. Жирмунскому)

Вопросы к теме:

1. Что произошло с семьей Манаса после его смерти?
2. Какими чудесными знаменьями сопровождается возвращение Семетея в Талас?
3. С какой целью Семетей отправляется в поход на Китай?
4. Из-за чего происходит конфликт между Семетеем и Уметеем, сыном Кёкчё?

ТРАДИЦИОННЫЙ СЮЖЕТ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ ТРИЛОГИИ ЭПОСА «МАНАС» – «СЕЙТЕК»

Краткое содержание основных эпизодов третьей части трилогии эпоса «Манас» – «Сейтек» по варианту Саякбая Каралаева:

После ухода Семетея в мир кайып Айчурек, несмотря на героическое сопротивление, достается победителю Кыясу как военный трофей. Семья Манаса и Семетея терпит тяжелые страдания и унижения. Мать Манаса – Чийирды, с отчаяния вспарывает себе живот. Старого Бакая и Каныкей Кыяс отдает на потеху своим батырам «как козла для козлодрания». Кульчоро, тяжело раненный, попадает в плен к Канчоро. Мстительный враг велит вырезать ему правую лопатку и отдает калеку в рабство к своим табунщикам. Канчоро, взяв в жены Чачыкей, захватывает власть и правит кыргызами. Народ страдает под игом Канчоро.

Кыяс женится на Айчурек. Айчурек, храня верность Семетею, кладет на ложе Кыяса другую женщину, которой силой волшебства и магии придает свои черты. Сама она по ночам принимает облик лебедя и всю ночь сидит на дымовом отверстии юрты.

Айчурек, ставшая все же против своей воли женой насильника Кыяса, носит ребенка Семетея, которого хитростью пытается выдать за сына Кыяса, дабы спасти жизнь будущего продолжателя рода Манаса. Во время родов Кыяс пытается извести младенца, в котором он предчувствует будущего мстителя, но благодаря предусмотрительности Айчурек его затея кончается неудачей. Долгая двенадцатимесячная беременность и продолжительные роды предвещают появление на свет будущего богатыря.

В двенадцать лет Сейтек достигает зрелости и узнает тайну своего происхождения. Кульчоро исцеляется от своих ран с помощью мудрого целителя Момунджана, призванного из Багдада, и становится главным помощником и советником Сейтека в деле мести. Айчурек, Кульчоро и Сейтек отправляются в Талас. В Таласе следует наказание узурпаторов и предателей. Изменника Канчоро умерщвляют женщины Каныкей и Айчурек. Сейтек становится ханом кыргызов. Народ возвращается и живет в благоденствии.

Затем начинается эпизод сражения Сейтека с Сарыбаем, сыном Желмогуза, которого когда-то сразил на поле битвы Манас. Сейтеку на помощь приходят великанша Куялы, подруга Айчурек, дочь Кайыпа. Во время битвы Сарыбай был убит.

Вскоре Карадее – сын первого члена военной дружины Манаса Кутубия, примыкает к Сейтеку. И однажды недалеко от горной пещеры Кара-Ункур он видит Семетея. Он тщетно пытается окликнуть Семетея. Кульчоро удается вернуть его к людям: молоко любимой матери Каныкей возвращает Семетею сознание и память и снимает заклятие пери*. Однако через некоторое время после воцарения Сейтека он снова покидает свой народ и уходит вместе с Бакаем, Каныкей, Кульчоро и Айчурек. Бессмертие этих героев разделяют и животные, связанные с ними: конь Семетея – Тайбуурул, конь Бакая – Кёкчолок, конь Кульчоро – Суркоён, белый кречет Семетея – Акшумкар и его верная собака – Кумайык.

(По В.М. Жирмунскому)

*Пери – фея (мифическое ангелоподобное существо)

Вопросы к теме:

1. Что происходит с семьей Семетея, после ухода его в мир духов?
2. Что возвращает Семетею сознание и память и снимает заклятие пери?

Тема 11. ЕДИНЕНИЕ – ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ЦЕННОСТЬ ЭПОСА «МАНАС»

Кыргызский фольклор на своем многовековом пути развития жанров, видового и структурного становления сформировался как единая цельная поэтическая система, обретая своеобразную эстетическую завершенность, что позволило ему пустить свои корни вширь и вглубь и превратиться в своеобразный мощный тип художественной словесности, в цельную единую систему. На многовековом тернистом пути развития художественной культуры кыргызов, устная поэзия играет определяющую роль. На этой основе выработалась и установилась самобытная традиция изустной поэзии.

Известно, что традиционность – это имманентное свойство фольклора вообще. Кыргызский фольклор в этом отношении пережил и вобрал в себя все известные стадии культурного развития человечества, повторяя закономерности подобного развития.

Фольклор кыргызов в стадийной эволюции пережил и этапы мифотворчества, и этапы языческих верований и образов и, наконец, вобрал в свою художественную орбиту исламские мотивы.

Образцы древней кыргызской изустной поэзии, достигнув в своем развитии структурного и традиционного единства, тем не менее, дошли до наших дней в новейшей форме. Разумеется, нельзя полагать, что устная поэзия утратила свои древние корни, что бесследно исчезли ее прежние качества и признаки. Безусловно, она сохранила в себе и рудименты древнейших форм. То, что эти образцы дошли до нас в абсолютно доступной словесной структуре и на абсолютно понятном нам языке, доказывает гибкость, динамичность и стадийную эволюцию художественных традиций. Именно динамичность и гибкость художественных традиций сформировали основные черты кыргызской устной поэзии.

Таким образом, непрерывная преемственность традиций и их трансформация породили своеобразный феномен национальной поэзии, в ряду которой выделяется эпос «Манас» – один из величайших образцов мирового устного поэтического творчества, классический образец кочевой культуры. Для этой культуры характерно всеобъемлющее эпическое творчество, преобладающее в национальном фольклоре.

Мечта о единении народа пронизывает весь идейный пафос эпоса «Манас». Основополагающая идея эпоса – борьба за независимость, за объединение кыргызских родов и племен, за обретение свободной, завещанной отцами родины – Таласа, Ала-Тоо. Идея единения обретает новое значение и перекликается с задачами сегодняшнего дня Кыргызстана, когда предпринимаются неимоверные усилия для построения независимого демократического государства. Заветы наших отцов, выраженные богатырскими делами и устами Манаса и его сподвижников, могут еще сослужить службу в нравственно-моральных аспектах, сделать выбор главнейших ценностей для движения в завтрашний день. Эти ценности – основа эпоса «Манас». Их можно было бы обозначить следующими категориями: объединение ради независимости и свободы народа, бережное отношение к заветам отцов, к дружбе между народами, почитание традиций – культа предков и народной обрядности, знание своей генеалогии до седьмого колена, воспитание доблести, мужества, чести и великодушия, уважительное отношение к старшим, женщине – хранительнице очага, почитание и знание религии отцов – ислама, гармоничное сосуществование с окружающей природой. Следование этим ценностям и есть культивирование мудрого слова отцов. И если внимательно вдуматься в эти заветы, то их главные и стержневые свойства восходят к общечеловеческим ценностям. Поэтому возрождение духовности посредством познания истоков сложения этой духовности, познания утерянных традиций, обычаев, преданных забвению в годы тоталитаризма, возможно через новое осмысление и новое прочтение эпической глыбы, каковой является эпос «Манас».

Тема объединения племен, родов, единения народов в эпосе носит окраску, соответствующую патриархально-родовому обществу. Поэтому эту идею надо понимать не так, как ее трактуют в наше время, а в совокупности с теми историческими общественно-социальными условиями, в которых творился и бытовал эпос. В патриархально-родовом обществе принадлежность к определенному роду, клану была важнейшим фактором благополучия, обеспеченности и преуспевания, тогда как отречение, уход, порыв с определенными выработанными навыками и обычаями клана, в конечном счете, завершались печально. Полное единство возможно только при однородности объединяющихся, когда даже отдельный род или племя имеют

близкий или родственный уклад. Так, о кёзкаманах, родичах Манаса, оказавшихся оторванными от родных племен в результате нашествия калмаков и увезенных в калмацкий плен, устами Каныкей говорится:

Бадырек темир курч болбойт,
Жердигинде башка өскөн,
Мындай иттер журт болбойт...

Неоднородное железо острым не бывает,
Выросшие на чужбине
Такие собаки, людям нам не будут...

С. Каралаев

Это равнозначное пословице образное народное изречение подчеркивает прозорливость Каныкей, жены Манаса, неоднократно предупреждавшей его о том, что его родичи-кёзкаманы, выросшие на чужбине, потерявшие все связи с кыргызами, не будут надежными, что положиться на них в трудную для народа минуту будет нельзя. Логически вышеприведенный отрывок продолжает другой, сходный с ним по смыслу пример:

Өзөктөн күйгөн өрт жаман,
Өздөн чыккан жоо жаман.

Страшен пожар, горящий в душе,
Страшен враг, вышедший из своих...

С. Каралаев.

Иносказательность этой фразы раскрывается в процессе развития сюжета эпоса, когда кёзкаманы, как и предвидела Каныкей, замыслили отравить Манаса.

О серьезной значимости, принадлежности к определенному роду, племени говорит и другой пример, когда богатырь Бакай ищет встречи с Манасом и при первом знакомстве с ним спрашивает его:

Оо, ботом ураның ким, дайның ким?
Уругуң ким, айылың ким?

Оо, молодец, кто ты такой и каков твой клич?
Какого ты племени и из какого аила?

(С. Каралаев)

Эти строки говорят сами за себя, когда принадлежность к определенному роду, племени, клану определяли и значимость, и важность той или иной личности, вес и его положение в обществе, в его клане. Поэтому, так важен клич, с которым бросается в битву герой, важно название племени, за идеалы которого он сражается, важен тот аил и та земля, которые он защищает. Потеря всех этих свойств о принадлежности, оторванность от своего клана, низводит персонажа эпоса к безысходности, к трагедии.

Однако подобные архаические пласты эпоса в процессе его эволюции начинают пополняться новыми трансформированными мотивами, отражающими изменившийся общественный уклад, понимая и трактуя единение как более широкое понятие, когда могут объединяться и не обязательно близкородственные племена. Мотив объединения наполняется таким содержанием, как родная земля, Отчизна, Родина. Подобные пересечения древних мотивов с мотивами более позднего происхождения – явление почти закономерное для эпоса. Богатырь Манас всю свою жизнь прилагал неимоверные усилия, чтобы объединить людей, укрепить их жизнестойкость и повысить обороноспособность легко уязвимого кочевого уклада жизни. Он не только объединил родственные племена кыргызов (вспомните заговор шести ханов и их покорность, в конечном итоге, воле богатыря), но пытается найти общий язык с другими племенами и народами – с казахами, калмаками, огузами, даже со своими врагами, которых приглашает на поминки по Кёкётёю, чтобы они оплакали кыргызского хана. (Подробно описывается их внешний вид, даже форма бороды и кони без подхвостников, их строптивый и важный вид).

В варианте, записанном Ч. Валихановым более ста лет тому назад того же эпизода поминок по Кёкётёю, обозначенном, как «Тризна по Кокеткю», есть следующие строки, которые кажутся импровизированной копией завещания Кюль-Тегина:

Тентиген жыйып эл кылдым, баатыр,
Кулалы салып куш кылдым, баатыр,
Курама жыйып эл кылдым, баатыр,

Менин бир көзүм өткөн соң, баатыр,
Теле куш көзүн каратпай,
Тентектин баарысын таратпай,
Кураманын баарысын
Эл-элине таратпай,
Жакшы куш, – деп
Багып ала көр, баатыр.

Скитающихся собрав, я в народ превратил, баатыр,
Мышеловку выучил и сделал птицей важной,
Собрав шатающихся в народ превратил, баатыр.
Когда не станет меня, баатыр,
Не сделай всех опять зависимыми,
Не раскидай всех непослушных,
Всех собранных мной,
Не дай вновь разбрестись
Всех их,
Как хороших птиц пригрей.

В приведенном тексте особый акцент ставится на объединительную суть Кёкётёя, который "собрал" шатающихся бродяг, бедняков и превратил их в "народ". В метафорической иносказательности подчеркивается, что простую птицу Мышеловку Кёкётёй "сделал птицей" главной, тем самым настоятельно подчеркивается объединительная, собирательная, созидательная деятельность его, бескорыстная служба для своего "журта" (народа). Завещание Кёкётёя – это по сути дела программная, магистральная идейная линия, постоянно дополняемая, расширяемая и углубляемая в процессе развития сюжетной линии эпоса.

Видимо значительность и непреходящая ценность эпоса "Манас" и заключается в том, что в нем сохранились, в более или менее устойчивой форме, такие общечеловеческие ценности, как побратимство, единение, уважение к другим племенам и народам, умение находить общий язык с любыми народами, а также постоянная забота о сохранении единства племен, о недопущении межродовых распрей, раздробленности. Следует особо подчеркнуть, что мотив единения пронизывает все без исключения варианты эпоса "Манас", – это не прихоть одного сказителя-манасчи, а устоявшаяся мотивировка, которая пройдя через столетия, начала звучать с еще большей акцентизацией,

дополняясь новыми оттенками и значениями. Мотив объединения, о чем мы говорили выше, приводя примеры из записей Ч. Валиханова, присутствует почти в том же однотипном ключе и в варианте С. Орозбакова.

Главные персонажи эпоса, начиная от великодушного Манаса, удачу приносящего Бакая, пророкоподобного Кошой – все они во главу угла ставят единство народа, постоянно остерегают Манаса от возможных межродовых распрей, призывая вверенный им народ к единству.

Названные персонажи как бы определяют моральные принципы, устои кыргызов. Бакай и Кошой – старцы, не потерявшие своей богатырской удалости, но обретшие мудрость, вобравшие в себя весь народный житейский опыт, его философию. Они воплощают идеал человека в эпосе, спокойную и ровную мудрость, эти персонажи как бы определяют этико-эстетические ценности, возвышенные категории в эпосе. В этих образцах сосредоточенно некое абсолютизированное положительное начало, повествование о них ведется в превосходной степени. Доблесть, мудрость, осмотрительность, умение предугадывать события – все эти качества имеются у названных персонажей. Поскольку они носители народной мудрости, именно от них исходит в первую очередь совет, завещание или повеление о единстве, это они наделяют Манаса правом объединительной миссии кыргызских племен и народов. Так, в контексте эпоса образ Кошой определяют такие основные качества, как мудрость и исполинское богатырство, которые естественно проявились в самую тяжкую для кыргызов годину, когда они были разбиты врагами и разбросаны в разные концы света. Это он, укрепившись в местечке Чеч-Тюбе, собрав вокруг себя скитающихся соплеменников, советует Манасу возвратиться из алтайской ссылки на родину – Ала-Тоо и Талас. Слова Кошой о родине и отечестве, о долге перед народом, пожалуй, одна из ключевых предпосылок развития сюжета эпоса. В монологе Кошой, обращенном к Манасу, звучит неизбывная боль богатыря за землю кыргызов, за народ, которые достались врагу:

Көчө чыгып Алтайдан,
Жериңе качан коносуң?
Аз гана кыргыз элиңе
Качан караан болосуң?
Ээн калган ээсиз элиңди

Качан ээлеп аласың?
Алтайда жүрүп кагышсаң.
Жал-куйругуң такыр жок
Бир балаага каласың!
Таап ал Талас жериңди
Күтүп алгын, кулунум,
Күрдөлүү кыргыз элинди!
(С. Каралаев)

Когда же, наконец,
Откочуешь с Алтая и осядешь на свою землю?
Когда же ты станешь заслоном
Небольшому народу кыргызов?
Когда же ты станешь главой народа,
Который остался без хозяина?
Если придется сразиться на Алтае,
Нет ведь опоры там у тебя,
И настигнет тебя беда!
Возвратись на свою землю в Талас,
Возьми в свои руки, мой жеребенок,
Свой славный кыргызский народ!

Мудрый, дальновидный старец Кошой, повидавший на своем веку и радость побед, и горечь поражений, понимает, что на Алтае, в окружении врагов, Манасу без опоры на свой народ будет трудно, потому он и советует не медлить с кочевкой на родину. Идея объединения кыргызских племен ради отпора врагу в эпосе постепенно перерастает в возвеличение родины.

В свое время П.Н. Берков, русский ученый, хвалу прекрасной земле Таласа назвал «восторженным гимном кыргызской родине, достойным встать вровень с величайшими в мировой литературе патриотическими изображениями родного края».

В эпосе получает особую окраску трагедийная тема. Поражение Манаса в Бейджине, гибель самых близких его дружинников – Алмамбета, Сыргака, Чубака, его скакуна Аккулы – изображены в эпосе в глубоко трагическом плане. Трагизм здесь достигает реалистической достоверности, хотя в этом случае присутствует определенная эпическая условность. Эпизоды возвращения раненого Манаса в свою ставку Талас, его предсмертное завещание (керээз) полны безысходного горя, потрясают реалистичностью человеческого страдания. Эпос не

мог изобразить конечную победу над китайцами, историческая правда нашла свое обобщенное отражение в художественных строках. В предсмертном завещании Манаса своеобразно сконцентрирована правдивая картина положения кыргызов – феодальная раздробленность, родо-племенные распри, ослабление мощи объединенного Манасом кыргызского народа. Эпос с поразительной реалистичностью и откровенностью раскрывает предательство родственников Манаса – кёзкаманов, бедственное положение рода и семьи Манаса после его смерти, скитания матери и жены с малолетним Семетеем, скитания старца Бакая, ставшего пастухом при верблюдах, и страдания его приближенных.

Пророчески и поучительно звучат строки эпоса, где наиболее конкретно и художественно убедительно раскрывается значение объединительной миссии богатыря Манаса, в котором Кёзкаман, родственник Манаса, говорит своим сыновьям, затеявшим заговор против богатыря:

Жыгылып кетсе сүйөө бол
Жылас болгон Манаска
Алдырап кетсе арка бол,
Кайышып кетсе калка бол!
Оңкойуп кетсе оңко бол,
Чөгөлөп кетсе жөлөк бол...
(С. Орозбаков)

Если упадет – будь опорой
Неустрашимому Манасу,
Если силы покинут его,
Будь прикрытием ему,
Если начнет сгибаться,
Будь ему подпоркой,
Если начнет уставать,
Будь ему заменой,
Если упадет на колени – поддержи его.

Эти удивительно значимые строки будто сказаны в назидание потомкам, которым выпала многотрудная миссия созидать и объединять молодое независимое государство.

Литература

Берков П.Н. Идея родины в «Манасе» // «Манас – героический эпос кыргызского народа». Фрунзе, 1968. 195 с.

Вопросы к теме:

1. Какие силы противостоят Манасу в деле объединения племен?
2. В каких формах и какими персонажами передаются мотивы объединения кыргызских племен?

Тема 12. ОБРАЗ КОНЯ В ЭПОСЕ «МАНАС»

В эпосах разных тюркоязычных народов явно осознается неразрывная связь между богатырем и его боевым конем, значение для воина незаменимого, умного, преданного и прекрасного животного.

Эта связь отражена в эпосе «Манас» через архаичные представления о тотемических отношениях, о родственной связи всадника-богатыря и его коня. Конь в эпосе не только побратим батыра, их объединяют узы кровного родства, а как более поздняя замена – молочного братства. По варианту С. Каралаева Аккулу Манас покупает за свой труд (в юности Манас выращивает зерно после продажи урожая, покупает себе коня), а в варианте Ч. Валиханова, М. Чокморова – они молочные братья, по варианту С. Орозбакова Манас и Аккула рождаются в один день, даже в одно время.

Естественно, что эпический образ боевого коня намного моложе образа коня в культах вообще, хотя, конечно, многое в нем опирается на архаические традиции. Однако вместе с развитием общества изменялась и мифология. В эпосе «Манас» образ коня отображен многослойно, т.е. мы находим здесь элементы мифических, архаических пластов. Например, чудесный конь Чабдар – часто «небесный», сказочный спутник, покровитель и верный друг своего хозяина (по варианту Ч.Ч. Валиханова). Иногда конь покровительствует хозяину, превосходит его в даре предвидения, быстроте, силе, красоте, в обладании твердой воли. Если богатырь попадает в беду, первый кто помогает выйти из ситуации живым и невредимым – его боевой конь. Такими

качествами обладает конь Конурбая Алгара: у него есть крылья и в нужные моменты он уносит Конурбая, спасая от беды. А конь Джолоя говорит человеческим языком. Когда Манас обезглавил Джолоя, его конь Ач буудан проклинает Манаса:

Кровопивец герой Манас,
Я никогда не буду служить тебе,
Пощадил бы моего хозяина,
Я не буду хранить тебе верность,
Я не вернусь никогда к земной жизни.

(Ч.Ч. Валиханов)

Образы коней в эпосе можно рассматривать только в их стадияльной эволюции. Поэтому в эпосе выделены древние, архаические рудименты, свойства изображения коней, а также трансформированные формы. Изначально архетип образа тулпаров в тюркских эпических произведениях был более целостным. Кони наделялись древними свойствами: их изображали с крыльями, они владели человеческой речью, умением преображаться посредством оборотничества. В процессе эволюции каждый национальный эпос, сохраняя данные свойства архетипа, одновременно привносил в поэтическое изображение скакунов свои специфические свойства, развивая и воспевая особые качества, присущие данному эпосу.

В изображении коня в эпосе «Манас» довольно ясно сохранились архаические рудименты. Свидетельством тому являются образы таких коней, как Чалкуйрук, Аккула, Чабдар, Алгара, Тоотору, Боз тулпар, Ачбуудан и др. Подобные сказочные образы встречаются во всех тюрко-монгольских эпосах, например, в казахских, нардских, башкирских, тувинских. Кони богатырей Чабдар, Тоо тору, Айбанбоз, Тайбуурул, Тхож, Кара-юрга, Ак боз ат, Аян кула могут летать, разговаривать, добывать пищу, огонь и т.д. Все эти образы коней несут на себе печать сказочно-мифологических черт, восходя к древнему архетипу. Со временем сказочно-мифологическая окраска образов коней в эпосе «Манас» постепенно обретает реальный характер. Образы тулпаров Мааникера, Жармандайя, Көк чолока, Аккулы в эпосе хотя и сохраняются, но архаические элементы в их изображении воспринимаются уже не так остро. Как и у реальных коней, в них ценятся быстрота бега, выносливость, красота. Так, конь Жармандай цениться за выносливость: он может скакать в

пустыне, не требуя воды, в походе может сорок дней не отдыхать и мчаться, как ветер.

Чтобы объяснить и понять истоки формирования образа коня в эпическом произведении, обратим внимание на шаманскую мифологию. По словам М. Элиаде, «...будучи преимущественно погребальным и психопомным животным (*греч.* психопомный – служащий проводником душ), конь используется шаманом в различных контекстах как средство достижения экстаза. С его помощью он достигает возможности «выйти из себя», что позволяет совершить мистическое путешествие, конь дает возможность шаманам взлетать в воздух, достигать неба... конь переносит умерших в потусторонний мир, он осуществляет «прорыв» – переход из этого мира в иные миры» [1, с. 173–174].

Наиболее мифологизированная форма трактовки образа коня сохранилась в якутских олонхо [2], тувинских улигерах [3], и отчасти встречается в хакасских [4], башкирских [5], казахских [6], эпических произведениях. В эпических произведениях указанных народов мы часто встречаем покровителей героя или животного, например, у якутов покровителя коня называют Дьяхогой, у саяно-алтайцев Суйлахан, Ызых-хан, у кыргызов – Камбарата. Самые ранние упоминания о подобных покровителях встречаются в греческой мифологии [7]. Взять хотя бы образ человекоконя (кентавра). «Культово-религиозное почитание животных оставалось чуждым греко-римскому региону, хотя материальные культы включили в себя восточные элементы... демоны, полубоги чаще представлялись в виде полузверя-получеловека (Кентавры, Силены, Сатиры, Сирены, Гакрии) или культ быка отразился в образе минотавра» [8]. На основе мифологических образов в народных эпосах позже появились разные версии, мотивы: одновременная женитьба батыра и выгул его коня, встречается ситуация, когда в день свадьбы героя его жеребец случается с кобылой тестя. («Рустамиада»). Рустам женится на Тахмине, а жеребец Рахш случается с кобылой царя; батыр и его конь – молочные братья («Манас»); батыр рождается от кобылы («Гэсэриада»). Итак, мы видим, тесную связь батыра и его коня, прослеживающуюся еще в греческой мифологии и во всех тюрко-монгольских эпосах. В своем архаическом пласте она, со временем изменяясь, приобретает более сложную, реальную форму. Клички коням присваивались в зависимости от их масти, масть в эпосе имеют многозначную трактовку, особенно такие

цвета, как белый, черный, голубой, серый, желтый и т.д. О коне белой масти у кыргызов принято говорить кызыл – красный.

В русском фольклоре **красная девица** – речь идет о молодой девушке. Обозначение «ак» – белый, во-первых, обозначает цвет, во-вторых, священное свойство коня Акулы, это – конь «аристократ» и т.д.

Обычно при общинно-родовом строе на таких конях ездили вожаки племен или знаменитые герои. Известный ученый этнограф Е.В. Шавкунов подчеркивает: «Так кони белой и вообще светлой масти у всех народов, у которых существовал культ коня, были связаны с божествами и духами высшего, т.е. небесного ранга, тогда как кони черной масти божествами и духами подземного мира» [9].

Значительное место занимает конь черной масти. Кара – черный, в тюркском эпосе имеет несколько значений, он может обозначать наряду с черным цветом силу, множество, социальное положение. Кони черной масти зачастую наделены фантастическими способностями, они крылатые, владеют человеческой речью.

Конь черной масти в башкирской версии, наоборот, является символом неиссякаемого источника богатства и изобилия. Вышедший из озера Кара-юрга (черный иноходец) в эпосе «Кара-юрга» обещает добыть хозяину невесту из соседнего племени, при условии, что тот не будет обижать его и будет ухаживать за ним. Так, конь обращается к своему хозяину со словами обиды:

Конь твой зол на тебя;
И весной едешь на мне верхом,
И осенью едешь на меня верхом,
К голому колу привязываешь меня,
Пересчитываешь ребра мои...

(Сказание о Кара-юрга М.,1960)

Позднюю форму говорящего коня мы встречаем в «Манасе», по варианту С.Орозбакова.

Алмамбет возвращается из Мекки и видит сон:

Волохвостый мой Сарала,
Вертит оленьей шеей своей,

Словно плача, клонит ее.
Славный друг мой, к самой земле,
Слаб он стал, отощал дружок,
С любовью смотрит на меня,
Смышлено говорит он мне,
Словами нашими говорит, –
Слушай,- сердце мое говорит:
«Покинул друга в далеке,
Крылато резвые ноги мои,
Ужель ты высушил Алаке?,
К Сарале своему поспеши!»

Большое значение в сюжетном составе эпоса имеет выбор коня для богатыря и роль дрессировщика. Выбор коня в различных эпосах происходит разными путями. Вот как, например, в эпосе «Манас» Чубак (дружинник Манаса) выбирает себе коня. Перед Чубаком прогоняют табун с неисчислимым количеством лошадей, ему не нравится ни один конь, и он продолжает искать себе достойного коня («Манас» по варианту С. Каралаева); в казахском эпосе «Кобланды батыр» жена батыра Кортка, тщательно ухаживает за новорожденным жеребенком. Она с первого взгляда определяет, что этот жеребенок не простой. В башкирской версии будущему богатырю Зая-Туляку говорят: «Подойдите к табуну коней, позвените уздечками, и какой конь оглянется того поймите и оседлайте себе». На Зая-Туляка оглянулся самый захудалый конь, который в последствии стал тулпаром Хыу-хылу, обгоняющим ветер.

В «Манасе» отчетливо проявляется традиционная для тюркского эпоса мотивировка – рождение богатыря и коня в один день. Так, Алмамбет и его богатырский конь Сарала рождаются в один день. За ханшей и кобылой во время родов был назначен одинаковый уход, всю жизнь они не расстанутся. После смерти Алмамбета конь, привезший с невероятными трудностями его тело на родину, заколот и их погребают вместе, – они и в ином мире будут неразлучны.

Детализация в описании способностей и качеств коня – характерная черта эпической поэтики, именно подробное описание выносливости, красоты, особого бега коня позволяет сказителю уравнивать его со способностями и качествами характера богатыря. Конь – это органичное продолжение богатырской силы. Конь проявляет свои фантастические способности рядом со

своим хозяином точно так же, как и богатырь силен и непобедим, только будучи верхом на коне. Конь – не только чисто физическая опора богатыря, в эпосе он одновременно мудр и прозорлив, наделен речью и даром предвидения, предупреждает хозяина о предстоящих опасностях, о случившихся бедах. Когда Кёзкаманы – родственники Манаса, хотели отравить его, конь Манаса Аккула чувствует беду, он рвется с привязи, бьет копытами, пытаясь дать Манасу знак о беде. Точно такое же беспокойство проявляет конь Тоотору, когда Айчурек обманным путем хочет добыть у Кыяза коня. Постоянное упоминание коня рядом с богатырем говорит об их особой симпатической связи. О симпатической связи между богатырем и его конем писал В.М. Жирмунский: «У кочевых и полукочевых народов, роль коня как спутника и боевого товарища героя особенно значительна. Так, в эпических сказаниях среднеазиатских и тюркских народов широкой известностью пользуется Байчибар – богатырский конь Алпамыша, Град – знаменитый боевой конь Гороглы, Тайбуурул – конь казахского богатыря Кобланды».

Эта неразрывность единства человека и коня подчеркивается в эпосе при одновременном рождении батыра и его коня. Манас и его конь по варианту С. Орозбакова рождаются в один день; в то же время, когда Чыйырды в тяжелых муках рождает Манаса, ее муж Джакып принимает новорожденного буланого жеребенка Аккулу у своей черногривой кобылы. Таким образом, симпатическая связь между батыром и его конем устанавливается с их рождением. Без сильного и надежного коня богатырь не может существовать, как конь без богатыря. Обычно когда сказитель набрасывает портрет героя, он старается описать коня под стать герою. Богатырь без коня в эпосе обречен на поражение, в одном из сражений Манас чуть не был сражен врагом из-за того, что сражался не на своем коне Аккуле. В другом эпизоде во время поминок по Кёкётёю на единоборство от неверных выходит богатырь Жолой. Кошой, кыргызский богатырь не может найти подходящего силача для борьбы с Джолоем и решается просить Манаса выйти на единоборство, ибо только он может спасти честь мусульман. Манас на это отвечает, что «верхом на коне, я бы мог лететь, как стрела, а без коня Аккулы, я не могу участвовать на состязании». Как видно из эпизода, даже сам богатырь Манас не решается на ответственную схватку без своего коня.

Обычно в кыргызском эпосе, богатырю покровительствуют небесные пери, драконы, тигры, наряду с ними функцию покровителя выполняет и богатырский конь. В «Манасе» такая роль отведена коню Мааникеру. Если Аккула – боевой конь Манаса, то Мааникер – его богоизбранный конь, и не зря сказители, описывая Мааникера, подчеркивают его особенности:

Атасы аркар, тоо кайып,
Энеси буудан чөл кайып.

Отец из покровителей архаров,
Мать из покровителей пустынь.

По своему происхождению Мааникер – плод горного и пустынного кайыпов (покровителей животных).

О симпатической связи богатыря и его коня, говорят и батальные сцены, когда в жаркой схватке сражаются не только богатыри, но и их кони, которые помогают своему хозяину, кусая коней противников, ударяя копытами.

Иное предназначение у коня Мааникера. Он отличается от других коней своей быстротой, красотой и покровительствующими качествами. Этот богоизбранный, священный конь, он рожден для чести мусульман. В «Манасе», есть такой эпизод: во время поминок Кёкётёя вражеский богатырь Конурбай требует от Бокмуруна, чтобы он подарил ему коня Мааникера, угрожая разгромом, если ему откажут. Об этом сообщают Манасу, услышав это, разгневанный Манас говорит:

Мааникер берем дегенче,
Манасты өлду десеңчи.

Чем отдать Мааникер,
Считай, что умер Манас.

Отдать Мааникера врагу, равносильно поражению, ибо Мааникер неприкосновенен, он покровитель коней кыргызов. Потеря такого коня, это потеря своей независимости. Мааникер – крылатый конь, его образ несет в себе архаические рудименты: умение летать, покровительствовать, приносить удачу.

Колоритно и живо описывается и образ коня Тайтору. После смерти мужа Манаса, Каныкей со своим сыном отправляется к

своему отцу Темирхану. Спустя двенадцать лет, после возмужания Семетей, она пускает на скачки Тайтору, загадывая на удачную судьбу сына: если Тайтору придет к финишу первым, все желания Каныкей исполнятся. Образ Тайтору в эпосе изображается во взаимосвязи с судьбой человека. Этот эпизод наиболее драматичен и психологически насыщен. Здесь сплетается в единый узел заветная мечта (арман) Каныкей, с насыщенной картиной скачек. Конь Тайтору для Каныкей в данный момент становится воплощением ее тайной мечты о возвращении на родину мужа, отмщение врагам во имя торжества правого дела сына. Как видно конь и судьба человека соединены в нерасторжимый узел, они взаимно влияют и взаимодействуют во всех сюжетных перипетиях эпоса.

Описание коня невозможно полностью осветить без обращения к поэтике эпоса «Манас». В эпосе эпитет – один из устоявшихся видов тропов.

Образ любого коня связан с именем определенного персонажа, т.е. конь описывается рядом с богатырем, со своим хозяином, что стало своеобразной поэтической формулой для всех сказителей, например: Көкөтөйдүн Мааникер – Мааникер конь Көкөтөй, Алмамбеттин Сарала – конь Алмамбета Сарала, Үрбүнүн эгиз карасы – черные кони двойняшки Үрбү, Жолойдун Ач бууданы – конь Джолоя Ач буудан, Чубактын Көк тулпары – темносиний конь Чубака. Сращение имени богатыря с именем коня является устойчивым поэтическим свойством в художественном составе эпоса «Манас». В описании коней мы выделяем устоявшиеся эпитеты, которые со временем обрели формульный характер, например: «кара байыр казанат – породистый, выносливый конь»; «калбыр өпкө жез билек – с легкими, подобными ситу, с ногами, подобными меди». Эти эпитеты характерны почти для всех сказителей и могут употребляться в различных сюжетных ситуациях.

Выделим и метафорическую форму эпитета, которая тоже обрела формульный характер: «мандайында багы бар, кулагында шамы бар – лоб отмечен счастливой звездой, уши светятся словно свечи», здесь мы явно ощущаем переносный смысл данного поэтического приема. Указанный выше эпитет в художественном составе эпоса является наиболее устоявшимся и древним. Следует упомянуть и об эпитетах, которые в этом архаичном ряду играют роль градационного определения,

особенно при описании бега коня. Так, вихрем мчащегося Мааникера С. Орозбаков описывает следующим образом:

Көкөтөйдүн Мааникер,
Оң жагында кырк чалгын,
Сол жагында кырк чалгын.

Кёкётёя Мааникер,
Справа крылья с сорока разводами,
Слева крылья с сорока разводами.

Здесь эпитет, определяющий свойства коня Кёкётёя (слева и справа крылья с сорока разводами), как крылатого коня, одновременно выполняет роль рефрена, грациозно усиливающего и подчеркивающего необычное свойство коня. В составе эпитетов мы выделяем и сравнение – такую форму эпитета, когда через определение свойств, через их сравнение создается портрет того или иного коня. Вот как описывается конь калмыцкого богатыря Джолоя:

Ач күсүндөй алкынган,
Ач буудан атын чуратып.

Словно голодного хорька,
Пустил он своего коня. (Ач буудан)

Здесь эпитет сравнения «Ач күсүндөй алкынган – словно голодного хорька», одновременно аллитерируется со второй строкой «ач буудандай» образуя сложную и яркую картину мчащегося в бега коня. Если же возникает необходимость показать небывалой величины коня, сказитель пользуется сравнением, например: конь богатыря Манаса подобен громадной горе – «тоодой болгон Ак кула – словно, как гора». В этом случае эпитет-определение «горообразный – тоодой», одновременно выступает и в роли сравнения. Такие эпитеты являются одновременно эпитетами-определениями и эпитетами-сравнениями.

Таким образом, в описании коня мы выделяем не только архаические устоявшиеся формы эпитета, но и его сложные формы – эпитеты-метафоры и эпитеты-сравнения, которые

помогают сказителю описать в эпосе различные свойства тулпаров.

Сравнение в эпосе – самый распространенный вид тропа. Как и эпитет, сравнение имеет несколько видов, например, архаические, гиперболизированные сравнения. К архаическим сравнениям относятся, сравнения с древними культовыми образами животных, например: архар – олень, кулжа, марал, кайберен. В эпосе «Манас» очень часто кони сравниваются с этими животными:

Мааникер (С. О.)

Аркардай арыш узарып,
Как у архара бег его быстрый

Чал куйрук (С.О.)

Кулжадай көзү кызарып
Кайберендей арымдап
Глаза красные, как у кульджи
Словно кайберен он быстрый

Тайтору (С. К.)

Маралдай жанып көздөрү,
Глаза светятся, как у марала.

Как видно из примеров, кони сравниваются со священными у кыргызов животными, поднимая образ коня до культового значения. Самым распространенным сравнением в изображении коней является гиперболизированное сравнение.

Обычно при описании внешнего вида коня, а также при описании его способностей в одно мгновение преодолевать огромные пространства сказители используют различные виды гиперболизированного сравнения. Вот как характеризует коня Аккулу С. Орозбаков:

Балтыры бука белиндей
Басканы сырттын желиндей

Круп, шириной с поясницу быка,
Ходьба, как ветер в просторе

Поражает слушателей и образ коня Мааникера:

Азуулары аркардай
Төрт аягы чарадай

Алтымыш күндүк дайрадан
Аттап өтр жан эле

Зубы огромны, с архара,
Копыта, огромные с чашу,
Реку, пройденную за 60 дней,
Одним махом преодолевает

В данном гиперболическом сравнении передаются и внешние свойства коня, и его быстрый бег, и выносливость. В кыргызском эпосе есть целая серия сравнений, однотипных тюркоязычному эпосу, когда конь сравнивается с ветром, с пущенной стрелой: «бежит, как дикий ветер»; аткан октой уча берди (летел, как пущенная стрела). В алтайском эпосе «Алып манаш» «Жүгүргөнү шамалдай» (Бег словно ветер), в кыргызском эпосе «Семетей» очень часто разные части тела коня сравниваются с природными явлениями и животными: так, в «Манасе» уши коня сравниваются со свечой, зайцем, попугаем (кулагы шамдай, коёндой, тотудай); в «Жангаре» глаза коня сравниваются с «полной луной», в «Манасе» – глаза Аккулы с глазами архара. Следовательно, тулпар в эпосе сравнивается с природными явлениями вещами и предметами. Такая однотипная форма сравнения говорит об общем архетипе, который сложился на ранних ступенях развития эпических произведений. В эпосе «Манас» встречаются и сложные формы описания коня: путем сравнения подключаются и другие тропы, образуя усложненную, зачастую иносказательную метафорическую форму. Вот одна из таких форм описания коня Манаса Аккулы С. Каралаева:

Мандайында багы бар,
Кулагында шамы бар,
Куюндан буткөн жаныбар,
Тумшугунун үстүндө,
Ноктонун кескен агы бар,
Кондурдай болгон жаныбар,
Оң жанбашта калы бар,
Октой болгон жаныбар,

На лбу удача светится,
Уши, словно свечи горят,
Создан он из вихря,

На носу отметина,
пятно белое, от сбриу,
Словно яркая птица огромная,
Отметина на правом бедре,
Стремителен, как пущенная стрела

В этом небольшом отрывке наряду с метафорическими описаниями (кулагында шамы бар, мандайында багы бар) соседствует сравнение (кондурдай болгон жаныбар, октой болгон жаныбар), из сплава этих троп состоит образ Аккулы. Итак, сравнение в эпосе имеет различные формы, которые позволяют в многоплановом художественном аспекте раскрывать образ коня тулпара.

Гипербола – самый распространенный троп в эпосе, особенно часто он употребляется при описании портрета богатыря Манаса и его скакуна – тулпара. Вот пример портретной характеристики Манаса С. Орозбакова:

Арстан Манас баатырдын,
Ар мүчөсү башкача,
Айбаты албарс темирдей,
Муруту чөлдүн камыштай,
Карарышы түн болуп,
Кышкы кирген буурадай,
Кычырап тиши ун болуп,
Бетинин чыккан сары түк,
Беш байпактык жүн болуп,
Көзү көлдүн буткулдай,
Көрүнгөндү жуткулдай,
Ар мүнөзүн карасаң,
Ажыдар болсо туткандай.

Богатырь, лев – Манас,
Необычен стан его,
Свирепый взгляд, как сталь,
Усы, словно камыш пустыни,
Взгляд лютой, словно ночь,
Словно буря в зимнюю пору,
От ярости зубы скрежещут,
Длина щетины на лице,
Словно шерсть для вязки,

Глаза, словно впадины озера,
Готов подавить встречного,
Присмотревшись, удивишься,
Готов дракона приучить.

Как видно, портрет богатыря здесь полностью построен на сравнительной гиперболе: вид – как сталь, усы, словно камыш пустыни, взгляд – лютая ночь, глаза – впадины озера и др. Подобному великану-богатырю должен быть под стать и скакун-тулпар, поэтому сказитель описывает его тоже гиперболическими средствами. Портрет Аккулы, коня Манаса, в описании С Орозбакова выглядит впечатляюще:

Чулу темир туягы,
Туура тулпар сыягы,
Жал куйругу түпөктөй,
Тумшугунан карасаң,
Суусарга койгон түпөктөй,
Соорусу соккон тамындай,
Кулагына карасаң,
Чоң мазардын шамындай.
Дабыртын укса талаада,
Кырдан кайып узабас,
Кырк күндүк жерге суусабас,
Казатка минер мал экен.

Копыто, литое железо,
Настоящий скакун.
Грива, словно степная трава.
Спереди увидишь,
Словно ловушка для соболя,
Бедро, словно встроенная стена.
Уши подобны,
Свечам на святилище.
Услышав в поле топот его ног,
Покровители не встревожаться,
За 40 дней не просит пить.
С ним битва без страха.

Тулпар Аккула, подстать своему хозяину, грива – пучок травы, нос – капкан для соболя, бедра – стена, уши – как свечи. Такая

гиперболическая параллель между Манасом и его конем в эпосе обретает формульный характер. Это устоявшийся прием, которым пользуются почти все сказители, дополняя или усекая стереотипные зарисовки. Сравнительная гипербола самая обильная в художественном составе эпоса, имеющая разные формы. Один из классических видов такой гиперболы – описание образа коня Тайбуурула у С.Каралаева

Азуулары аркардай,
Төрт аягы чарадай,
Чаткы аягы колотой,
Туягынын илеби,
Чарыкка тарткан болоттой
Секиргени бүргөдөй,
Семиргени сумбөдөй

Зубы огромны, как аркар,
Копыта, словно чаши,
Задние конечности с камень,
Копыта остры,
Словно отточенная сталь,
Прыжок незримо быстр,
Упитан и в меру статный.

Сравнение коня с архаром, оленем – устоявшая формула, которая несет архаический отпечаток и является специфической формой сравнения в кыргызском эпосе, тогда как в алтайском конь часто сравнивается с луной, в каракалпакском – с ивой, в башкирском – с радугой. Все это своеобразие связано с миропониманием каждого народа, сравнивающего коня со своими священными (ценными) понятиями, со своим мерилем красоты. В кыргызском эпосе часто подчеркивается происхождение коня, его генеалогия. Самыми выносливыми, быстрыми, недостижимыми оказываются те кони, которые произошли от покровителей животных. Вот такая генеалогия, по С. Каралаеву, у коня Мааникера:

Энеси аркар жел кайып,
Атасы тулпар чөл кайып.

Мать – покровитель архаров,

Отец – покровитель пустынь.

Участие незримых покровителей животных в генеалогии коней – залог рождения несравненного скакуна, такова подоплека поэтики указанных строк, которые в кыргызском эпосе превратились в традиционный стереотип. В изображении коней, сказители используют также и традиционный строфический параллелизм, который через противопоставление различных явлений помогает в художественном плане убедительнее раскрыть различные свойства тулпаров, например:

Ай караңгы түн болсо,
Түн эмине болот деп,
– Артта калса Тайтору,
Күн эмине болот деп.

Если не будет луны,
Что впереди ждет ночь,
Если Тайтору не победит,
Что ожидает нас впереди.

Сопоставляя явления природы с душевным состоянием Каныкей, которая с надеждой уповает, на победу коня Тайтору сказитель создает напряженную картину скачек. Раскрытие тех или иных ситуаций посредством противопоставления, сопоставления, а также с помощью строфического параллелизма – довольно частое явление в кыргызском эпосе. Описанные нами различные поэтические формы, с помощью которых изображаются скакуны, характерны и в описании других явлений эпоса, его персонажей, вещей, предметов, и при их помощи живописуется вся эпическая сюжетная ситуация.

В эпосе «Манас» встречается более ста пятидесяти кличек коня, у каждого коня есть своя функция. Отдельные кони занимают главные роли, другим в сюжете отведены дополнительные действия.

Литература

1. *Элиаде М.* Космос и история. М., Прогресс. 1987.
2. *Емельянов Н.В.* Сюжеты якутских олонхо. М., Наука, 1980.
3. Бокту Кириш Бора Шээлей // Тувинск. Сказка // Кызыл, 1962.
4. Алтын Арыг: Хакасский героический эпос. Абакан, 1968.

5. Башкирский народный эпос. М., 1977.
6. Кобланды батыр: Казахский героический эпос. Алма-Ата, 1968.
7. Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия 1990.
8. Словарь античности. М., Прогресс, 1989.
9. *Шавкунов Э.В.* Культура чжурч-чженей-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения Дальнего Востока // Фольклор и Этнография. *Потапов Л.П.* Конь в верованиях и эпоса народов Саяно-Алтай. Л.: Наука, 1977.

Вопросы к теме:

1. Какую роль играет конь в эпосе «Манас»?
2. Расскажите о роли скачек в эпизоде «Поминки по Кёкётёю».
3. Какую роль играл конь в жизни кочевников?
4. Параллельность образа коня и богатыря в эпосе.
5. Знаменитый скакун Бокмуруна.
7. Какие постоянные поэтические эпитеты встречаются в эпосе «Манас» по отношению к образу коня?
8. Сохранение архаических элементов образа коня.
9. Какое значение имеет масть коня в эпосе «Манас»?

Тема 13. ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ЭПОСЕ «МАНАС»

Уникальность образной системы эпоса «Манас» [1, с. 118] заключается в том, что в ней представлены разнообразные в типологическом отношении женские образы, которые встречаются на протяжении всего сюжета. Такая особенность обусловлена исторической стадильностью развития эпоса. Двигаясь в своем развитии от архаического эпоса к героическому, а от него к историко-героическому эпосу, эпическая канва сюжета сохранила в себе от каждой стадии «типический женский образ», или типологический вид, который был основным и центральным в свою стадильную эпоху. Этот вид не исчезал, как в других эпических памятниках народов мира, а сохранялся, обогащая разнообразие женской образной системы, и служил в свою очередь основой для дальнейшего формирования типологического вида женского образа следующей стадии развития эпоса. Таким образом, на протяжении жизни главного

героя эпоса – богатыря Манаса, его сына Семетея, внука Сейтека одновременно с ними и рядом с ними сосуществуют пять типических женских персонажей, составляющих своеобразную систему женских образов эпоса. Эту систему составляют:

1. Образы **архаических богинь-матерей**, соответствующие центральным женским образам, возникшим на стадии архаической фазы развития эпоса.

2. Образы **волшебных дев**, или **пери**, являвшихся центральными на стадии перехода от архаического к героическому периоду развития эпоса.

3. Образы **богатырских дев**, являвшихся центральными женскими образами на стадии героической фазы в развитии эпоса.

4. Образы **женщин-богатырш**, получившие свое оформление на переходной стадии от героического к историко-героическому эпосу.

5. Образы **«земных» женщин**, ставшими центральными образами последней стадии развития эпоса – его историко-героической фазы, в которой эпос законсервировал свой сюжет и стал памятником традиционной культуры нашего народа.

Еще одна уникальная особенность эпоса заключается, на наш взгляд, в том, что в создании совершенного образа женщины средствами героической эпической стилистики кыргызское сказание «Манас» не имеет себе аналогов в мировой эпике. Опираясь на последние достижения гендерных исследований [2, с. 19–21], в которых ученые выявили гендерные стереотипы поведения женщины, отвечающие прогрессивным поведенческим чертам и характеристикам для нашего современного мира, мы увидели, что в главном образе женщины эпоса «Манас» Каныкей заложены все качества идеальной женщины нашей современности. В образе Каныкей, чья биография жизни проходит через всю повествовательную канву трех частей эпоса, (что свидетельствует о том, что она центральная героиня всей трилогии, и что значение женщины высоко ставится в обществе) творческий гений народа воплотил свое представление об идеале женщины, отвечающей потребностям не только прошлых эпох, но и запросам будущих поколений. Такова сила художественного слова и символической образной пластики кочевого кыргызского таланта великих сказителей прошлого. Манасчи запечатлели на будущие века свою святую «Богоматерь», свою «Мадонну», навсегда воспев прекрасные черты женственности и нежности,

преданности и веры, терпения и стойкости, заботы и милосердия, щедрости и добра, надежды и любви, воспитателя и мудреца, оплота семейного очага и всего кыргызского народа.

Обзор женских образов эпоса мы начинаем с самых древних типов сложившейся образной системы – с **образов богинь-матерей**, формирование и расцвет которых приходится на самую раннюю эпоху бытования кыргызского эпоса. Их яркая мифологическая сущность – с одной стороны, свидетельство древних языческо-шаманских, домусульманских верований и представлений, восходящих в своей основе к матриархальным богиням-прародительницам. С другой стороны – подтверждение научной концепции, ставшей уже аксиомой, что на ранних этапах эпос в своем становлении черпал образные возможности из мифологии.

Оставшиеся еще в зооморфной версии образы матерей-богинь Ак-Марал (букв.: Святая Лосиха) и Ак-Бугу (букв.: Святая Олениха) и образ антропоморфной богини Умай-эне (букв.: бабушка, мать Умай), присутствуя в канве историко-героического эпоса, проявляют свои священные действия, несколько не нарушая гармонии реалистической жизни главных героев.

Основные функции их – покровительство рождению человека и его росту, его делам и семье, основание рода и покровительство роду, племени.

В эпосе богини появляются в самые критические, сложные моменты жизни главных героев, например, когда Каныкей, чтобы спасти жизнь своему сыну Семетею после гибели и похорон Манаса, убегает в Бухару, к своему отцу. Бродя по безлюдным лесам в поисках пищи и дороги, скрываясь от преследователей, она встречает священное дерево Байтерек (еще один мифологический образ-покровитель), проводит ночь в мольбах и нечаянно засыпает под его кронами. Проснувшись, она не обнаруживает ребенка и пускается на поиски сына. Убитой горем и уставшей Каныкей удастся найти следы на земле и вскоре ее взору открывается необычная картина:

Баягы чет алдыңкы белестен
Алтын мүйүз Ак-Марал
Тура тартып баланы
Эмизип турган көрүнөт.
Бир эмчегин эмгиче,
Бир эмчеги маралдын

Ийип турган кези экен.
Эне кылып маралды
Билип турган кези экен...
Элдеп-селдеп эмчегин,
Эне кылып маралды
Соруп турган кези экен.

*У ближайшего отрога
Стояла золоторогая Ак Марал.
Притянув к себе поудобней ребенка,
Кормила его своим молоком.
Оказывается в этот миг
Он матерью своею ее считал.
Пока он вытягивает из одной груди,
Другая грудь марал наготове уже.
Нежно к ним прикасаясь,
За мать свою принимая,
Оказывается в этот миг
Он пил молоко из ее груди.*

Покровительство богини Ак-Марал Семетею эпос поясняет слушателям через размышления Каныкей, видящей в этом добрый знак в достижении своих заветных целей:

Бузбайынчы пейилимди,
Бекитейин белимди,
Таласка бойлой конот го,
Өмүрлүү болсо кулунум
Ушул атасынча болот го,
Жолумду кудай жолдойт го,
Бу кырк чилтен кызыр пирлери,
Марал болуп кубулуп
Балама эне болгон го?
Өчкөн отум тамызып
Бата берип жаткан го?

*Силы свои укреплю-ка я,
Душу свою успокою-ка я,
В Талас вернется, видимо, он,
Если суждено моему жеребенку долго жить,
Будет отцу моему подобен, видимо, он...*

*Наверное, бог поможет осилить дорогу мне...
Это «сорок чилтенов и святых пиров»
В облике священной Марал,
Матерью ставшей ему, знать дают о себе?
Разжигая потухший очаг мой,
Наверное, благословенье свое посылают мне?*

Семантика молока древней богини Ак-Марал имеет сакральное значение, как и у многих кочевых народов Азии: отведавшие его, становятся истинными богатырями, приобретают жизненную силу, способствующую выполнению предначертания своей судьбы. Аналогов такого прочтения мы можем найти во множестве в эпосах народов Алтая, Хакасии, Якутии.

Один из вариантов мифа о богинях-покровительницах и родоначальниках племени использует в повести «Белый пароход» Ч. Айтматов: богиня Ак-Бугу спасает двух детей, кормит своим молоком и доставляет их от реки Энесай (Енисей) до берегов Иссык-Куля, где они основывают новый род.

В сюжете эпоса «Манас» богиня-покровительница Ак-Бугу появляется также в истории Алмамбета. Покинувший родные земли Китая и блуждающий по свету одинокий и страдающий от своего одиночества странник Алмамбет неожиданно обретет молчаливого проводника – священное животное Ак-Бугу, которое погонит богатыря к землям хана Кёкчё, где произойдет знаменательное в его жизни событие – он узнает о Манасе.

Вместе с тем, поступки уже лишенных дара человеческой речи Ак-Марал и Ак-Бугу раскрываются теперь через сознание действующих героев и героинь, к которым были направлены их помыслы, и которые умеют разгадать их вмешательство (к Каныкей, Семетею, Манасу, Алмамбету) или же через сознание сказителя и его слушателей, подготовленных к процессу восприятия эпоса). Таким образом, сами архаические богини-матери и характер их покровительства стали символами, означающими избранность героев и их жизненного пути.

В варианте С. Орозбакова при описании рождения Манаса гиперболически изображаются трудные роды его матери Чыйырды, так как на свет должен появиться необычный ребенок – будущий богатырь. В момент родов появляется Умай-эне. Она разговаривает с ребенком, находящимся еще в утробе:

«Ак амири, чык, – деди,
Айтканымды ук» – деди.
Анда бала муну айтат:
«Ыгы менен айда, – деп,
Ырыскым менин кайда?» – деп.
Уруп кирди Умайың,
Ур деген улук кудайым.

Сказала Умай: «Предначертанье бога – выходи,»
Сказала: «Слушайся меня».
Тогда младенец отвечает:
«Понапрасну меня не бей –
Где же счастливая доля моя?»
Умай стала шлепками выталкивать его.
Гнать младенца на свет – божья воля.

Этот краткий диалог характеризует Умай как всезнающую богиню, упрямую и настойчивую, знающую свою миссию, которая заключается в покровительстве человеку, его судьбе, его рождению.

Обычно говорят об Умай-эне как покровительнице женщин при родах. Но память о ней, как о верховной матери-богине, покровительствующей взрослым воинам – участникам удачного военного похода – хранит для нас текст каменных стел исторического литературного эпического памятника в честь Тоньюкука: «Небо (Теңир), (богиня) Умай, священная Родина (земля-вода) – вот они, надо думать, даровали нам победу» [3, с. 68].

В поверьях тюркоязычных народов Сибири об Умай рассказывается как о матери, в молоке которой хранится «кут», некая субстанция жизненной силы, или иначе – личинка с душой будущего человека. Шаман окропляет молоком из этой чаши или же дает испить женщине, желающей родить. Только во власти Умай дать воскреснуть этой силе через плоть новорожденного, вернуться к жизни.

Молоко – один из обязательных священных атрибутов, с помощью которого оживляют погибших богатырей, окропляя им, небесные девы или пери тюрко-монгольских эпосов. Отголоском таких представлений и несомненных мифологических корней образа Каныйкей, исходящих от образов богинь-матерей как Ак-Бугу, Ак-Марал, Умай-эне являются сюжетные мотивы оживления

Каныкей во второй части эпоса – «Семетее» – уже взрослого сына, обретшего родину, но предательски убитого во время обычая жертвоприношения на могиле отца и потом исчезнувшего на целых двенадцать лет (благодаря деве Кокмончок, превратившего его в «кайыпа» – невидимого людским глазам призрака) с помощью своего грудного молока.

Сам призрак-Семетей сообщает о возможности такого исцеления:

Кайран энем Каныкей,
Карыя энем бар бекен?
Ошол энем бар болуп,
Эмчек ээмип уктасам,
Энекем шордуу жытынан
Күнү-түнү жыттасам,
Көз-кулагым ачылат,
Ооруган жерим басылат,
Жанымдан ызгырчу качып чачылат.

*Бесподобная моя мать Каныкей,
Жива ли почтенная моя мать?
Если жива, то хотел бы я
Молока испить из ее груди.
Запахом моей матери горемычной
Днем и ночью хотел бы дышать я.
Тогда лишь глаза и уши мои откроются,
Болезни тела моего все скроются,
Из души рассеется волшебство.*

Испив из груди своей матери молока, призрак-Семетей вновь становится прежним человеком, не потерявшим своих богатырских качеств.

В образе Каныкей сохранился древний мотив-обряд побратимства богатырей, который тоже происходит с помощью грудного материнского молока. Как некогда Чыйырды освятила своим молоком побратимство богатырей Манаса и Алмамбета, так и Каныкей освящает своим материнским молоком побратимство Семетей с Кульчоро, а также с Канчоро, распознав в последнем будущего предателя и заранее предупреждая своего сына об этом. Ведь вместо молока вышла кровь из груди Каныкей, когда Канчоро прикоснулся к ее груди во время обряда.

Прозорливость Каныкей в самый экстремальный момент ее состояния, напряжения всех душевных сил – во время скачек коня Тайтору получает в варианте сказителя С. Каралаева неожиданную, чудесную в прямом смысле этого слова мотивировку:

Кайран энең Каныкей
Касиетүү жан эле,
Үнү угулат, өзү жок,
Жеңекеңдин ийнинде
Жылаңач бала бар эле.
Тозок менен күйүттү
Угузуп турган ал эле.
Кулактан кармап кабарлап,
Ошо кезде баласы
Айтып берди шыбырап...

*Бесподобная мать ваша Каныкей
Слыла святою женщиной,
На плече ее всегда
Сидит голый ребенок.
Только голос его слышен,
Но сам он невидим.
О бедах и опасностях сообщает всегда.
Схватив ее за ухо и щекоча,
В этот миг ребенок шепча,
Поведал о том,
Что там произошло...*

Этот голый ребенок-кайып предупреждает ее о том, что брат Исмаил, рассерженный тем, что сестра осмелилась выставить коня на скачки, вызвав тем самым пересуды городских жителей и гостей (мусульман), приказал Семетею (которому он заменял отца, а тот не ведал еще об истинных своих родителях) помешать коню Тайтору прийти первым и убить свою сестру Каныкей.

В варианте эпоса «Манас» сказителя М. Мусулманкулова встречается эпический топоним с очень интересной семантикой – Жыланач Бугу (букв.: «Голый Олень») – так называлась гора. Именно к этой горе несут кайыпы-покровители смертельно раненного Манаса, воскрешают и обратно доставляют к людям. Название горы явно свидетельствует о связи с образом тотемного

покровителя – матерью Ак-Бугу, а эпитет подчеркивает обнаженность самой природы. Обнаженный ребенок, то есть чистый и первозданный как сама божественная природа, на плече богини – это осколок архаического мифа, несущий нам переживания древних людей о матерях природы, сохранился в образе Каныкей, еще раз подчеркивая ее мифологические праобразы. Так, Е. Вардиман [4, с. 212] пишет, что «в древнейших очагах цивилизации на земле археологи находили изображения женских идолов вместе с младенцем».

Если отвлечемся от текста, то вспомним упрямо повторяемые художниками Возрождения образы библейской Богородицы (Мадонны) с младенцем в руках, графику современных художников, то, вероятно, перед нами эта картинка из «Манаса» – осколок наиболее древнего архетипического образа матери-богини с ребенком, переданный с помощью пластики словесного искусства.

И если характер покровительства богинь-матерей из эпосов народов Сибири более обширен, выражаясь непосредственным участием в деле воспитания будущего богатыря, наречении его истинным именем, в приготовлении и дарении ему боевой одежды, коня, волшебного меча, напутствиях перед дальним походом, спасении его от смерти, – то все эти функции в кыргызском эпосе «Манас» давно перешли к образам жен и матерей героев, к другим персонажам, трансформировавшись с течением длительного развития эпоса до более реалистических мотивировок их осуществления.

Все эти сюжетные мотивы, связанные с молоком, умение взглядом распознать врага и взглядом обезвредить его, истоки мудрости и дальновидности, умение предсказать будущее – в образе Каныкей восходят своими корнями к материнским образам богинь, которые послужили типологической прасновой для ее становления в человеческой материнской ипостаси. Таков образный стиль мышления эпоса, его символический язык, который требует особого прочтения и расшифровки. Не случайно, характер покровительства матерей-богинь Ак-Марал, Ак-Бугу, Умай-эне носит в эпосе символическое содержание и раскрывается местами опосредованно – через размышления других героев, умеющих распознать этот символический знак; или же – через сознание сказителя и его слушателей, живших тогда еще патриархальными устоями, знавших хорошо свои народные мифы, поверья, и потому в процессе восприятия эпоса, видевших

обоснованность и главное – их уместность в развитии сюжетного действия.

Второй типологический ряд женской образной системы эпоса – **образы волшебных дев**. Они представлены такими героинями как пери Кокмончок, остающейся в эпосе вечной девой; пери Арууке, подруги Каныкей (в варианте сказителя С. Орозбакова), выходящей замуж за Алмамбета. Сюда же мы причисляем менее разработанные образы волшебниц и «аяр» (колдуний) в сказочно-героических сюжетах о богатыре Кошое и его супругах (по варианту С. Орозбакова). В южных вариантах эпоса «Манас» в типаже волшебной девы был решен образ Накылай. Центральным женским образом, ярко воплотившим признаки типажа волшебной девы, является образ Айчурек, предначертанной невесты и жены богатыря Семетея (вариант С. Каралаева).

Основные мотивы волшебных дев – божественное происхождение, связь их с духами-кайыпами, «чудесные» или волшебные свойства, которыми они способны осуществлять покровительство и помощь героям – свидетельствуют о мифологических истоках и оформлении их в архаико-героическую фазу развития эпоса. Анализ мотивов подтверждает ярко выраженную природу данного типажа, основой для которой послужили исторически предшествующие им образы богинь-матерей архаического эпоса.

Самым ярким отличительным признаком типа волшебной девы является их божественное происхождение. Невеста Алмамбета Арууке по варианту С. Орозбакова показана нам как дочь покровителя всех животных и птиц кайыпа Байына, которая по своему желанию присоединилась в детстве к Каныкей и росла вместе с ней и ее подругами, лишь изредка исчезая, становясь незримой. О происхождении Айчурек сказители сообщают, что она была найдена ее отцом Акунханом, бывшим тогда бездетным и охотившимся в горах – «в местечке, где обычно проводят время пери». Он нашел плачущий сверток и принес домой жене, с радостью удочерив и вырастив ее. Первое, что бросилось в глаза Акунхану – ее красота:

Тийген айдай сулуусу,
Жаш төрөлгөн кыз таптым,
Тоюна токсон сойгомун.
Артык сулуу экен деп,

Атын Чүрөк койгомун.

*Словно взошедшей луны красотой,
Недавно рожденную девочку я нашел.
На той зарезал девяносто голов скота,
Видя, что красоты несравненной она,
Именем Чурек я ее нарек.*

Имена волшебных дев подчеркивают их божественные, тотемистические истоки. Пери Кокмончок – «Голубая пуговка», цвета неба; Арууке – «прозрачно-чистая», как вода горного ручейка или озера; Айчурек – «Лунная уточка», словно белая лебедь. Свои зооморфные божественные корни происхождения наиболее отчетливо сохранил образ Айчурек:

Акундун кызы Айчүрөк
Ааламга салат чоң дүмөк,
Аккуу болуп алганда,
Учканын жума түн билет
Балекеттүү Чүрөктүн
Кайда экенин ким билет!

*Дочь Акуна Айчурек,
На весь мир способна нагнать раздоры.
Когда обернется белой лебедью,
О полетах ее ведает только пятничная ночь,
Кто знает, где может быть тогда бедовая Чурек! –*

изумляется сказитель. По варианту С. Каралаева Айчурек изображается бесконечно преданной своим родителям (как, впрочем, все героини, достигшие возраста невесты) и в трудные моменты использует свое магическое волшебство, чтобы спасти свободу отца от напавших на Ургенч непрошенных врагов – богатырей Чынкожо и Толтоя. Все возможности использует она, чтобы найти защитника – превращается в белую лебедь и с высоты оценивает разных богатырей, пока не встретит, наконец, Семетея, своего нареченного жениха (по обряду «бешик-куда», то есть в младенческом возрасте их отцы успели сговориться). Сначала она просит содействия и помощи у первой жены Семетея – Чачыкей, но не найдя у нее поддержки, она вновь использует свое магическое волшебство, превращаясь то в

перышко, нужное для починки боевой шапки богатыря, то в камень, то в лебедь, которая уведет охотничьего кречета Семетея. Лишь тогда он узнает через своих друзей, кто это был на самом деле, и отправится не только спасать, но и жениться. Чтобы жених быстрее добрался в ее края, она, опять же силой своего магического волшебства, поворачивает потоки реки в другую сторону, укрощает бурные реки до мелкого арыка. А чтобы Семетею с Кульчоро было с трудной дороги легче справиться с врагами, она отгоняет сон, заставляя шататься по лесу всю ночь богатырей-врагов.

Нельзя не остановиться на развернутом портрете Айчурек, когда она решила предстать перед взором жениха. Разумеется, сказители вложили в этот яркий, отражающий силу света и блеска, портрет все свое восхищение и любовь, используя традиционные формулы и клише, но при этом, стараясь придать героине черты индивидуальности:

Ал кыздардын ичинен
Ай тийгендей жаркылдап,
Акундун кызы Чүрөгү,
Басып чыкты бөлүнүп.
Басса бети жаркылдап,
Алтындан кылган тумарча
Акыректе шаркылдап,
Жалт деп карай салганда
Адамдын көөнү бөлүнүп.
Мээлеп турса мелтиреп,
Перизаттай көрүнүп.
Жылмая басып жаркылдап,
Алтымыш ачкыч, кырк седеп
Алкымында жаркылдап.
Жыпар күңкүп, жез бурап,
Жылмайып көңүл бөлүнүп,
Көк сүлөөсүн кундуз бөрк
Акундун кызы Бейбактын
Чекесинде көрүнүп.
Эпсиз сулуу жеңендин
Шекерден таттуу сөзү бар.
Эсинен кеткен көргөн жан.
Эрдинин үстү жагында
Түйрүгүрөөк жери бар.

Бул түгөнгөн Чүрөктүн
Кай жеринде кеми бар?

*Айчурек – Акунхана прекрасная дочь,
Словно луна, озарившая ночь.
Из круга подруг случайно отстала
И взорам нашим сама предстала.
От движений у ней возгорается лик,
Золотой тумарча на груди звенит.
Взгляд ее так сверкающе светел,
Что в пору забыть обо всем на свете.
Если задумавшись, важно молчит она –
То словно сущая пери она.
С улыбкою ясной ступает она –
А ожерелий и ключиков по шестьдесят
На предплечьях ее блещут.
Душистым мускусом благоухая,
То трепетно, то нежно улыбаясь,
Богатой шапкой лоб свой прикрывая,
Предстала дочь Акуна перед нами.
У этой невиданной красоты невестки
Слаще сахара есть слова,
Что сводят они человека с ума.
Над верхней губою есть ямочка одна.
У этой невиданной плутовки,
Вдумайтесь в мои слова –
Ни один изъян не нашла молва.*

Эмоции удивления, восхищения и почтительного преклонения выражены в словах сказителя, когда он описывает нам портреты волшебных пери-красавиц, чудесные поступки и поведение:

Ал Айчүрөк катындын
Акылы артык капырдын,
Эрдинде меңи бар,
Тилиңде сөөлү бар.
Караганды оң кылбайт,
Тиктегени тим өлгөн,
Каргаса ката кетпеген.
Чындап каргап ийгени –
Жети күндөн өтпөгөн,

Чын балакет Айчүрөк

*Эта женщина по имени Айчурек
Разумом богатая плутовка.
У нее родимое пятно на верхней губе,
У нее родинка на языке.
Если посмотрит на кого-то недобрым взглядом,
Того постигнет тяжкая участь.
Если в сердцах проклянет кого-то –
Не прожить ему более семи дней.
Вот какова эта злодейка Айчурек.*

Их строптивый нрав, упрямство в достижении своих целей, зловредность (если с ними бывают грубы, несправедливы) и магические качества (превращаться в птицу, перышко, камень; укрощать бурный поток реки; менять погоду – летом создать зимнюю стужу и наоборот и т.д.) вызывают одобрение сказителя, если они направлены на добрые дела, помогающие любимым героям. Если их волшебство вредит хорошим героям эпоса, то, естественно, в речи сказителя звучит неподдельная досада. Словом, он не может оставаться отстраненным или спокойно-равнодушным к таким героиням, как Айчурек. Однажды Семетей ударил Айчурек, когда она пыталась предупредить его об опасности, не пускала на могилу отца. Обидевшись, Айчурек не сдержалась и прокляла мужа:

Барганыңдан келбечи,
Базар үйүң көрбөчү,
Кеткениңден келбей кал,
Ичимде алты ай күмөн бар,
Күмөнүңдү көрбөчү!

*Да не вернуться тебе обратно,
Да не увидать вновь тебе свой полный дом,
Да не вернуться тебе обратно,
Да не увидать тебе свой плод,
Что уже шесть месяцев вынашиваю я в утробе!*

Понадобится вмешательство мудрой Каныкей, чтобы Айчурек забрала назад свое проклятие. Тогда волшебная дева выходит на простор и произносит слова-заклинания, снимающие проклятие.

От силы ее слов раскалываются надвое огромные камни и валуны. Так гиперболически сказитель изображает мощь магических свойств пери Айчурек, дочери Акунхана.

И все же гибель Семетея будет предрешена в этот раз, но проклятием другой женщины – матери богатыря Уметея – Ак Эркеч, которая мстит Семетею за гибель единственного сына. В порыве своего материнского горя она безжалостно замучает коня Семетея, присланного им в качестве повинной. Конь богатыря в тюрко-монгольском эпосе, как пишет Р.С. Липец [5, с.130], является одним из атрибутов магической неуязвимости героя. Гибель коня предвещает скорую смерть самого богатыря. Рассмотренный нами эпизод свидетельствует о глубоких корнях женских образов, несущих отелные мифологические мотивы богинь-матерей архаического эпоса.

Птичий облик Айчурек, или Караберк (в варианте М. Чокморова), умение превращаться в животных, рыб – все это остатки мифологических представлений о божествах природы, древнетюркских верований язычества, которые в эпосе стали образными чертами волшебных дев, создавая особый, таинственный колорит эпосу, вселяя в слушателей ощущение чуда, загадочности и непредсказуемости человеческой жизни на земле:

Төлөмүштө кыз бар, – дейт,
Карга болуп какылдап,
Эки колун жерге уруп,
Канаттуу болуп кетет – дейт.
Балык болуп жылтылдап,
Сууга кирип кетет – дейт.
Кийик болуп кубулуп,
Зоого кирип кетет – дейт.

*Говорят у Толомуша есть девушка одна:
Обернувшись вороной, по-птичьи кричит она.
Обе руки о землю ударив,
Крылатою став, улетает она.
Говорят, что, обернувшись рыбой,
И блестя чешуей, по воде уплывает она.
Дикой козой обернувшись, говорят,
В недоступные скалы уходит она.*

Образ невесты Манаса в типаже волшебной девы представляют нам варианты южных сказителей. В манасоведении давно не существует сомнения в том, образу Накылай южных вариантов соответствует образ Каныкей северных вариантов [6]. Так, у сказителей Чала Садыкова и Анаргуль Тажибаевой первый раз Манас умирает от стрелы Доштука, посланной магическим проклятием Накылай. Мотив проклятия, направленный на своего мужа, встречается в эпосе только в трактовке образов волшебных дев.

Третий типологический ряд системы женских образов эпоса – **богатырские девы**, знаменующие героическую фазу развития эпоса «Манас». Женских героинь данного типа очень много. Это образ Карабёрк, первой жены Манаса; это образ Сайкал, ставшей женой богатыря после его смерти (в его загробной жизни); образ Кардыгач, родной сестры Манаса; образ Куялы, выходящей замуж за Семетея; образ Акбермет, невесты Сейтека и, наконец, образ Каныкей в первой части трилогии по варианту С. Каралаева.

Большое количество женских персонажей, причисляемых к типу богатырских дев, свидетельствует о неукоснительном следовании сказителей традиционным канонам эпической трактовки женских образов. Но в отличие от ранних форм героического эпоса народов Сибири, русского и западно-европейского эпоса, образы дев-богатырок кыргызского эпоса получили дальнейшую модификацию.

Так, русский эпос [7, с. 127] еще изображает поляниц (в былинах сказители называют этим словом, образованном от слова «поле, девушку-богатырку»), сохраняя архетипический мотив. Она встречается случайно проезжающему мужчине-богатырю в чистом поле, предлагает ему вступить с ней в поединок, чтобы очередной раз доказать себе и окружающим свою богатырскую силу и непобедимость, однако в случае поражения поляница становится женой этого богатыря как военная добыча и при этом обязательно теряет свою былую богатырскую силу.

Уже в тюрко-монгольских эпосах богатырка не просто «тешится своей силой» [8, с. 192], а стремится выручить из плена своих близких, встает на защиту своего рода и племени, воспеваает свою родную землю. Подобное социальное усложнение образов богатырских дев наблюдается и в кыргызском эпосе. Карабёрк после поражения в поединке с Манасом, отказывается стать его женой и обещает убить его. Но как только она узнает, что отец

жив и ради спасения родных и племени она должна стать его женой, то соглашается с таким поворотом своей судьбы. Трактовка образа Карабёрк еще не нарушает каноны архетипического мотива, но сказители подчеркивают ее преданность и верность своему родному племени.

Богатырская дева Сайкал также стоит на защите интересов своего племени. Сказители С. Орозбаков и С. Каралаев по-разному изображают сюжеты с участием Сайкал, но у обоих манасчи она не становится женою богатыря. У С. Орозбакова встреча Манаса и Сайкал на поединке-состязании происходит на поминальном тое в честь Кёкётёй-хана. Исходу состязания мешает переживающий за Манаса Чубак, и старейшины останавливают поединок. Сайкал не побеждена, а значит сохраняет свою свободу и силу. У С. Каралаева Сайкал при первой встрече выиграла сражение с Манасом, ему пришлось спасаться бегством. Только при второй встрече, после того как Каныкей привела располневшего мужа в надлежащую боевую форму, он побеждает Сайкал. Но она отказывается стать его женой, объясняя, что боится проклятия Каныкей. За свою свободу Сайкал обещает ему стать женой в его загробной жизни. Такая модификация архетипического мотива богатырской девы несколько видоизменена сказителями в связи с утверждением новых форм брака (не насильственного, не вынужденного дипломатическими соображениями, а по мирному свободному договору, которая будет связана с образом Каныкей).

Наибольшее завершение в проявлении покровительства богатырю-мужчине с помощью богатырской силы, борьбы и участия в военных походах получил образ Куялы, которую сказитель наделяет следующей характеристикой при выходе на майдан:

Ар мүчөсүн карасаң
Адыр-кудур быткылдай.
Алышса жанды жуткудай.
Чагылгандай чартылдап,
Бийлеп турган пенденин
Эт жүрөгү калтылдап.
Чамынары жолборстой,
Чамасы бөлөк эр чиркин,
Чалганы аман болбостой.

*Если посмотрите вы на каждую часть ее тела –
То подобны они огромным буграм, ямам и впадинам.
Если сразится с кем, похоже, душу тому проглотит.
Словно молния сверкает она и грохочет как гром,
У бедняги, собравшемся с ней сразиться –
Сердце от страха начинает дрожать.
В погоне подобна свирепому тигру она,
Сила ее необъятна, будь неладна она,
Если ударит кого, то живым не отпустит она.*

По варианту С. Каралаева Куялы появляется в сюжете «Сейтека», когда Айчурек, видя, что Семетей, Кульчоро и еще маленький Сейтек устали и не могут одолеть великана Сарыбая, просит свою подругу прийти на помощь. Но Куялы требует, чтобы сначала Семетей женился на ней. Айчурек легко соглашается. Изображается свадьба и после окончания пиршеств Куялы сражается и побеждает Сарыбая. Здесь мы наблюдаем полную трансформацию архетипического мотива богатырской девы: после замужества она несколько не теряет своих боевых качеств, наоборот ей это теперь необходимо. Такое изменение было вызвано новым социальным сознанием народа, и сказители следующего поколения понимали, что богатырская дева не может просто идти на кровавый поединок, ей нужно осознание того, что она защищает своих близких, родных, свой народ. Только породнившись с Семетеем, она обретает эту уверенность, что идет сражаться за свои интересы:

Кайнатам айкөл бир үчүн,
Калың кара журт үчүн
Кадырман жаным курмандык
Каарлуга айза уруп
Көргөнү кетип баратам.

*За свекра великодушного, прежде всего
Затем за народ многочисленный
Готова принести себя в жертву я.
С разъяренным врагом на пиках
Попробовать сразиться иду я.*

Образ невесты Манаса Каныкей по варианту С. Каралаева решен также в типаже богатырской девы: до эпизодов сватовства

Каныкей вступает в поединок с богатырем Чубаком, защищая Бухару от порабощения, и побеждает его.

Ургаачы башым эр кылып,
Кыз башымды шер кылып,
Сербендеген куу чачты
Төбөгө кынап түйгөмүн,
Кан ичээр кийимин кийгемин...

*Женскую суть свою мужчине уподобив,
Развевающиеся густые волосы
На затылке собрав, заколола,
В одежды оделась, в которых
Не стыдно крови испить...*

Портретная характеристика Каныкей, ее подготовка к поединку, размышления перед сражением, угрозы противнику перед боем – типичные сюжетные мотивы, идеализирующие образ богатырской девы в тюрко-монгольском эпосе.

Четвертый тип системы женских образов эпоса – это **женщины-богатырки**, представленные такими отрицательными героинями: китайской ханшей Оронгу, достигшей пятидесяти лет и владеющей тридцатью китайскими городами; великаншей Канышай, живущей на подступах к Бейджину, в местечке Ит-Олбес. Их мифологические истоки связаны с образами злых духов («албарсты»), ведьм («Жез Кемпир», «Жез Тырмак»), женщин-чудищ, населявших Нижний мир языческого пантеона древних тюрков. У Оронгу сказитель отмечает: «Көзүн көрсөң, капырай, көп өгөгөн темирдей» (если взглянуть в глаза этой нечестивице, они словно хорошо отточенное железо).

На поминках хана Кёкөтёя устроители праздника дают Оронгу право возглавить торжественный парад прибывших почетных гостей со всего света, тем самым соблюдая древний кочевой этикет, предписывавший уважение к женщине и подчеркивающий ее высокое положение и права. Однако Оронгу недолго ведет себя в рамках почитаемой гостьи, и, как подобает отрицательной героине, соблазнившись дорогими призами, сгорая от алчности, забыв о благопристойности, принимает участие в неприличном состязании «төө чечмей» (букв.: развязывание верблюда), выставляя себя на всеобщее посмешище и презрение. Общим героиням присуще предательство близких, порочность, обман. В

своих портретных характеристиках они имеют много общего с описаниями вражеских богатырей, которые проявляются в карикатурном изображении их силы и алчности, грубости и обжорства, глупости и хвастовства, жестокости и человеконенавистничества. Всевозможные человеческие пороки в образах отрицательных героинь – женщин-богатырок Оронгу и Канышай отражены сказителями эпоса не без умысла. Они говорят о стремлении творцов эпоса полнее отразить человеческую действительность во всем ее многообразии.

И, наконец, обзор типологической системы женских образов эпоса «Манас» мы завершаем пятым типом, названным нами **«земными женщинами»**, подчеркивая этим их главный признак – реалистическое воплощение женского образа. К этому типу мы относим образ Акылай – второй жены Манаса, образ Чыйырды – матери Манаса, и образ Каныкей в четырех своих ипостасях – невесты, жены, матери, бабушки, а вне семьи – «матери народа». Ее образ прошел такой же стадийный путь развития, как и образ центрального героя – богатыря и хана Манаса. Те мифологические мотивы, отмеченные нами ранее в связи с общими истоками, генетическими корнями женских образов, которые обнаружены в трактовке Каныкей, совсем не затмевают ее реалистическое воплощение.

Реально-эпический женский образ Каныкей сложился в последней фазе исторического развития эпоса. Кстати сказать, еще первый исследователь нашего эпоса В. Радлов подметил одно существенное обстоятельство в восприятии слушателей 60-х гг. XIX в. эпических песен «Манаса»: «...киргиз ценит в своих песнях не какой-то чудесный и страшный мир; напротив, он воспекает в них свою собственную жизнь, свои собственные чувства и стремления; те идеалы, которые живут в каждом члене общества. Не колоссальное и не сверхъестественное доставляет наслаждение слушателям, а естественное и истинно существующее» [9, с. 21].

Каныкей-невеста в варианте С. Орозбакова уже отличается от трактовки богатырской девы, еще сохраненной в эпосе С. Каралаева. С. Орозбаков в начале эпизода сватовства Манаса к Каныкей, вкладывает в уста своего героя-жениха назидательную песню в жанре «терме», в которой он дает понять отцу Джакыпу, какую невесту он не желает. Ленность, чванливость, хвастовство, неряшливость, лживость, праздность резко осуждаются в песне Манаса. На фоне этой песни черты невесты Каныкей (до

замужества носившей имя Санирабига), воспеваемые сказителем, особенно выделяются, ярче воспринимаются слушателем:

Санирабига кыз экен,
Сап сулуунун өзү экен,
Жыла сүйлөп, шыңк этип
Акыл толгон кези экен.
Он алты жарым жашы бар,
Өлөңдөй кара чачы бар.
Сары алтындай түймөдөй
Келишкен кара кашы бар...

*Девушка Санирабига есть одна.
Из красавиц лучшая красавица она.
То мягок, то звонок голос ее,
Оказывается ум созрел у нее.
Шестнадцати с половиной достигла она.
С черной длинной косою она.
Словно нанизанные из золота узелки,
Прекрасные брови у ней...*

В невесте оказываются важны обычные свойства женской души, которые всегда ценились в народе:

Аман болсо алганы
Жаман деп киши айтпаган,
Сыйлуу болор киши экен.
Алганынан айрылса –
Кирпиги узун, тунук көз,
Ыйлуу болор киши экен...

*Если жив будет тот, кто ее возьмет,
Видно, не скажет, что она плоха.
Станет уважаемым человеком она.
Если лишится того, кто ее возьмет –
С длинными ресницами, ясными глазами,
Видно, будет жить, оплакивая его вечно...*

Это доброта и сердечность, отзывчивость и сострадательность, аккуратность и чистоплотность, учтивость и

гостеприимство, твердость и воля, честность и мудрость, трудолюбие и творчество. Их можно считать реально-эпическими мотивами образа «земной» невесты богатыря, так как они не встречаются в качестве традиционных для других героинь.

В трактовке образа Каныкей по варианту С. Орозбакова нет даже намеков на ее божественное происхождение (она дочь правителя Кыйбы Каракана), нет способностей «чудесного оживления» богатыря-супруга (в отличие от пери Айчурек, которая была способна спасти Семетея, перешагнув через его тело). Каныкей не раз спасает от смерти мужа, но делает это умелым врачеванием, знанием особых снадобий и целительных трав. Реалистически мотивируется ее способность предвидеть предстоящие события, особенно предвещающие беду – при помощи разгадки виденных ею снов. Сны, как утверждают современные психоаналитические теории, в древности не считались явлением сверхъестественным. «Для людей прошлого, живших в развитых цивилизациях Востока и Запада... неспособность понимать сны приравнивалась к неграмотности», – пишет Э. Фромм [10, с. 183].

Наиболее яркая черта героини – мудрость – мотивируется в эпосе долгим обучением и воспитанием в стенах городского медресе Кыйбы, где она в течение шести лет со своими подругами постигала накопленный человечеством опыт и знания.

Не волшебством добытые вещи дарит Каныкей богатырям, как это делали богини-матери архаического эпоса, а сшитые своими руками, в которые она вкладывает творческую фантазию. Такими были кандагаи, сшитые с секретом и доставшиеся в подарок Кошою. Богатырскую одежду Манаса она сшила так, что они надежно защищали его от вражеских стрел. Благодаря вполне земному искусству творить удобные и красивые вещи, которые богатыри получают перед дальним походом на Бейджин, Каныкей удостоивается высокой похвалы и признательности от всего народа.

В отличие от других героинь в трактовке сказителей Каныкей поднимается до социальных оценок происходящих событий. Не случайно в ее устах впервые в эпосе прямо и открыто звучит призыв к единению и защите «многочисленного», «сорокаплеменного» кыргызского народа, когда он переживает самый драматический момент своей жизни – момент гибели и ритуального прощания со своим вождем.

Реально-эпические мотивы в образе Каныкей – матери Семетея, разворачивает эпос в изложении С. Каралаева. Описание тех страданий, которые выпали на долю гонимой вдовы с ребенком на руках и состарившейся свекровью – спасение от врагов, голод и холод, разбитые от пешей ходьбы ноги, исчезновение грудного молока, ночлеги под открытым небом, отсутствие теплой одежды и пищи ярко подчеркивают человеческую сущность и беззащитность героини перед лицом испытаний.

Азыкка ичээр чайым жок,
Жетимим менен энекем
Мингизип кетер тайым жок.
Же болбосо курган жан
Алып качар шайым жок
Сүйлөөгө келет кайран тил,
Үстүмө түштү каран күн...

*Моему сиротке и матери
Голод утолить даже чая нет.
Моего сиротку и матушку
Далеко увезти – коня нет.
Да простит бог пропащую душу мою –
Угнать коня – силы нет.
Говорить лишь способен язык у меня,
Опустились черные дни на меня...*

Только твердость духа и терпение помогают выстоять и спасти жизнь будущего богатыря.

Идеализация материнских чувств Каныкей, сила ее любви к сыну, доведена до вершины эпического драматизма разработкой сюжетных мотивов более реалистического содержания в эпизодах «Бегство Каныкей в Бухару», «Скачки коня Тайторуу», «Сказ-воспоминание Каныкей» во второй части монументальной трилогии «Семетей».

Печальные монологи о неразделенной материнской любви к сыну (в Бухаре, в целях безопасности сына, она отдает его на воспитание своему брату Исмаилу):

Кызгалдак деген кайран куш
Кайрылбаган талаадан.

Ат чабам деп желигип,
Ажалдан мурун өлөмбү
Кардымдан чыккан баламдан!

*Одичавшая рано прекрасная птица
Не вернулась еще с далекого поля.
Отважившись выступить в скачках,
Неужели суждено умереть до срока мне
От руки дитя, рожденного мною...*

которые излагаются в форме народных песен-«арманов», постоянные ее переживания за свои дела, связанные с выполнением заветов Манаса, создают необыкновенно лиричный, наполненный психологизмом и жизненностью, приближенный к литературной трагедии образ женщины-матери, полный глубокого реализма.

Через тему матери и ребенка поднимается до высот всенародного признания в эпосе образ Каныкей. Вырастив сына вдалеке от родины, она сумела передать ему чувство любви к своей земле и к своему народу, без которых немислимо представить себе его будущего защитника и идеального вождя.

Песня Каныкей о таласской земле, которую она поет Семетею, в свое время П. Берков [11, с. 192] оценил как «вдохновенный и восторженный гимн кыргызской родине, достойной встать вровень с величайшими в мировой литературе изображениями родного края». Чувство любви к родине было выстрадано героиней, оставшейся верной заветам Манаса и сумевшей найти в себе силы преодолеть все трудности. Сказители в лице Каныкей воспевают женщину-мать, чей материнский и общественный долг обрел гармоничное единство и был навеки отшлифован в лаконичную и емкую эпическую формулу – «Калк энеси Каныкей» (Мать народа Каныкей).

Литература

1. Бекмухамедова Н.Х. Эволюция женских образов эпоса «Манас». Бишкек: Эркин Тоо, 1997.
2. Кыдырмышев Б.Т., Кыдырмышева Б.Н. Основы гендерных знаний. Ош: Ковчег, 2006.
3. Малов С. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

4. *Вардиман Е.* Женщина в древнем мире. М.: Наука, 1990.
5. *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1979.
6. *Кыдырбаева Р.З.* Генезис эпоса «Манас». Фрунзе: Илим, 1980.
7. *Буслаев В.* Русский героический эпос. М.: Наука, 1990.
8. *Липец Р.С.* Стадиальная изменчивость образа богатырки в тюрко-монгольском эпосе / Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1987. М.: АН СССР, 1987.
9. *Радлов В.* Предисловие // «Манас» – героический эпос киргизского народа. Фрунзе: Илим, 1968.
10. *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992.
11. *Берков П.И.* Идея родины в «Манасе» // «Манас» – героический эпос киргизского народа. Фрунзе: Илим, 1968.

Вопросы к теме:

1. Какие типы женских образов, по мнению исследователей, составляют систему женских образов эпоса «Манас»?
2. Кто центральная героиня эпоса и каково ее значение в свете гендерных представлений?
3. Какие образы древних богинь-матерей встречаются в эпосе «Манас» и в чем заключается их роль в сюжете эпоса?
4. Какой главный отличительный признак типа «земных женщин» и какие образы к ним относятся?
5. Какие черты характера образа Каныкей являются реально-эпическими мотивами образа «земной» невесты богатыря?
6. Как воплощена тема матери и ребенка и в каких эпизодах сказителей эпоса она отражена?

Тема 14. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЗМА ЭПОСА "МАНАС"

К числу наиболее сложных, но и самых значительных проблем манасоведения относится проблема историзма эпоса "Манас", которая привлекала исследователей с самого начала изучения этого уникального эпоса.

Дебаты об эпическом историзме, то обостряясь, то умолкая на время, продолжаются и в наши дни. Так, в преддверии 1000-летнего юбилея эпоса «Манас», в периодической печати республики появилось много разноречивых, порой диаметрально

противоположных мнений относительно времени возникновения эпоса, относительно его историзма и значения в духовной жизни кыргызов. Анализируя труды современных авторов, можно констатировать, что методика исследования историзма эпоса «Манас» еще не до конца разработана. Все еще имеют место попытки прямого сведения некоторых мотивов эпического произведения к известным историческим событиям. Но ведь эпос «Манас» – не летопись, где сохранены реальные черты исторических фактов и событий. Это, прежде всего, художественно-поэтическое произведение, в котором историческая жизнь народа отражена в широких художественных обобщениях, где факты и явления исторической и социальной жизни осмысливаются в плане поэтического обобщения всего типического и характерного, что было в жизни народа на протяжении многих веков.

Понимая, насколько велика роль песни для кочевника, еще в 60-х г. XIX в. академик В.В. Радлов писал: "...киргиз ценит в своих песнях не какой-то чудесный и страшный, сказочный мир, напротив, он воспекает в них свою собственную жизнь, свои собственные чувства и стремления, те идеалы, которые живут в каждом отдельном члене общества. Не колоссальное и не сверхъестественное доставляет наслаждение слушателям, а естественное и истинно существующее. Несмотря на чудесные и отчасти невероятные приключения, богатыри этих песен являются настоящими людьми, одаренными великими качествами и в то же время людскими слабостями и недостатками. Преувеличенное и сверхъестественное служит только украшением набросков жизни, отвлекает своим резким освещением слушателя от суровой действительности и делает его способным к восприятию поэтических описаний" [1, с. 21]. Отмечая в эпосе намеки на страшные войны, разразившиеся над кыргызами столетием раньше, В.В. Радлов говорит: "Несмотря на это, главный герой Манас и Джолой, участвующие в этих сражениях, вовсе не исторические личности, а просто мифические фигуры, существующие в народе уже с незапамятных времен. Исторические события слились с древними преданиями и создали новые изображения фантазий, в которых воспоминания об испытанном в действительности служат только украшением и дополнением к прежним преданиям" [1, с. 24].

В 40-х гг. прошлого столетия горячие споры вызвала гипотеза профессора А.Н. Бернштама, согласно которой образ Манаса возводится к историческому прототипу. А.Н. Бернштам предполагал возникновение древнейших частей эпоса "Манас" в IX в., считая прообразом Манаса выдающегося вождя кыргызов Яглакар-хана, возглавлявшего борьбу кыргызов с уйгурами в 820–840 гг. и упомянутого в древнекыргызской надписи. Имя Манаса А.Н. Бернштам выводит из манихейского "манис".

Задаваясь вопросом, какие же исторические события отражены в эпосе "Манас"? А.Н. Бернштам делит их на три группы, которые называет по направлению походов Манаса, (исключая "Великий поход"). К первой группе он относит сибирско-монгольские походы (включая Алтай). К этой же группе относятся сюжеты переселения кыргызов с Алтая на Тянь-Шань; вторую группу составляют среднеазиатские походы, и третья, по мнению ученого, "наиболее исторически четкая группа походов – это походы в Восточный Туркестан... Большое количество имен, относительная точность в описаниях, подробные географические указания свидетельствуют о большом историческом вероятии рассказываемых событий" [2, с. 162]. В этих эпизодах в основном охарактеризована калмыко-китайская опасность, т.е. период борьбы XVII–XVIII вв. и отчасти XIX в.

Исследуя эпос "Манас" А.Н. Бернштам приходит к выводу, что в нем ярко вырисовываются две категории фактов – основные периоды политического подъема кыргызского народа в борьбе за независимость в VIII–IX и XVII–XIX вв.

Известный казахский ученый и писатель М.О. Ауэзов высказал версию о первоначальном зарождении эпоса в соотношении с событиями IX в., когда кыргызы одержали победу над сильным уйгурским царством. В работе "Киргизская народная героическая поэма "Манас" он писал: "Киргизы под предводительством Манаса совершают поход против сильного восточного государства, в пределах которого находился большой укрепленный город Бейджин, отстоявший от центра киргизского государства на протяжении 40-дневного пути (по одному варианту) или 90-дневного пути (по другому варианту). Между тем исторически точно известно, что киргизы покорили огромное уйгурское царство и в 840 г. завладели центральным городом Бей-Тином (в киргизской версии Бейджин и Беджин)" [3, с. 52]. Первая песня эпоса "Манас", по мнению М.О. Ауэзова, была создана или в годы похода на Бей-Тин, или в годы,

непосредственно следующие за ним. "Весьма возможно, – пишет, М.О. Ауэзов, – что имя Манас, имя реальной исторической личности той эпохи, было утеряно письменной историей, изучением которой занимались не сами киргизы, а их отдаленные соседи" [3, с. 52].

М.О. Ауэзов придерживался той точки зрения, согласно которой процесс эпосотворчества шел от песен конкретно-исторического типа, как, якобы, исходного начала, к песням, где конкретика реальной истории вытеснялась и заменялась фантастикой, архаикой. Он пишет: "Никто не предлагает отказываться от определения мифических элементов, если они присутствуют в составе "Манаса". Но не нужно преувеличивать их долю в эпосе, где нет данных, позволяющих относить их к древнейшему, основному слою... Мифические мотивы, как готовые сюжетные схемы, могут обволакивать и более поздние исторические факты" [3, с. 57].

Академик Б.М. Юнусалиев в работе "Киргизский героический эпос "Манас"" объясняет грандиозный размер эпоса рядом обстоятельств и, прежде всего, "своеобразием истории народа". Являясь древнейшим народом Центральной Азии, кыргызы на протяжении всей своей многовековой истории отражали нападения разных завоевателей Азии: киданей (кара-китаев) в конце X в., монгольского нашествия – в XIII в., джунгаров (калмыков) в XVI–XVIII вв. «Под их ударами пали многие государственные объединения и племенные союзы, ими были истреблены целые народы, исчезли со страниц истории их названия. Только сила сопротивления, упорство и героизм спасли киргизов от полного уничтожения. Мужество и героизм стали предметом поклонения, темой воспевания. Отсюда и героический характер киргизских эпических поэм вообще и эпоса "Манас" – в частности», – пишет Б.М. Юнусалиев [4, с. 22]. Центральный батальный эпизод эпоса "Великий поход" на Бейджин, напоминает Б.М. Юнусалиеву победу кыргызов над уйгурами в IX в. с захватом их городов, в том числе и Бей-Тина (или Бейчжена) возвращенных обратно только в конце X в.

События, которые решали судьбу кыргызского народа, хотя и в разной степени, но нашли отражение в эпосе. "Встречающиеся в нем загадочные ныне имена людей, названия городов, стран, народов (племен) и др., неслучайны. Они отражают те или иные события различных этапов истории народа", – отмечает Б.М. Юнусалиев [4, с. 224].

Академик В.М. Жирмунский в своей работе "Введение в изучение "Манаса" опровергает гипотезу, согласно которой "Великий поход" Манаса против китайцев на Бейджин отождествляется с историческим походом кыргызов против уйгуров в 840 г.

"Уйгурская" гипотеза, – пишет В.М. Жирмунский, – не подтверждается фактами. Мы не имеем в "Манасе" никаких указаний на то, что "Великий поход" когда-либо являлся походом против уйгуров. Бейджин в изображении киргизских сказителей – не резиденция давно забытого уйгурского кагана Беш-Балык, а многолюдная, пышная столица великого китайского государства, гегемона Востока, непобедимого благодаря своим неисчерпаемым богатствам и человеческим ресурсам, своей многовековой культуре и тайной волшебной «мудрости» [5, с. 140].

В.М. Жирмунский предполагает, что эпоха героического подъема и расцвета государственного объединения кыргызских племен в IX–X вв. нашла место в творческом сознании народа и в переоформленном виде влилась эпическими песнями в эпос "Манас". Однако последующие столетия бурной исторической жизни кыргызов выдвинули на первый план другую актуальную тему всенародного значения, а именно тему войны с калмыцкими захватчиками. "Исторический фон борьбы киргизов с калмыками, – пишет В.М. Жирмунский, – мог сложиться только в период от начала XV в., когда на развалинах монгольской империи Чингиз-хана образовалось новое могущественное государство ойратов (калмыков), и до середины XVIII в., когда остатки этого государства были уничтожены китайцами (1758). За этот период Семиречье, область Иссык-Куля и Тянь-Шаня и Средняя Азия до Ташкента, Сайрама и Туркестана неоднократно подвергались опустошительным набегам калмыков" [5, с. 142].

В составе кыргызского эпоса "Манас" В.М. Жирмунский различает три основных слоя. К первому слою (VI–XIV вв.), ученый относит древнейший, доисторический слой, который восходит к архаическому типу богатырской сказки со значительным преобладанием сказочно-мифологической фантастики. Второй слой, исторический, по преимуществу связанный с историческим фоном калмыцких войн, датируется XV–XVI вв., и последний, наиболее поздний слой, определивший "мусульманизацию" эпоса, – с XVII по XIX вв.

Профессор Р.З. Кыдырбаева в своем труде "Генезис эпоса "Манас" [6] , посвященном вопросам генезиса, поэтики и сказительства эпоса "Манас", определяет новые временные границы возникновения эпоса. Анализируя историко-фольклорный материал, Р.З. Кыдырбаева определяет следующие вехи в истории сложения кыргызского эпоса:

а) эпоху родового строя и раннего средневековья, связанную со сложением Тюркского каганата;

б) эпоху монгольского нашествия, связанную со значительным передвижением и ассимиляцией народностей и племен на территории Центральной Азии;

в) эпоху образования Джунгарского ханства, связанную непосредственно с территорией Средней Азии и в частности – с Тянь-Шанем.

Наряду с конкретным анализом текста эпоса "Манас" значительное место в работе отводится историко-типологическому сравнению. Многие однотипные, архаические мотивы и сюжеты, нередко встречающиеся в тюрко-монгольском эпосе Р.З. Кыдырбаева связывает с определенным генетическим родством племен, родов, которые на отдельных этапах исторического развития то тесно соприкасались, то, наоборот, разъединялись, расходились и территориально.

В работе на широком сравнительном материале архаические пласты эпоса связываются с центральноазиатской территорией, где наряду с фольклором сопредельных народов (якутов, хакасов, бурят, монголов, алтайцев, шорцев) начинается становление и развитие кыргызского эпоса, его древних пластов; на целом ряде примеров раскрываются его саяно-алтайские корни, его истоки.

Впервые в истории манасоведения профессор Р.З. Кыдырбаева рассматривает процесс трансформации героического и героико-исторического эпоса в тесной связи с историей народа, в основном в эпоху монгольского нашествия и в эпоху образования Джунгарского ханства. Исследование показывает, как в строках эпоса отразилась и преобразилась история, по каким законам исторические факты преломлялись в поэтические эпизоды, как отражены и переосмыслены в эпосе исторические прототипы. Весь материал, по возможности, рассматривается в сравнительно-историческом плане, в сопоставлении с эпосом тюрко-монгольских народов.

Решению вопросов проблемы историзма эпоса "Манас", посвятили свои работы такие известные исследователи как Р.

Сарыпбеков и Э. Абдылдаев. В книге "Манас" эпосундагы баатырдык мотивдердин эволюциясы" [7] Р. Сарыпбеков относит создание эпоса к IX веку (как уже отмечалось выше, в этот период кыргызы образовали самостоятельное, сильное государство). Для обоснования своей точки зрения Р. Сарыпбеков обращается к истории русских былин, и приходит к выводу, что раннее феодальное государство енисейских кыргызов сыграло такую же роль для сложения эпоса "Манас", какую сыграло Киевское раннефеодальное государство для сложения русских былин.

По мысли ученого, классический героический эпос складывается исторически закономерно, в результате преобразования более раннего эпоса – героического эпоса догосударственного периода, который приходит в столкновение с новой исторической действительностью, с комплексом новых представлений и идеалов народа. В итоге старый эпос разрушается как целое, давая при этом жизнь новому, уже "государственному" эпосу, и как бы растворяясь, оставляет в нем многочисленные следы.

Эволюционное, поэтапное развитие эпоса "Манас" Р. Сарыпбеков рассматривает в тесной связи с ходом развития кыргызской истории. Эпос в своем развитии проходит длинный путь. Формы сказочно-фантастические, мифологические, с возникновением родоплеменного общества перерастают в эпос героический, на смену которому приходит монументальная историко-героическая эпопея общенародного характера. То есть, эпос эволюционно проходит все стадии развития жанра: от мифологического, до историко-героического.

В книге "Манас" эпосунун тарыхый негизги этаптары" [8] ("Основные этапы исторического развития эпоса "Манас"), Э. Абдылдаев выделяет пять основных этапов, которые прошел в своем историческом развитии эпос "Манас". Они представлены следующими эпохами:

- 1) X–XII вв. – эпоха, связанная с историей Караханидского государства. К этой эпохе автор относит зарождение эпоса;
- 2) XIII–XV вв. – эпоха войн с монгольскими завоевателями;
- 3) XV–XVIII вв. – эпоха войн с ойрот-джунгарским нашествием;
- 4) период с XVII в. до второй половины XIX в., связанный со временем господства в Восточном Туркестане китайской династии Цинь;
- 5) со второй половины XIX в., со времени вхождения Киргизии в состав Российской империи и до 20–30-х гг. XX в., когда были записаны основные полные варианты эпоса.

В 1987 г. вышла в свет монография Э. Абдылдаева "Манас" эпосунун историзми" [9] ("Историзмы в эпосе "Манас"), которая непосредственно перекликается с темой нашего исследования. В ней автор раскрывает важные аспекты проблемы историзма эпоса "Манас", и, прежде всего, тот ее аспект, который предусматривает изучение отношения фольклора к реальной действительности.

При сопоставлении некоторых традиционных эпизодов, системы образов, исторических реалий (этнонимов, топонимов, антропонимов), входящих в эпос "Манас", с исторической действительностью, Э. Абдылдаев находит резкие отличия, иногда даже противоречия. Например, образ Шоорука (хана Афганистана) представлен в эпосе как образ хана иноверцев, совершавшего походы против алтайских кыргызов. Это не соответствует действительности, так как афганский народ с самого начала воспринял исламскую религию и никогда не предпринимал военных походов на Алтай. До реальной вершины "Тал чоку", расположенной в северо-восточной части Ала-Тоо (недалеко от Алма-Аты), Манас добирается лишь за сорок дней, откуда обозревает Бейджин. Эпический образ богатыря Жангера не соответствует историческому Жангеру Кожо, предводителю Синьцзяньского восстания против Китайской империи в первой половине XIX в. Таких анахронизмов можно встретить в "Манасе" большое количество.

Исторические реалии, в числе которых могут оказаться исторические имена и географические названия, исполняют в эпосе конкретизирующую, стилистическую функцию. Например, Манас рождается на Алтае, женится на дочери афганского хана Шоорука Акылай, а также на дочери бухарского правителя Темиркана Каныкей. Алмамбет бежит с Бейджина к Кёкчё, а от него приходит в Талас, к Манасу. Кёкётёй является ханом Ташкента. После его смерти поминки устраиваются в долине Каркыра и т.д. Имена отдельных исторических личностей эпический сюжет напрямую увязывает с деятельностью указанных лиц на определенных территориях. Но, как отмечает Э. Абдылдаев, не во всех случаях связь некоторых исторических реалий с эпическим сюжетом одинакова. Если в некоторых эпизодах исторические реалии ассоциируются непосредственно с конкретными историческими событиями и вошли в эпос как их отражение, то в других случаях исторические реалии являются средством эпической идеализации. Таким образом, каждая

историческая реалья, исходя из задачи раскрытия идейного содержания эпоса, исполняет в нем свою поэтическую функцию. Следовательно, характер использования исторических реалий в эпосе в разных случаях неоднозначен. Например, если в некоторых традиционных эпизодах исторические реалии (Шоорук, Темиркан, Жангир, Кожо, Енисей, Бейджин др.) использованы для конкретизации известных, сохраняющихся по традиции эпизодов, и внесены в эпос позднее, то в других случаях они входят в эпос в период возникновения новых эпических мотивов. Например, Талас – родина Манаса, Кёкётёй (Кёкюмбий) – хан Ташкента и др.

Историческое изучение эпоса, по Э. Абдылдаеву, заключается не в том, чтобы найти соответствия между эпическими событиями и историческими реалиями, а в идейном содержании, которое эпос отражает в соответствии с исторической жизнью народа. Встречающиеся в эпосе исторические имена, оторвавшись от реальной исторической почвы, входят в состав эпического сказания не с подлинной исторической судьбой своего носителя, мнимого прототипа эпического героя, а нередко в совершенно новой сюжетной функции, подсказанной идейно-художественным содержанием и развитием самого эпоса.

Однако попытки найти в эпосе отзвуки исторических событий не могут считаться делом безнадежным или ненужным, так как несомненно то, что эпос является отражением действительных событий. Правда, исторические события в нем значительно изменены и обобщены. Вместе связаны события и люди разных эпох, приведены вымышленные имена или искажены имена известных людей, роль одних исторических личностей значительно ослаблена, а других даже незначительных, чрезвычайно усилена и т.п.

Как отмечает Э. Абдылдаев, эпос "Манас" – в грандиозных масштабах отражает историческую судьбу народа, прошедшего через все этапы своего развития. Совершались изображаемые в эпосе события или нет, они воспринимались исполнителями и слушателями как достоверное изображение истории, событий давно минувших, но творимых их могучими предками.

В преддверии 1000-летнего юбилея эпоса, в журнале "Эхо науки", специально посвященном юбилею эпоса, опубликована статья Т. Абдракунова "Большой поход Манаса и историческая действительность", [10] в которой автор выдвигает новую концепцию исторических событий, отраженных в эпизодах и мотивах великой эпопеи.

Т. Абдракунов отправляется в своей статье от некоторых посылок, которые и определяют его исследовательскую методику. Главной из них является убеждение, что эпос представляет собою обязательный отклик на какое-либо конкретное событие. Он отражает те же факты, только отражает их по-иному, с иным выражением отношения. Соответствующим образом Т. Абдракунов строит анализ некоторых эпизодов эпоса "Манас".

Историческим фоном, сыгравшем значительную роль в оформлении эпоса "Манас", по мнению Т. Абдракунова явилась эпоха, связанная с историей кимак-кыпчакского каганата IX–XI вв. В ряде эпизодов эпоса ученый усматривает отражение реальных исторических событий этого периода. Так в эпизоде о заговоре против Манаса семи ханов – своеобразном вступлении в тему "Большого похода", Т. Абдракунову видится реальный заговор семи кыпчакских вождей против Манаса, главного богатыря, возглавляющего кимак-кыпчакскую федерацию племен. Соответственно своей концепции историчности эпоса, Т. Абдракунов прежде всего ставит вопрос о том, какие исторические лица послужили прототипами для эпических персонажей, иначе говоря, какие исторические события легли в основу эпизода о заговоре против Манаса семи ханов.

Для начала Т. Абдракунов предлагает обратиться к материалам, из которых следует, что сам Манас является кыпчакским богатырем. Автор обращается к рукописи муллы Сейфаддина Ахсикенти "Маджму ат-таварих", ("Собрание историй") относящейся приблизительно к XIV–XVI вв. Сочинение написанное на разговорном таджикском языке в форме эпических сказаний, включает также версию эпоса "Манас", которая представляет значительный интерес как наиболее ранняя из известных записанных версий эпоса "Манас". Сочинение содержит также интересные сведения о кыргызских и казахских племенах и по топонимике. В нем упоминается о том, что у кыпчаков Каркары, у Якуббека рождается сын Манас. Манас сражается на стороне мусульман против калмака Джолоя.

Ядро кимак-кыпчакской федерации до IX в. составляло семь племен. Каждое племя имело своего предводителя с титулом "кашка". Как полагает Т. Абдракунов, вожди этих племен и послужили прообразами для эпических семи ханов. Титул "кашка" со временем перестав употребляться начал забываться, и в эпосе его заменили словом "кан".

Твердо уверовавший в то, что эпос отразил те же факты что и

письменные источники, Т. Абдракунов хронологически приурочивает и ряд других эпизодов эпоса "Манас", и в частности Большой и Малый походы Манаса на Бейджин, одни из главных эпизодов героической эпопеи. Под Бейджином Т. Абдракунов понимает не столицу Китая – Бейджин, не древний уйгурский город Бейтин (с которым связывали его Б.М. Юнусалиев, М.О. Ауэзов, А.Н. Бернштам), а название сырдарьинского рода печенегов – "бечен", или "бежен". От названия этого рода и получил в эпосе наименование город Бейджин, который завоевывает Манас и где получает смертельное ранение. Поражение огузам-печенегам кыпчаки нанесли в XI в., а точнее – в 1043, а затем в 1050–51 гг.

В своей гипотезе Т. Абдракунов говорит, что в основе "Большого" похода Манаса, а также в некоторых других эпизодах эпоса отражены реальные исторические события, связанные с историей возникновения кимак-кыпчакского каганата, а так же периодом борьбы кыргыз-кыпчаков с печенегами-огузами. Имевшие место две войны – 1043 и 1050–1051 гг. – послужили реальным историческим материалом для возникновения двух центральных батальных эпизодов эпоса – "Большого" и "Малого" походов Манаса.

В сущности Т. Абдракунов строит анализ не от всестороннего изучения эпоса к истории, а от истории, запечатленной в письменных источниках – к эпосу. Такой взгляд на эпос освобождает исследователя от многих задач его изучения. В изучении отдельных эпизодов дело ограничивается установлением конкретно-исторической основы того или иного сюжета, выявлением прототипов эпических героев и уяснением общего исторического смысла произведения. Художественная сторона эпоса остается не раскрытой. С точки зрения историка такая работа может и достаточна. Однако филолога, фольклориста она никак удовлетворить не может.

В 1995 г. вышла в свет монография И.М. Молдобаева "Манас" – историко-культурный памятник кыргызов". В монографии, представляющей собой плод многолетнего труда автора, впервые в историографии Кыргызстана дается историко-этнографический анализ кыргызского героического эпоса "Манас". В работе широко отражены этнографические, фольклорные и лингвистические материалы, собранные автором в Кыргызстане, на Алтае, в Хакасии, Туве, Бурятии, Якутии, Тофаларии, Монголии.

Рассматривая вопрос о времени сложения и развития эпоса "Манас", И.М. Молдобаев отмечает, что определить время его сложения очень трудно, и неправомерно вообще датировать эпос каким-то временем, тем более какими-то веками или даже годами. Дело в том, что, возникнув, эпос далее непрерывно развивается: "А если взглянуть на проблему сложения эпоса глазами историка и этнографа, – пишет И.М. Молдобаев, – то можно акцентировать внимание на исторических событиях, получивших отражение в его строках. Безусловно, для определения эпохи сложения эпоса одних этих фактов не достаточно. Нужны самые разносторонние исследования, но выявление исторических событий, может явиться неплохим подспорьем при определении времени сложения эпоса" [11, с. 44].

Рассматривая эпос "Манас" в историческом ракурсе, И.М. Молдобаев делит все его эпические события на семь периодов:

- 1) хунну (более древний этнос) и гуннский (XVIII в. до н.э. – V в. н.э.);
- 2) древнетюркский и кыргызский (VI–X вв.);
- 3) кара-китайский и караханидский (X–X II вв.);
- 4) монгольский (XIII в.);
- 5) события времен Золотой Орды и других ханств (XIV–XVI вв.);
- 6) джунгарский, или ойрот-калмакский (XV–XVIII вв.);
- 7) поздние наслоения (XIX–XX вв.).

Называя такое деление отраженных в строках эпоса исторических событий условным, автор первые два периода называет гипотетическими. Начиная с третьего периода и до наших времен, эпос дает более четкий, надежный материал.

Таким образом, эпос "Манас" отразил в своих строках исторические события разных эпох, начиная с гуннского времени и кончая первой четвертью XX в. Как отмечалось выше, И.М. Молдобаев против того чтобы датировать эпос каким-то конкретным годом, но можно говорить о начальных временных границах сложения эпоса. Задаваясь вопросом, какое же время следует считать начальным этапом сложения эпоса "Манас"? И.М. Молдобаев приходит к выводу, что причиной сложения такого грандиозного эпоса могли стать события, оставшиеся надолго в памяти народа. Такими памятными событиями для кыргызов могли быть годы падения их могущества в

Центральной Азии. Одним из изначальных исторических событий, отраженных в эпосе "Манас", по мнению И.М. Молдобаева, является экспансия кара-китаев в Центральной Азии и начало упадка кыргызского государства. Эти события приходятся на X в. Только в этом плане, и довольно условно, мы можем говорить о тысячелетии великого эпоса "Манас", заключает И.М. Молдобаев.

Итак, мы вкратце осветили работы тех ученых, которые прямо или косвенно занимались проблемой взаимоотношения эпоса "Манас" и истории. Несомненно, что эпос, несмотря на верность в какой-то мере истории в идейном и бытовом плане, не признает обычной хронологии, смещая и соединяя события, персонажей и реалии различных эпох, а также преломляя их сквозь призму художественного творчества. Очевидно, от степени возможности разобраться во всем этом, как и в соотношении традиции и модернизации эпоса, зависит, в какой мере можно признавать эпос "Манас" историческим источником.

В историческом изучении эпоса "Манас" можно наметить два направления; их представляют, с одной стороны, ученые, безоговорочно или с теми или иными оговорками принимающие историческую достоверность эпоса и возможность приурочения его сложения к определенной эпохе (А.Н. Бернштам, М.О. Ауэзов, Б.М. Юнусалиев, Т. Абдракунов) и, с другой, ученые, отрицающие эту возможность из-за специфики художественной природы фольклора (В.В. Радлов, В.М. Жирмунский, Р.З. Кыдырбаева, Р. Сарыпбеков). Однако существуют и взгляды, переходные между этими крайними воззрениями. На сегодняшний день мы имеем различные концепции историчности эпоса "Манас". Отдельные авторы рассматривают "Манас" как отражение различных этапов истории кыргызского народа, вплоть до 20–30-х гг. XX в. К последним можно отнести таких ученых, как Э. Абдылдаев и И.М. Молдобаев.

Литература

1. *Радлов В.В.* Предисловие // «Манас» – героический эпос кыргызского народа. Фрунзе: Илим, 1968.
2. *Бернштам А.Н.* Эпоха возникновения кыргызского героического эпоса «Манас» // «Манас» – героический эпос кыргызского народа. Фрунзе: Илим, 1968.

3. Ауэзов М.О. Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М.: АН СССР, 1961.
4. Юнусалиев Б.М. Киргизский героический эпос «Манас» // «Манас» – героический эпос киргизского народа. Фрунзе: Илим, 1968.
5. Жирмунский В.М. Введение в изучение эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М.: АН СССР, 1961.
6. Кыдырбаева Р.З. Генезис эпоса «Манас». Фрунзе: Илим, 1980.
7. Сарыпбеков Р. «Манас» эпосундагы баатырдык мотивдердин эволюциясы. Фрунзе: Илим, 1987.
8. Абдылдаев Э. «Манас» эпосунун тарыхый өнүгүүшүнүн негизги этаптары. Фрунзе: Илим, 1981.
9. Абдылдаев Э. «Манас» эпосунун историзми. Фрунзе: Илим, 1987.
10. Абдракунов Т. Манастын чоң казаты жана тарыхый чындыгы // Эхо науки. 1995. № 2.
11. Молдобаев И.М. «Манас» – историко-культурный памятник кыргызов. Бишкек: Кыргызстан, 1995.

Вопросы к теме:

1. В чем заключалась гипотеза профессора А.Н. Бернштама, вызвавшая горячие споры?
2. Какие три основных слоя различает в составе эпоса «Манас» академик В.М. Жирмунский?
3. С какой территорией связываются архаические пласты эпоса «Манас» в книге «Генезис эпоса «Манас» Р.З. Кыдырбаевой?

Тема 15. ИСТОРИЗМ ЭПОСА «МАНАС»

В области манасоведения, с самого начала изучения эпоса «Манас», центральной проблемой является трактовка его историзма. Именно вокруг историчности эпоса постоянно идет научная полемика.

Так, в свое время горячие споры вызвала гипотеза профессора А.Н. Бернштама, согласно которой образ Манаса возводится к историческому прототипу. А.Н. Бернштам предполагал возникновение древнейших частей эпоса в IX в., считая

прообразом Манаса выдающегося вождя кыргызов Яглакархана, возглавившего борьбу кыргызов с уйгурами и упомянутого в древнекыргызской надписи. А.Н. Бернштам считал победителя уйгуров хана Яглакара историческим прототипом Манаса, а «великий поход» Манаса на Бейджин – походом Яглакара против уйгуров, столица которых Беш-Балык в китайских источниках называется Бейтин. Впоследствии сказители переосмыслили Бейтин как Бейджин [1, с. 193].

«Яглакаровская» гипотеза отпала после авторитетного разъяснения академика В.М. Жирмунского, углубленно изучавшего кыргызский эпос, который писал: «Мы не имеем в «Манасе» никаких указаний на то, что «великий поход» когда-либо являлся походом против уйгуров. Бейджин в изображении киргизских сказителей не резиденция давно забытого уйгурского кагана Беш-Балык, а многолюдная пышная столица великого китайского государства, гегемона Востока, непобедимого благодаря своим неисчерпаемым богатствам и человеческим ресурсам, своей многовековой культуре и тайной волшебной «мудрости» [2, с. 102].

Далее ученый отмечает, что борьба с уйгурами, хотя и победоносная, была, в конечном счете, лишь эпизодом в многовековой истории кыргызского народа, тогда как возможность покорения Китаем, самым могущественным и культурным государством Центральной и Восточной Азии, неоднократно вставала перед тюркскими кочевыми племенами, в том числе и перед кыргызами, как в алтайско-енисейский, так и в позднейший среднеазиатский период их истории.

Со времен орхоно-енисейских надписей тема борьбы за независимость против Китая вплоть до XIX в. является центральной. Это – основной исторический факт, по мнению В.М. Жирмунского, определивший собою внешнеполитическую ориентацию всей эпической традиции «Манаса».

Вообще стремление представителей так называемой «исторической школы» изучения эпоса (Всеволод Миллер) непременно находить в исторических документах «прототипы» героев эпических сказаний оказались для науки ложным путем. Поиск исторических основ эпоса не может ограничиваться установлением лишь конкретно-исторической основы того или иного сюжета, выявлением прототипов эпических героев и уяснением общего исторического смысла произведения. При таком подходе, художественная сторона эпоса остается

нераскрытой и фольклориста такая работа удовлетворить не может.

Известный российский фольклорист В.П. Аникин, говоря об историзме эпоса, отмечал: «До какой-то степени историзм эпических песен схож с историзмом народной сказки, которая, говоря об Иване – младшем брате или Кощее бессмертном, имеет в виду не конкретных исторических лиц и конкретные события истории русского народа, а воспроизводит социальные типы в собирательных образах, исполненных художественной фантазии. Это не унижает, а возвышает в наших глазах историзм былины, так как ее образы являют собой художественное обобщение исторической мысли народа» [3, с. 9].

Историчность эпоса определяется не реалиями, которые могут и отсутствовать или вноситься позднее, а историческим смыслом и содержанием сюжета. Видный теоретик и исследователь фольклора В.Я. Пропп отмечал: «Для нас историчны не только имена и факты, историчен художественный вымысел как таковой. Мы хотим знать, в какую эпоху, и при каких условиях мог зародиться сюжет, и как он изменялся с течением времени? Мы хотим изучить эпос исторически по существу, а не только по наличию реалий и их характеру» [4, с. 87].

Историзм эпоса для В.Я. Проппа заключается не в воспроизведении отдельных конкретных событий истории, а в выражении народных идеалов, присущих определенной эпохе. «Народная поэзия, – пишет он, – не фактографическая хроника, дело здесь в общегосударственных и народных устремлениях, а не в изображении отдельных частных событий. При всей исторической конкретности, при изумительной исторической точности эпоса мы все же тщетно будем искать в нем изображение отдельных исторических событий или исторических лиц» [5, с. 287].

Ученый обосновал важное теоретическое положение, согласно которому основной творческий процесс в фольклоре – это процесс переработки старого в новое. Историческая жизнь фольклора строго закономерна. Особенность ее заключается в закономерном поддержании, развитии и преобразовании традиции.

Эпос «Манас» историчен как отражение самосознания народа на определенных этапах его исторического развития. Он передает народное понимание истории, рисует социально-исторические типы общественных деятелей, раскрывает

исторический смысл общественных событий, происходивших в истории древних кыргызов, в их жестокой борьбе за этническую целостность и государственную независимость.

Стоят ли за эпическим сказанием какие-то военные события, какие именно и какого времени, как они преобразованы в эпосе, – подобные вопросы нужно решать, прибегая к иным источникам, да и в принципе решать иначе – исследуя развитие героического эпоса как фольклорного жанра, сопоставляя его с исторической реальностью в широком плане, то есть с особенностями исторической обстановки, быта, общественных отношений и т.п. – со всем тем, что определяет народное сознание на разных ступенях его развития и отражается в художественном творчестве.

Зародившись в древние века трилогия «Манас» пережила не один этап в своем развитии, вследствие чего сюжет ее претерпел существенные изменения. Основная сюжетная линия сохранилась до наших дней, но сам сюжет, несет на себе, в той или иной степени, отпечатки сменявшихся эпох и существовавших общественных укладов. В.Я. Пропп уподоблял эпос «слоям земли, в которых имеются отложения различных геологических эпох» [6, с. 124]. В значительной мере это относится и к становлению кыргызского эпоса, который вобрал в себя богатейшие события многих веков.

Древнейшие архаические сюжеты и образы эпоса «Манас», связанные с эпохой первобытно-общинного строя, не дошли до нас в своем первоначальном виде. Они подверглись изменениям и переосмыслениям. Однако в более архаическом эпосе алтайцев есть произведения, в которых, по словам выдающегося исследователя С. Суразакова «сохранились не отдельные пережитки, а архаическая основа эпоса родового строя» [7, с. 2].

С.С. Суразаков дает следующую тематическую классификацию эпоса родового строя:

- а) сказания о борьбе героя с чудовищами;
- б) героические сказания о борьбе героев с подземным миром;
- в) сказания о героическом сватовстве;
- г) борьба героев за сохранение и укрепление семьи и рода;
- д) героические сказания о борьбе с набегами.

Исследователь отмечает и генетическую, но в большинстве случаев – типологическую общность древнего эпоса тюрко-монгольских народов.

Все перечисленные древние сюжеты архаической эпике широко представлены в «Манасе», хотя здесь они даны в более поздней разработке, потому что кыргызский эпос складывался и в последующие эпохи, достигнув в своем развитии монументальных форм героической эпопеи общенародного характера. Архаический слой эпоса периода родового строя предопределил характер эпического творчества последующих эпох.

В эпических произведениях алтайцев сохранены самые близкие взаимоотношения членов семьи и рода. Таковы, например, сюжеты поисков героем украденной жены или сестры; тема заступничества и мести сына за отца; мотивы взаимопомощи старших и младших братьев. Но вместе с тем, следует отметить, что процесс становления и развития патриархальной семьи и рода происходил не без внутренних противоречий и конфликтов. Так, в алтайских сказаниях отражены конфликты между отцом и сыном, между старшими и младшими братьями. Эпос повествует также о конфликтах и столкновениях между родами: из-за охотничьих и пастбищных угодий, из-за женщин, из-за убийств и по другим причинам [7].

Распри и конфликты общества периода родового строя нашли свое отражение и в кыргызском эпосе. В варианте С. Орозбакова после женитьбы Манаса на Каныкей следует цикл эпизодов, связанных с заговором родственников Манаса. Из этой серии эпизодов в эпической традиции наиболее разработан «Заговор Кёзкаманов». Академик В.М. Жирмунский, касаясь этого эпизода, отмечал: «Сюжетное сходство «Заговора Кёзкаманов» с целой группой древних богатырских сказок тюркских и монгольских народов Сибири и Центральной Азии заставляет видеть в нем один из наиболее ранних эпических сюжетов, прикрепленных к имени героя киргизской эпопеи» [8, с. 109]. В основе главного конфликта лежат зависть и вражда близких родственников Манаса – Кёзкаманов, сыновей Усёна (старшего брата Джакыпа), пытающихся убить его и захватить власть в свои руки.

Раздоры аристократических родов ослабляли и изматывали силы народа. Естественно, что именно эта тема привлекала лучших сказителей, была мастерски разработана и осталась в веках, тогда как поэмы, излагавшие борьбу героев с чудовищами и великанами, постепенно уходили на задний план и уступали место более конкретному изображению истории.

К следующему этапу в историческом развитии кыргызского героического эпоса «Манас» относится эпос периода

возникновения раннефеодальных отношений. В поэме имеются сюжеты и мотивы, явно отличающиеся от эпоса родового строя – своей тематикой, идеями и образами и своей структурой.

Эпос периода возникновения раннефеодальных отношений складывается в конце разложения родового строя и начала зарождения классового общества. На этом этапе происходит расслоение коллектива на сословия и классы. Богатые скотоводы выделяются из числа своих соплеменников, появляются баи (богачи), слуги, рабы, представители других ступеней социальной иерархии. В центре внимания эпического сюжета оказывается теперь союз племен и борьба между ними, а также борьба за единоначалие в государственном образовании. Новую линию в развитии сюжета теперь представляет «Заговор ханов». Здесь против Манаса выступают уже не родичи, а самостоятельные вожди племен, объединившихся под властью Манаса. Архаический эпос, отражавший конфликты родового общества, перерастает впоследствии в более широкие рамки отражения исторической действительности, повествуя о конфликтах уже феодальной эпохи.

Сюжет «Заговора ханов» развивается следующим образом. Семь ханов из близких кыргызам родов и племен, недовольные тем, что Манас один руководил поминками по Кёкётёю (одному из старших сподвижников Манаса), решили выступить против него на тое Тёштюка. Хань отправляют гонцов к Манасу с требованием, чтобы он приехал к ним или принял их. Замысел ханов сводился к следующему: они рассчитывали плохо принять Манаса – и тем самым унижить его; или же, приехав к Манасу, обвинить его самого в плохом приеме, в нарушении законов гостеприимства.

Но умысел заговорщиков терпит крах. В варианте С. Орозбакова Манас устрашает своим грозным видом и могуществом сперва послов строптивых ханов, а затем и их самих. Хань вынуждены изъявить покорность, и Манас, великодушно простив соперников, объединяет их для великого общего дела – похода на Бейджин.

Когда народ вступает в стадию сложения своей государственности, его эпос подвергается существенным изменениям. Старый эпос перерабатывается, а вместе с тем создается и новый, уже отражающий собственно государственные интересы. Идеология родового строя приходит в столкновение с интересами молодого государства.

Вышедшим на арену политической борьбы в Центральной Азии в конце III в. до н. э. кыргызам на протяжении всей последующей длительной и бурной истории приходилось с оружием в руках отстаивать свою свободу и бороться за гегемонию в Центральноазиатском регионе с могущественными кочевыми империями хуннов, тюрков, уйгуров, киданей, монголов и др. Исторический путь сложения древнекыргызского государства, непрерывно и неуклонно проходя все стадии развития человеческого общества, привел население Минусинской котловины в VI в. к образованию союза кочевых племен государства кыргызов. Как отмечает историк Ю. Худяков: «В IX в. наступил звездный час кыргызской истории. Прорвав оборонительные заслоны уйгуров, кыргызы смогли покорить степные просторы Центральной Азии и пронести свои боевые знамена до Забайкалья, Маньчжурии, Китая, Алашаня, Восточного Туркестана, Прииртышья и Приобья. Азиатские степи от границ Сибирской тайги до северных отрогов Тянь-Шаня вошли в состав кыргызского каганата» [9, с. 2].

В эпосе этого периода Манас изображается уже как грозный хан, который сам стоит во главе своей дружины и войска, лично участвует в набегах и войнах, единоборствах. Владения хана Манаса обширны и мощны. В его дружине и войске находятся представители различных племен и народов. Из разных земель сошлась разноплеменная дружина Манаса – его легендарные сорок чоро:

Сорок тигров, сорок волков,
Чьи сверкают копыя пестро,
Чьи мечи блистают остро,
Вы покинули сорок земель,
Вас влекла единая цель,
И связала присяга вас [10, с. 13].

Основное содержание эпоса этого периода – интересы государства и его величие. В этот период наряду с эпическими дружинниками в эпосе появляется изображение бесчисленного войска, участвующего в сражениях. Архаическая традиция единоборства богатырей-исполинов уступает место широкомасштабным батальным сценам с участием больших масс воинов.

Серьезные военные успехи кыргызов в IX в. стали, однако, и причиной их ослабления в начале X в. Рассеявшиеся на бескрайних просторах азиатских степей, кыргызы не смогли сдержать напора надвигавшихся с востока, набирающих силы монголоязычных народов: найманов, киданей, кара-киданей. Однако древнекыргызское государство на Саяно-Алтае, (Кыргызский каганат) вплоть до монгольского нашествия оставалось сильным объединением с развитой социально-экономической системой и самостоятельной внешней политикой. Непоправимый удар кыргызам был нанесен лишь войсками Чингизхана.

В самом начале XIII в. образуется Монгольская империя, которая захватывает много земель и обрывает возрождение многих народов, в том числе и кыргызов. Провозглашение Чингизхана главой всей Монголии произошло в 1206 г. Сразу же после избрания на курултае Темучина – Чингизхана – повелителем всех монгольских народов он провозгласил политику широкой военной экспансии.

В 1207 г. монголы захватили кыргызское государство, которое не смогло оказать им серьезного сопротивления. Кыргызы оказались разбросанными по бескрайним просторам Монгольской империи.

Кыргызы Енисея вошли в состав удела младшего сына Чингизхана – Тулуя. Средняя Азия в 1224 г. отводится второму сыну Чингизхана – Чагатаю. В начале и середине XIII в. некоторые племена тюрко-монгольских народов (в том числе и группа енисейских кыргызов), обитавших на Енисее, в Монголии, Алтае, Джунгарии, переселились в Семиречье и Чуйскую долину [11, с. 440].

Падение кыргызского государства на Енисее и перемещение кыргызов из Сибири на Тянь-Шань приводит к возобновлению этногенетических процессов. Очевидно, в этот период складывается цикл эпизодов о переселении кыргызов с Алтая на Ала-Тоо. Антрополог А. Ибраимов пишет об этом периоде кыргызов так: «Если в XIII в., с приходом монголов на территорию Средней Азии, кыргызы составляли небольшую часть населения этих земель, то в последующие века на Тянь-Шане шел процесс консолидации, слияния тюркских племен в единую кыргызскую народность. Несмотря на все перипетии судьбы, в том числе монгольское, а затем – ойратское нашествия, поставившие кыргызов на грань полного физического уничтожения, кыргызам

удалось сохранить непрерывность и единство языковых, духовных, материальных и культурных традиций. Необходимость подчинения и освоения новых земель потребовала от кыргызов еще более сильного этнического и военно-политического объединения, конечным итогом которого стало возникновение общего национального самосознания» [12, с. 9].

Эти драматические события положили начало следующей стадии эволюции эпоса «Манас». Этот период был весьма важным в истории сложения эпоса «Манас». Он отмечен рождением на Тянь-Шане мощного центра, ставшего колыбелью кыргызской народности как особого этнического образования в числе других вскоре после этого возникших тюркских народностей Средней Азии. На среднеазиатской территории в XIII–XVI вв. происходили интенсивные контакты кыргызов с казахами, узбеками, каракалпаками, что не могло не отразиться на эпическом творчестве. В это же время шел процесс формирования кыргызских племен, из которых сложилась позднее кыргызская народность. Исторический процесс военно-политического и этнического развития кыргызов в данном регионе имел решающее влияние на дальнейшее развитие эпоса «Манас», который в этот период вбирает в среду своих героев почти все реально существовавшие тогда племена, вошедшие позднее в состав кыргызского народа. Это свидетельствует о том, что эпос донес до наших дней не только художественно-обобщенные, опозитизированные образы, но и события, связанные с исторической реальностью.

Во времена Монгольской империи кыргызы были резко обособлены и играли очень активную роль в политической жизни Средней Азии. По данным историка того времени Мухаммада Хайдара «кыргызы являлись зачинателями всех смут в Могулистане», не подчинялись чагатайским ханам и потому монгольские правители были безжалостны в репрессиях по отношению к кыргызским племенам [13, с. 12]. Бесспорно, что эти события, а в последующие века борьба против ойрат-джунгаров (калмыков), способствовали объединению кыргызских родов и племен. Борьба против внешних врагов и внутренняя консолидация явились важнейшими условиями дальнейшей эволюции эпоса.

Эпос этого периода выражает идеалы самоутверждения народности, борьбы за независимость, против угнетения.

Показательным в этом отношении, на наш взгляд, является один из самых замечательных и интересных циклов эпоса «Манас», посвященный описанию поминок по старшему сподвижнику Манаса – Кёкётёю, устроенных его сыном Бокмуруном в долине Каркыра. В этом эпизоде во всей красе обрисована широчайшая картина народной жизни, представлен весь спектр богатых народных традиций, обычаев, обрядов, игр. Здесь и проведение скачек, и борьба силачей, и соревнования на пиках, и стрельба в джамбы, и многое другое. Поминки по Кёкётёю выступают апофеозом этнического единства и объединения всех народных сил. По мысли устроителей поминок, состязания воинов на этих поминках должны показать чужеземцам силу и богатство кыргызов.

В сюжетном развитии всей эпопеи поминки по Кёкётёю являются своеобразной экспозицией следующего цикла, в который входят эпизод заговора против Манаса семи ханов и великий поход Манаса на Бейджин.

Эпоха монгольского нашествия, связанная со значительным передвижением и ассимиляцией народностей и племен на территории Центральной и Средней Азии, явилась важной вехой в истории сложения и бытования кыргызского эпоса. Возможно, в этот период происходили события, послужившие в последующем материалом для создания центрального батального эпизода эпопеи – «Великого похода». Гипотезу такого порядка выдвинул в свое время выдающийся ученый-лингвист, исследователь и переводчик эпоса «Манас» Е.Д. Поливанов, который писал: «Действительно, ни один из киргизских ханов не брал Пекин (Bejcin), и таким образом, главнейший из походов Манаса – «Великий поход» (Соп qazat, или Соп Sabuul), казалось бы, не имеет под собой никакой фактической почвы. Так ли это? Ведь если мы вспомним, что Пекин неоднократно был завоеваемым – пусть не Манасом и не киргизами, а другими кочевыми народами (т.е. тоже северными кочевниками), в том числе и народом турецкоязычным, а затем, наконец, монголами, то для нас не только возможным, но даже и обязательным делается вопрос: а не могли ли эти самые события лечь в основу легенды о манасовском завоевании столицы? Не может ли под образом и именем киргиза Манаса скрываться, хотя бы, тот же Чингиз? Гипотезы этого рода представляются мне возможными именно потому, что в состав киргизского национального коллектива на протяжении столетий неоднократно вливались посторонние

элементы – как турецкоязычные (т.е. представители других турецких народностей, в том числе, например, осколки древних уйгур), а кроме того – и в особенности – монгольские, и, наконец, прочие, т.е. не принадлежащие ни к монголам, ни к туркам» [14, с. 32].

Не обсуждая здесь гипотезу Е.Д. Поливанова (это отдельная проблема), отметим: после того как кыргызы покинули Сибирь и переместились в Среднюю Азию, они сумели не только сохранить свое этническое самосознание, но и, воспользовавшись распадом Монгольской империи, ассимилировали многочисленные монгольские и тюркские племена. Среди монгольских племен можно назвать такие, как барак, кушчу, дуулат, кереит, монгол, баргы, нойгут, меркит, найман, булгачи и др.

Из тюркских племен в состав кыргызов вошли черик, дёёлёс, багыш, бостон, уйгур, кыпчак, эштек, аргын, албан, теит, катаган, азык, джедигер и др. Этноним «кыргыз» стал общим для всех этих племен. Многие из данных названий сохранились в названиях родов и племен современного Кыргызстана [15].

В качестве родственных кыргызам племен в «Манасе» наиболее часто упоминаются нойгут, найман, уйгур, катаган, аргын, эштек, теит, кушчу, джедигер, кыпчак, албан. В племени катаган среди богатырей особенно выделяется мудрый старец, великан Кошой, из племени нойгут можно выделить доверчивого, честного, но вспыльчивого богатыря Чубака.

Как полагают историки, во второй половине XV – начале XVI в. полностью стабилизировался этнический состав кыргызских племен и завершилось сложение кыргызской народности, имеющей с тех пор общую территорию, язык, культуру и экономику. Все эти обстоятельства сыграли немаловажную роль в развитии устного героического эпоса «Манас», основной идеей которого становится призыв к объединению кыргызского народа в борьбе против иноземных завоевателей. Вокруг этого основного стержня развиваются все последующие события, строго подчиняясь главной идее.

Антикалмыцкие войны XV–XVIII вв. сыграли значительную роль в окончательном оформлении произведения. Пласт эпоса, связанный с калмыцким нашествием, является самым мощным. В нем своеобразно отразилось крупнейшее событие в истории кыргызского народа того периода, когда происходило завершение формирования героического эпоса. В эту эпоху определилась

основная историко-политическая тема эпоса «Манас» – борьба с ойрат-джунгарским нашествием.

В этот период сформировалось то, что А.Н. Веселовский определял как цельный, полный эпос в форме больших эпопей.

«Для образования эпопеи необходимы события, которые можно назвать решающими в смысле будущего. <...> Вот почему ни в Сербии, ни в Испании нет цельного эпоса, нет эпопей. Когда там совершались события, дававшие основу для эпопей, то жизнь уже пошла дальше, не представляя условий для эпического творчества, что и заставило эпос остановиться на полдороге.

Тут же следует указать и на русский эпос, состоящий из рядов песен группирующихся вокруг чисто внешнего центра. <...> Но почему же эти ряды песен не связаны внутренним единством? Потому что борьба с Ордой <...> кончилась в то время, когда условия жизни уже не могли способствовать созданию цельного эпоса» [16, с. 293].

(Однако, заметим попутно, общая закономерность к соединению в одно последовательное целое основных сюжетов русского героического эпоса налицо.)

Решающими событиями «в смысле будущего» для кыргызов и других тюркоязычных народов Средней Азии стала их борьба с ойрат-джунгарским нашествием.

С XV в., до середины XVIII в. кыргызы, как и казахи, узбеки, каракалпаки, отражали непрерывные нападения на свои земли западно-монгольских племен ойратов, или калмаков (букв. «отделившиеся», «оставшиеся», как их именовали тюркоязычные народы). Отколовшись от империи Чингизхана, калмыки составили сильный союз – ойрат-джунгарское государство. В середине XVII в. в пределы современного Кыргызстана вторглись войска ойратских ханов, разорительные набеги которых продолжались до второй половины XVIII в. Опустошительным набегам калмыков подвергались Семиречье, области Иссык-Куля и Тянь-Шаня. Под натиском врага большинство племен кыргызов вынуждено было оставить свои плодородные долины и спастись в труднодоступных горных ущельях Тянь-Шаня, Памира, Алая. Позже отдельным родо-племенным объединениям кыргызов, совместно с соседними казахами и узбеками, удалось освободиться от засилья ойратских захватчиков и вытеснить их за пределы Средней Азии. Безусловно, эти войны создали немаловажный исторический фон и даже непосредственные предпосылки новых сюжетных наслоений в составе «Манаса»

Все основные конфликты идут по линии борьбы Манаса с калмыками. Образ врагов-калмыков стал обобщающим, эпическим образом врагов и, возможно, перекрыл собой более ранние мотивы, столкновения с уйгурами, киданями и др.

Б.М. Юнусалиев, отмечая свойственное устному творчеству переосмысление исторических событий и имен, писал: «... Названные в эпосе то китайцами, то калмыками главные враги киргизского народа – Алооке, Джолой, Эсен-хан – являются, скорее всего, прототипами реальных личностей, чьи имена встречаются в летописях, например, Эсен-хан (по калмыцки Эссен-тайджи) предводительствовал джунгарским (калмыцким) войском в XV в. Аляку возглавлял джунгарское нашествие в XVII в., а Елюй <...> был предводителем киданьских (кара-китайских) войск – племен монгольского происхождения, двигавшихся с Северного Китая и разгромивших сначала киргизское государство в конце X века, а затем, завоевавших всю Центральную и Среднюю Азию от Енисея до Таласа в XII в.» [17, с. 202–203].

Между указанными историческими прототипами и эпическими образами имеется сходство общего порядка – все они являются военными противниками кыргызского народа. Это дает право говорить об отражении эпосом каких-то исторических событий, связанных с указанными именами. Что касается жизни данных персонажей в эпосе, то это уже переосмысленные, в соответствии с художественным мышлением народа, образы. Историческое лицо, попав в эпос, переживает необратимый процесс песенной трансформации, и вернуться в реальную историю оно больше не может. Художественное обобщение исторического содержания здесь идет не за счет полного отрицания деталей жизни прототипа, а скорее всего путем углубления и расширения их, присовокупления к ним новых, не присущих прототипу черт. «В процессе бытования эпоса, – заключает Р.З. Кыдырбаева, – тот или иной реальный исторический образ обрастал подчас такими деталями, что с прототипом его роднило только имя, а мотивировки поступков могли совсем измениться или сохраниться очень приблизительно, подчиняясь законам эпического мироощущения, миропонимания» [18, с. 202].

Эпические образы являют собой художественное обобщение исторической мысли народа. Не связывая себя с передачей каких-либо отдельных конкретных событий и лиц древней истории, эпос остается вернейшим выразителем исторического сознания народа.

Литература

1. *Бернштам А.Н.* Эпоха возникновения эпоса «Манас» // Энциклопедический феномен эпоса «Манас». Бишкек: Мурас, 1995.
2. *Жирмунский В.М.* Введение в изучение эпоса «Манас» // Энциклопедический феномен эпоса «Манас». Бишкек: Мурас, 1995.
3. *Аникин В.П.* Русский богатырский эпос. М.: Просвещение, 1964.
4. *Пропп В.Я.* Об историзме русского эпоса (Ответ академику Б.А. Рыбакову) // Русская литература. 1962. № 2.
5. *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. 2-изд., исправ. М.: Наука, 1958.
6. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976.
7. *Суразаков С.С.* Этапы развития алтайского героического эпоса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1973.
8. *Жирмунский В.М.* Введение в изучение эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М.: АН СССР, 1961.
9. *Худяков Ю.С.* Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995.
10. *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984.
11. Чуйская область. Энциклопедия. Бишкек, 1994.
12. *Ибраимов А.И.* Кыргызы и их генофонд. Бишкек, 1992.
13. *Бартольд В.В.* Киргизы. Фрунзе: Кирг. гос. издат-во, 1927.
14. *Поливанов Е.Д.* Киргизский героический эпос «Манас» (Публикация М.А. Рудова) // Киргизский героический эпос «Манас». Исследования и переводы. Бишкек: Фонд Сорос-Кыргызстан, 1999.
15. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990.
16. *Веселовский А.Н.* Из лекций по истории эпоса (Публикация В.М. Гацака) // Типология народного эпоса; отв. ред. В.М. Гацак. М.: Наука, 1975.
17. *Юнусалиев Б.М.* Киргизский героический эпос «Манас» // Энциклопедический феномен эпоса «Манас». Бишкек: Мурас, 1995.
18. *Кыдырбаева Р.З.* Генезис эпоса «Манас». Фрунзе: Илим, 1980.

Вопросы к теме:

1. Содержание эпоса периода родового строя ?
2. Основное содержание эпоса периода создания раннефеодального государства кыргызов?
3. Эпос периода формирования кыргызского народа в горах Ала-Тоо?
4. Какие события необходимы для образования эпопеи?

Тема 16. ЭПОС «МАНАС» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА КЫРГЫЗОВ

Эпос «Манас», повествующий о героической борьбе кыргызского народа за свою свободу и независимость против иноземных захватчиков не может не привлечь нашего внимания при изучении военного дела кыргызов.

Как известно, эпос «Манас» является классическим образцом устно-поэтической культуры кочевников Центральной Азии. В жизни кочевых народов в прошлом большую роль играл конь, служивший кочевнику и как транспорт, и как определение его социального положения (богатства), и как пища. Исключительно важную роль конь играл в военных походах, особенно в бою. Подготовка к походу, отмечал С.М. Абрамзон, «требовала не только изготовления снаряжения. Огромное место в ней занимала подготовка боевых коней и их тренировка к длительным переходам, обучение для использования в бою» [1, с. 175].

Одним из видов подготовки к защите родной земли от чужеземных захватчиков всегда и у всех народов была физическая закалка воинов. Кыргызских детей с самого раннего возраста готовили к встрече с врагом. Одним из важных средств воспитания будущего храброго и умелого воина были разнообразные виды конных состязаний и игр, которые способствовали не только физическому воспитанию воина, но и выработке необходимых качеств у боевого коня: выносливости, скорости, маневренности и т.д. Говоря о конных состязаниях, нельзя не упомянуть такие любимые кыргызами виды развлечений, как: *оодарыш* – борьба двух всадников, цель которых стащить соперника с седла; *жамбы атыш* – стрельба на полном скаку по мишени, подвешенной на длинном шесте; *тыйын эңмей* – джигитовка, во время которой всадник на полном скаку

должен был поднять монету с земли; *кыз куумай* – состязание между юношей и девушкой в умении ездить верхом; *жорго салыш* – скачки на иноходцах и некоторые другие.

Игры кыргызов хорошо приспособлены к условиям кочевой походной жизни, а некоторые виды национальных развлечений приобрели явно выраженный военизированный характер. Как отмечает Г.Н. Симаков: «Такие виды народных спортивных состязаний, как *эр сайыш* (единоборство двух всадников на пиках), *жамбы атыш*, *оодарыш*, *тыйын эңмей*, *балбан күрөш* – пешая борьба, а также все разновидности конных состязаний вплоть до XIX в. помимо развлекательного и общевоспитательного, сохраняли еще и специфическое военно-прикладное значение» [2, с. 82].

Среди конных видов состязаний наиболее военизированный характер носило единоборство двух всадников на пиках – *эр сайыш*. Во время *эр сайыш* часто проливалась кровь, так как воины выходили на поединок с боевыми пиками. Как отмечает Г.Н. Симаков: «Жестокий характер этого состязания, сохранившийся и в конце XIX в., несомненно, был отзвуком той суровой военной эпохи, которая его породила» [2, с. 83].

Красочно описаны состязания воинов в одном из самых замечательных и интересных циклов эпоса «Манас», посвященный описанию поминок по старшему сподвижнику Манаса – Кёкётёю, устроенных его сыном Бокмуруном. Здесь и проведение скачек, и борьба силачей, и соревнования на пиках, и стрельба в джамбы, и многое другое. Многие эпизоды перерастают в батальные сцены в которых принимает участие Манас, неизменно выходящий победителем. Эти состязания в эпосе изображаются как высшее воинское мастерство и рассматриваются не как простые соревнования, а как испытание сил двух враждующих сторон в отстаивании чести народа и родной земли. В пешей борьбе калмыцкого великана Джолоя победил старейший кыргызский борец Кошой. В конном поединке на пиках главного китайского богатыря Конурбая после упорной борьбы побеждает Манас. Началась стрельба в джамбы (слиток золота), и там кыргызы оказались сильнее. Каждый из сорока чоро Манаса сбил по шнуру, на которых держалась джамбы из ружей. В конных скачках первым выходит конь Манаса Аккула.

По существу, воинские игры, являются для воинов проверкой искусства владения оружием и умения управлять конем во время конного боя.

Кыргызское войско по эпосу было организовано по принципу племенного ополчения. Ополчение собиралось во время более или менее больших войн, когда многие, если не все, способные носить оружие, оставляли свои стада и образовывали войско. По материалам эпоса, каждый боеспособный мужчина от семнадцати и до семидесяти лет должен был нести военную службу и участвовать в походах.

Обязательным компонентом эпизодов, повествующих о походах Манаса, является традиционное описание совета старейшин, на котором дается мотивировка похода и принимается общее решение о выступлении в поход. На совете обсуждался план предстоящего похода, назначалось время и место сбора войск и порядок их выступления в поход. Так, на совете, где решался вопрос о перекочевке кыргызов с Алтая в сторону Ала-Тоо, чтобы отомстить врагу и вернуть земли отцов, Манас говорит присутствующим на сходе старейшинам племен и главным военачальникам:

Кто может сидеть на коне,
Кто может копье держать,
Кто гордится тем, что он человек,-
Пусть не останется дома ни один из таких удальцов <...>
Пусть не останется ни один – ни стар, ни млад.
Из семнадцатилетних, восемнадцатилетних пусть не
остается дома ни один.
Пусть старшим будет не меньше семидесяти –
Вот таковы мои слова,
Вы поймите их смысл [3, с. 340].

Кочевник-скотовод в военное время становился воином. Каждый мужчина был прирожденным наездником и умел владеть оружием. Этому он учился с детства. Становясь взрослым, он совершенствовал свое мастерство в бесчисленных войнах и набегах, а также облавных охотах на диких зверей. Пастух Ошпур, чья с проседью борода, в мирное время пасет стада на расстоянии дня пути от аила Джакыпа, а во время похода возглавляет отдельный отряд воинов. Ошпур – пастух, но он никогда не забывает о том, что он еще и воин.

Еще во второй половине XIX в. В.В. Радлов, описывая специфические для кыргызов формы расселения, связанные с господством патриархально-родовых отношений и

необходимостью находиться в состоянии боевой готовности, отмечал: «Кара-киргизы не живут аулами, а целым родом (племенем) в непрерывном ряде юрт на берегах рек, тянущемся иногда на 20 и более верст... Этот род кочевья объясняется отчасти местными условиями, отчасти воинственным характером народа. При такой расстановке юрт у кара-киргизов возможна в короткое время подготовка целого войска к нападению или защите» [1, с. 167].

Каждое племя по эпосу занимало отведенную племенным советом территорию. Так, например, племя ногой живет в Таласской долине, где расположился сам богатырь Манас, племя катаган во главе с Кошоем занимает долину Ат-Башы и Нарына, а племя нойгут во главе с Акбалтой живет на Алае и в Сарыколе и др. Как отмечает З.Ч. Мамытбеков: «При родо-племенном комплектовании в кыргызское войско включалось народное ополчение, состоящее обычно из членов одного племени, которое вливалось в войско конфедерации племен, что создавало в частях войск прочную внутреннюю спайку: военачальники были из среды своего же рода или племени; воины одной и той же единицы являлись не случайным сборищем незнакомых людей, а группой людей, связанных друг с другом родством, знакомством, общностью языка и обычаев. Так, например, племенное ополчение, возглавляемое Акбалтой, а позже его сыном Чубаком, состояло из членов племени нойгут, а войска старейшин Кошойа и Урбю – из племени катаган и кипчаков и др.» [4, с.159].

При формировании войска боевые единицы строились по родовому принципу. Родо-племенные вожди, составлявшие аристократическую верхушку общества, как правило, были и военными предводителями.

В основу организации войска была положена десятичная система. Во время великого похода на Бейджин, богатырь Алмамбет, назначенный главным военачальником делит все войска на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч, назначая над каждым подразделением особого начальника.

Наряду с десятичным делением войска у кыргызов сохранилось и традиционное для многих других кочевых народов Центральной Азии подразделение армии на крылья и центр. Такое расположение конного войска было удобно для охвата и окружения противника. Очевидно, с этим делением войска связано сохранившееся до последнего времени деление всех кыргызских племен на два крыла: правое – *оң* и левое – *сол*, что

говорит о том, что и в относительно недавнем прошлом кыргызы представляли собой народ-войско. Как отмечает С.М. Абрамзон, «потребность в таком членении войска могла возникнуть у киргизов только при условии участия в военных действиях больших масс воинов. Действительно, в военных походах, о которых повествует эпос, участвуют сотни тысяч воинов, а в отдельных случаях их число переходит за миллион. Если даже отбросить обычную для эпоса гиперболу, то останется вполне подтверждаемый историческими источниками факт ввода киргизами в военные операции вооруженных сил численностью иногда до 70–80 тысяч человек» [1, с. 170].

Как показывают материалы эпоса, кыргызы в целях защиты своих племен от иноземных захватчиков организуют сначала временные, а затем и постоянные союзы с соседними племенами и народами. Так, по варианту С. Орозбакова, когда алтайские калмыки впервые нападают на кыргызов, извещенные Джакыпом соседние племена казахов и алтайских тюрок приходят к ним на помощь. В дальнейшем в военных походах Манаса в качестве союзных кыргызам упоминаются казахские племена во главе с богатырем Кёкчё, узбекские – с племенным руководителем Санжыбеком, маргеланцев возглавляет Малабек, туркменов – Музбурчак, афганцев – Акунхан и т.д. В войне Манаса с дангытским Дубуроханом, Манас делит свое многочисленное войско на части и посылает их во все четыре стороны, чтобы окружить город Дубурохана. «Казахский богатырь Кёкчё взял сто тысяч войска, красноречивый кипчак Эр Урбю – сто тысяч, батыр Джамгырчи, сын Эштека, – тоже сто тысяч, и сто пятьдесят тысяч взял Бакай. Все они двинулись в разные стороны» [5, с. 57].

Основу кыргызского войска составляла иррегулярная конница, в полном составе собиравшаяся под знамена Манаса только в случае войны и расходившаяся по своим родовым кочевьям с ее окончанием. С окончанием войны распадался и военный союз. Так, после трагического исхода похода на Бейджин, в эпосе говорится: «Потерявшие своего хана Кёкчё, казахские воины двинулись к Сарыарке. Оставшиеся без Музбурчака туркмены двинулись к перевалу Чамбылбель. Оставшиеся без Бокмуруна воины племени Сарыногой двинулись в сторону Ташкента...» [5, с. 208].

Характер постоянного воинского содружества имеет дружина Манаса, состоящая из сорока богатырей – *кырк чоро*. По варианту С. Орозбакова, дружинники собираются возле пятнадцатилетнего

Манаса после первых его столкновений с калмыками. Они же провозглашают Манаса ханом, «подымают его на белой кошме» (по старинному обычаю тюркских народов), сперва как своего военного вождя, потом, на совете аксакалов – как повелителя всего народа. Некоторые наиболее прославленные витязи присоединяются к дружине Манаса в дальнейшем ходе повествования (Бакай, Чубак, Алмамбет и его друг Маджик и др.) [6, с. 128].

Каждый крупный военный предводитель имел возле себя отряд отборного войска в виде дружины, состоящей из сорока витязей – *чоро*. Дружины были ядром вооруженных сил своего племени и в то же время практической военной школой, в которой подготавливались кадры военачальников будущих малых и больших отрядов. Как отмечает С.М. Абрамзон: «Сорок чоро Манаса – его свита, его гвардия. Все они являются одновременно и военачальниками, предводителями войск Манаса, большими и малыми. Они в своем большинстве являются представителями разных племен, хотя среди них имеются и родственники Манаса, например, Бакай и Сыргак – сыновья родных братьев отца Манаса – Джакыпа. Дружина Манаса, если давать ей общую характеристику, <...>неоднородна по своему составу. Среди чоры мы находим и Бакаю, выступающего в отдельные моменты в качестве предводителя войск, намечающего пути их передвижения, определяющего момент перехода в наступление, и Чубака – предводителя племени нойгут, и, с другой стороны, Тазбаймата – начальника десятки, и рядовых дружинников, используемых в качестве гонцов и джигитов. Всех их объединяет преданность Манасу, верность воинскому долгу, идея защиты родного народа. Всех их Манас наделил боевыми конями, богатством, женами» [1, с. 172–173].

Дружинники – это прежде всего воины, всегда готовые к бою. Будучи главным образом военными слугами вождей-предводителей, дружинники способствовали возникновению ханской власти. Они не имели ничего общего с родовым ополчением. Их вооружение, боевой опыт и выучка были значительно выше, чем у рядовых воинов. Соответственно, возрастала их роль в боевых действиях. В военное время дружинники превращались в начальников отдельных частей родового ополчения, а часто образовывали отдельный отборный отряд.

В период войн и набегов избирался главный военный предводитель всеми войсками – *кол башчы* или *хан*, избираемый на время похода. Так, во время войны Манаса с Текесханом над войском ханом избрали Айдархана, сына Камбара. Перед походом на Бейджин главным военачальником кыргызского войска и их союзников избирается Бакай. Манас, обращаясь ко всем собравшимся воинам, призывает их принять участие в походе. Союзных кыргызам ханов Манас соблазняет богатой добычей, но предупреждает о необходимости отдать часть этой добычи в распоряжение Бакая.

На время похода избирался не только командующий, военный предводитель, но и лицо, возглавляющее разведку, определяющее наиболее выгодные пути движения войск, пункты стоянок – *жол башчы*. Во время похода на Бейджин богатырь Алмамбет, родом из Китая, единственный из участников похода знающий эту страну, вызывается быть главным проводником.

Данные кыргызского эпоса о том, что ханы избирались на время похода, подтверждаются и историческими источниками. Так, Ю.Н. Рерих, приводя сообщение Геродота о смещении одного скифского царя старейшинами племени и об избрании на это место его брата, отмечает: «Эти сведения как бы указывают на то, что глава племени, предводитель, во время набегов избирался, как это имело место среди многих среднеазиатских племен, а также среди монгольских племен в дочингисхановскую эпоху, когда ханы были военачальниками, избиравшимися на время похода» [7, с. 164].

В том же эпизоде похода на Бейджин, богатырь Алмамбет, недовольный тем, что войско продвигается вперед медленно, просит освободить его от похода, который, по его мнению, обречен на неудачу. Обращаясь к Манасу, он говорит: «Разве твои воины собрались на той, а не в опасный поход? Ведь китайцев сразить нелегко. Я не пойду в далекий поход с таким разболтанным войском» [5, с. 161]. Услышав такие слова Алмамбета, Манас согласился с ним и отправил к Бакаю своих дружинников Аджыбая и Серека, чтобы просить его передать ханское звание Алмамбету. По просьбе Манаса Бакай передает звание предводителя войск опытному в военном деле Алмамбету.

Приняв командование, Алмамбет, как отмечалось выше, делит все войска по десятичному принципу. Собрав начальников десятков, сотен и тысяч он приказал им проверить счет войска: «У кого в десятке не окажется хотя бы одного человека, – сказал он,

– тому не сносить головы». Он объявляет, что первый привал разрешит только через девяносто дней. «За это время, – говорит он, – никто не разложит дасторкона, никто не распоясается, никто не разуется, никто не ляжет спать. Запомните это, ибо ханский приказ не повторяется дважды!» [5, с. 161]. Алмамбет вводит в войске железную дисциплину.

Судя по эпосу «Манас», кроме деления войска на десятки, сотни, тысячи, и десятки тысяч у кыргызов существовала организация войск по видам оружия, применяемого воинами. Так, когда Манас прибывает на поминки по Кёкётёю, одному из старших своих соратников, «впереди него едут рядами двадцать «самых смелых его волков» – умелых стрелков из ружей. Справа – лучники-стрелки, луки которых «как хребты быков», оперенные стрелы хорошо закалены и отточены, отравлены смертельным ядом; слева – двадцать мечников, с обнаженными клинками – ужас всех врагов в сечах; справа за лучниками – секироносцы с огромными секирами, с притороченными к седлам кольчугами и латами. Вслед за мечниками слева – копейщики, «качаясь конскому шагу в лад», наконечники их копий «подобны волчьим языкам», древки ярко окрашены...» [8, с. 92]. С.М. Абрамзон, комментируя эти строки эпоса, отмечает, что «в данном случае речь идет, очевидно, о личной охране военного вождя, предводителя. Но поскольку в самом киргизском языке отложились термины такого порядка, как *жаа тарткыч* – воин, вооруженный луком, лучник, *найзачы* или *найзакер* – воин, вооруженный копьем, копейщик, *балта чабар* – род войска, снабженного боевыми топорами, *кылычкер* – воин, вооруженный саблей, сабельщик, постольку можно допустить, что в составе киргизских войск могли быть отряды с преобладанием того или иного вида оружия, требовавшего особой сноровки, каким был лук, боевой топор типа секиры – *айбалта* и др.» [1, с. 170].

Очевидно, кыргызские войска организовывались и по мастям коней. Вполне правдоподобны имеющиеся в эпосе упоминания о подборе коней в войсках под одну масть. Так, войска Урбю приезжают перед выступлением в поход на конях черной масти, войска Тёштюка – на конях гнедой масти. Истоки такого порядка, известного еще хунну, имели место и в войсках монголов. Военный историк М.И. Иванин отмечал, например, что Бату после взятия Рязани, «требовал от князей рязанских десятины коней: белых, вороных, бурых, рыжих, пегих», потому что «необходимо было отличать разные отряды по мастям лошадей», как «для

сбора лошадей с пастбища, так и для отличия отрядов во время боя» [9, с. 139].

В войсках всегда имелось определенное количество запасных лошадей. Их обязан был иметь каждый воин, отправляющийся в боевой поход. Перед выступлением в поход на Бейджин, закончив подсчет воинов, Манас раздает им лошадей, которых он в большом количестве пригнал с Алтая и из других мест.

«Всех на седла я посажу,
Без коней вас не брошу я.

И по выючной кобыле дам каждому кошу я»,
– говорит Манас [10, с. 96].

Каждый воин получает запасного коня, каждый кош вдобавок еще выючную кобылу, и на ужин еще каждый кош получил по тучной кобылице. Под словом *кош* в эпосе понимается кочевой лагерь или воинский отряд, отдельная часть войска. Также слово *кош* обозначает в эпосе небольшую походную юрту, которую кыргызы брали с собою в дальние походы.

Каждый воин брал в поход запас продовольствия. Основной походной пищей воинов по эпосу был *күлазык* – хорошо высушенные или прожаренные в жире кусочки мяса и *курут* – шарики или лепешечки из отжатого и засушенного творога [11, с. 451]. Эта пища была удобна для перевозки и длительного хранения, так как долго не портилась и не занимала много места. Запас провианта каждый воин возил с собой в переметной суме – *күл куржун*, которая приторачивалась к седлу. Однако, как отмечает С.М. Абрамзон, «весьма вероятно, что помимо индивидуальных запасов пищи для дальних походов снабжался обоз. В «Манасе» описывается, как усталое войско Алмамбета во время затянувшегося сражения распаковывает переметные сумы, навьюченные на верблюдов, в которых содержалась приготовленная Каныкей провизия на крайний случай – для воинов и коней» [1, с. 175].

С древних времен в армиях разных стран складывались системы управления войсками с помощью посыльных, условных знаков, звуковых и световых сигналов. Самым распространенным способом управления войсками в бою было использование знамен, имевшихся в каждом подразделении, сотне или тысяче.

В прошлом у народов Средней Азии, как и у многих других народов, каждый род и племя имели свое знамя. На боевые

знамена, принадлежащие тому или иному роду, наносились отличительные знаки этих родов.

Общевойсковое знамя водружалось на возвышении, чтобы было видно всему войску. Как отмечает академик К.К. Юдахин, обычно знамя держал всадник, передние ноги коня которого были спутаны, чтобы знаменосец не мог без приказа покинуть свой пост [11, с. 272]. В зависимости от положения знамени подразделения выполняли те или иные действия, осуществляли тот, или иной маневр: наступали либо отступали, группировались вокруг командира, либо рассредоточивались на местности, концентрировали свои усилия в ударе на указанном направлении и др. В связи с этим, понятно стремление любой из противоборствующих сторон захватить знамя противника. В походе Манаса против хана Акунбешима, в самом разгаре битвы Манас вдруг увидел предводителя китайцев, стоявшего рядом со своим знаменем в окружении сотысячного войска.

«Твой богатырь лев Манас
Поскакал, направившись в сторону хана Акунбешима.
Взял он в руки меч...
С криком ворвался хваткий богатырь,
Стоящих под знаменем
Сто тысяч воинов переполошил...
Ворвался в гущу [войск],
Заставил нечестивцев громко кричать,
В разные стороны их разбросал,
Поднял пыль до небес...» [3 с, 438–439].

Прорыв к знаменной группе и захват либо уничтожение знамени вели к тому, что командир противника терял управление войсками. Результатом этого становилось невыполнение стоящих задач, гибель людей и подразделений, а иногда – и всего войска. С целью захвата знамени назначались специальные подразделения, которые должны были в ходе сражения пробиться к знаменной группе противника, либо прибегали к военной хитрости. Так, во время похода на Бейджин Алмамбет, переодетый китайским воином, хитростью захватывает знамя китайцев и увлекает за собой китайское войско. Он бежит с китайским знаменем по направлению к Бейджину. Китайцы отступают вслед за мнимым знаменосцем.

Из отдельных военных приемов эпос сохранил упоминание о засаде. Кыргызские воины часто прибегают к этому веками испытанному тактическому приему кавалерии кочевников. Богатырь Чубак во время похода на Бейджин, оставив в одной из горных долин сильную засаду под командованием богатыря Сыргака, сам во главе небольшого отряда пошел в атаку. В самом начале сражения кыргызы «панически бежали» и, увлекая за собой бросившихся в погоню китайских воинов вывели их на засаду. Окружив своих преследователей, Сыргак и Чубак со своими воинами в один момент их перебили.

Сильной стороной тактики и стратегии кыргызских войск было использование местности, естественных преград, в особенности в горных условиях. Во время похода Манаса на Кашгар стоодиннадцатитысячное войско, посланное дуудунями против Манаса, встретило на своем пути две тысячи юрт, которыми правил Эштек, дед Манаса. Преследуя его, они загнали народ Эштека в горное ущелье. Однако в узком ущелье двухтысячный народ Эштека смог сопротивляться стоодиннадцатитысячному войску дуудуней в течение нескольких дней...

Увидев китайское войско, расположившееся у входа в ущелье, Манас со своим шеститысячным войском зашел китайцам в тыл и запер их с другой стороны ущелья. Китайцы оказались в западне между воинами Манаса и Эштека, и все их войско погибло от голода и лишений [5, с. 49].

Кыргызским войскам была знакома и практика посылки подкреплений. Например, во время похода Манаса на Ала-Тоо, с целью освобождения земель своих предков, он разделил свое войско на несколько частей и двинул их в разных направлениях. Продвигаясь с боями, войска соединяются в местности Талдысуу. Устроили проверку войска. Оказалось, что часть войска кыргызов под командованием Мунархана, двигавшаяся на Кочкор, попала в окружение калмыков. Манас посылает Мунархану помощь в количестве ста тысяч человек отборных воинов возрастом между двадцатью и тридцатью годами во главе с Урбю... Урбю двинулся в поход, разгромил калмыков и покори́л Кочкор... [5, с. 70].

Как видим, эпос «Манас» дает нам богатый материал для изучения военного прошлого кыргызов: способах организации войска, дисциплине, стратегии и тактике, оружию и снаряжению воинов. Эпос также содержит сведения о социальной структуре кыргызского общества.

Литература

1. *Абрамзон С.М.* Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») // Труды Ин-та языка, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР. Вып. I. Фрунзе, 1944.
2. *Симаков Г.Н.* Киргизские национальные развлечения (конец XIX – начало XX века) // СЭ. 1977. № 4.
3. Манас. Киргизский героический эпос: в 4 т. Т. 2. М.: Наука, 1988.
4. *Мамытбеков З.Ч.* Отражение жизни и борьбы киргизов в эпосе «Манас». Бишкек, 1993.
5. «Манас» – киргизский героический эпос (прозаический пересказ сюжета). Бишкек: Учкун, 1999.
6. *Жирмунский В.М.* Введение в изучение эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М.: АН СССР, 1961.
7. *Рерих Ю.Н.* История Средней Азии: в 3 т. Т. 1. М.: Мастер-Банк, 2004.
8. *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984.
9. *Иванин М.И.* О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб.: Славия, 2003.
10. Манас. Киргизский эпос. Великий поход. М.: Художественная литература, 1946.
11. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь: в 2 т. Фрунзе: Гл. ред. Кирг. сов. энциклопедии, 1985.

Вопросы к теме:

1. Какую роль играл конь в жизни кочевых народов в прошлом?
2. Какие конные виды развлечений кыргызов вы знаете?
3. По какому принципу было организовано кыргызское войско в эпосе «Манас»?
4. Какое расположение конного войска было удобно для охвата и окружения противника?
5. Какую роль играла дружина в вооруженных силах своего племени?

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Анахронизм – пережиток старины

Ареал – область распространения на земной поверхности видов животных, растений, полезных ископаемых, явлений быта, языка, искусства и др.

Архетип – первоначальный вид произведения фольклора, литературы, восстанавливаемый по поздним записям или рукописям.

Архитектоника – сочетание частей в одном стройном целом; композиция

Вариант – текст произведения, возникший в процессе его живого бытования в устной или письменной традиции и отличающийся от других текстов этого произведения, возникших тем же путем

Версия – разновидность текстов произведения, качественные отличия которой от других разновидностей его текстов таковы, что граничат с превращением в другое произведение.

Вид – разновидность текстов произведения, имеющая количественные отличия от других разновидностей его текстов

Генезис – происхождение, история зарождения

Гипербола – средство художественного изображения, основанного на преувеличении

Гротеск – изображения в искусстве чего-нибудь в фантастически преувеличенном, уродливо-комическом виде

Идея – обобщающая, эмоциональная, образная мысль, лежащая в основе произведения искусства

Извод – разновидность текстов произведения, количественные отличия которой от других разновидностей его текстов таковы, что граничат с переходом в качественные отличия.

Импровизация – сочинение стихов, музыки и т.п. в момент исполнения; то, что создано таким образом; выступление с чем-нибудь, не подготовленное заранее

Источник текста – материал (текстовый или нетекстовый), который повлиял на создание данного текста.

Клише – шаблонная фраза, выражение

- Коллизия** – столкновение противоположных взглядов, стремлений, интересов
- Компаративизм** – сравнительно-историческое литературоведение, изучающее международные литературные связи и отношения, сходства и различия между литературно-художественными явлениями разных стран
- Композиция** – расположение и соотнесенность компонентов художественной формы, т.е. построение произведения, обусловленное его содержанием и жанром
- Конфликт** – противоположность, противоречие как принцип взаимоотношений между образами художественного произведения
- Космогонический** – объясняющий происхождение Вселенной
- Кульминация** – момент наивысшего напряжения действия в произведении, когда особенно ярко выявляются сюжетный конфликт, цели героев и их внутренние качества
- Лейтмотив** – основной мотив, неоднократно повторяющийся в произведении, основная тема
- Магия** – чародейство, колдовство; обряды, связанные с верой в сверхъестественную способность человека воздействовать на природу, людей и т.д.
- Манасчи** – исполнитель эпоса «Манас». Различают две категории манасчи. Первая категория – «чоң манасчи»; сюда относятся те сказители, которые полностью знают и исполняют трилогию, рассказывают генеалогию всех главных героев. Вторая категория – так называемые, «чала манасчи». К ним относятся певцы исполнители, знающие и исполняющие какой-либо отрывок из эпоса
- Мифология** – совокупность мифов, отражавших фантастические представления людей в доклассовом и раннеклассовом обществе о мире, природе и человеческом бытии; наука, изучающая мифы
- Оригинал** – текст, к которому непосредственно восходит генетически другой текст (или другие тексты)

- Перипетия** – резкая, неожиданная перемена в течение действия и судьбе персонажа
- Персонификация** – олицетворение, представление животного, предметов, явлений природы и отвлеченных понятий в образе человека
- Пратекст** – первый текст произведения (или разновидности его текстов), к которому восходят генетически все существовавшие и существующие тексты этого произведения
- Рапсод** – древнегреческий декламатор, речитативом, без музыкального сопровождения исполнявший на праздниках эпические поэмы; народный певец
- Редакция** – разновидность текстов произведения, имеющая качественные отличия от других разновидностей его текстов
- Реликт** – организм, предмет или явление, сохранившееся как пережиток древних эпох
- Рефрен** – слово, группа слов, строка или несколько строк, повторяющиеся после каждой строфы стихотворения или куплета песни
- Речитатив** – род вокальной музыки, воспроизводящий интонации и ритмики речи, применяемый в опере и других вокальных произведениях (эпосах и пр.)
- Синкретизм** – слитность, нерасчлененность, характеризующая первоначальное, неразвитое состояние какого-либо явления (например, первобытного искусства, в котором пляска, пение и музыка существовали в единстве, нерасчлененно)
- Сказитель** – исполнитель и творец эпических песен
- Сквозной образ** – центральный образ произведения обычно является сквозным, т.е. проходит через все произведение, тем самым, обуславливая его единообразный характер в сюжете, эмоциональном тоне, освещении прочих персонажей, а главное, скрепляя произведение в единое целое. Такую роль и выполняет Манас в кыргызском эпосе.
- Сюжет** – развитие действия, ход событий; является важным средством развития темы и раскрытия идеи произведения, воплощение идейно-художественного замысла.

- Текст** – совокупность элементов речи (звуковой или письменной), фиксирующая результат работы сознания.
- Тотем** – животное, растение, предмет или явление природы, которые у родовых групп служили объектом религиозного почитания; каждый род носил имя своего тотема; герб племени с изображением тотема
- Тотемизм** – древнейшая форма религии раннеродового строя, характеризующаяся верой в сверхъестественную связь и кровную близость данной родовой группы с каким-либо тотемом, который считается не божеством, а родичем и другом
- Трилогия** – литературное произведение, чаще всего эпическое или драматическое, состоящее из трех самостоятельных произведений, объединенных в одно целое общим идейным замыслом, сюжетом, главными героями
- Фабула** – сюжетная основа художественного произведения, predetermined литературной традицией расстановка лиц и событий
- Фантастика** – несуществующее в действительности, выдуманное
- Фетиш** – неодушевленный предмет, который, по представлениям верующих, наделен сверхъестественной магической силой и служит объектом религиозного поклонения; предмет слепого поклонения
- Цикл** – ряд произведений, объединенных какой-либо общностью: темой, материалом, одними и теми же действующими лицами и т.д.
- Эпизод** – та или иная в известной степени завершенная и самостоятельная часть литературного произведения, которая изображает законченное событие или важный в судьбе персонажа момент
- Эпилог** – заключительная часть произведения, рассказывающая о судьбе героев после всех изображенных событий
- Эпитафия** – надгробная надпись, чаще всего стихотворная; короткое стихотворение, посвященное умершему

Эпопея – (собрание песен, сказаний) – наиболее крупная и монументальная форма эпоса, создаваемая в периоды формирования государственности

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Приложение 1

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ПО ДИСЦИПЛИНЕ «МАНАСОВЕДЕНИЕ»

Цель дисциплины: ознакомить студентов с содержанием монументальной эпической трилогии «Манас», «Семетей», «Сейтек», а также осветить важнейшие проблемы манасоведения.

Задачи дисциплины:

1. Усвоение традиционных эпизодов эпоса «Манас», составляющих его сюжетное ядро.
2. Составить представление о сказителях эпоса – манасчи, о манере исполнения ими эпоса.
3. Раскрыть художественные достоинства эпоса.
4. Ознакомить с основными проблемами научного манасоведения и результатами изучения эпоса.
5. Освоить общие понятия о свойствах эпической поэзии.

В результате изучения дисциплины студент должен **знать:**

- 1) содержание основных традиционных эпизодов эпоса «Манас»;
- 2) имена выдающихся сказителей эпоса «Манас»;
- 3) основные понятия и термины дисциплины;
- 4) имена известных исследователей, поэтов, переводчиков;
- 5) основные издания эпоса «Манас», справочники, учебные пособия по дисциплине.

Уметь: анализировать произведение исходя из тех закономерностей, которым подчиняется эволюция героического эпоса; различать стадийные разновидности эпоса;

использовать научную терминологию при анализе эпоса; уметь применять полученные знания во время профессиональной деятельности в школе или других образовательных учреждениях.

Виды занятий и методы обучения

Формы обучения: лекции, семинарские занятия, самостоятельная работа студентов, консультации, реферат, зачет.

Средства обучения: учебные и наглядные пособия, научные сборники статей, технические средства.

Методы обучения: репродуктивный и исследовательский.

Существенным дополнением учебного процесса является изучение научных статей по эпосу «Манас». Знакомство с трудами ученых о фольклоре в подлиннике – самое эффективное средство, способствующее не только углублению знаний студентов, но и их вовлечению в научно-исследовательскую работу.

Для самостоятельного изучения основных научных проблем манасоведения можно рекомендовать сборники статей «Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961, «Манас» – героический эпос киргизского народа». Фрунзе, 1968 и «Энциклопедический феномен эпоса «Манас». Бишкек, 1995, в которые включены работы известных российских и киргизских ученых, заложивших основы современного манасоведения. Изучение научных работ позволит студентам не только ознакомиться с мнениями ученых по разным вопросам науки, но и проследить систему их доказательств, манеру изложения, сопоставить все это с информацией, полученной на лекциях и семинарских занятиях.

В поиске литературных источников о «Манасе» большую помощь может оказать наиболее полный и систематизированный библиографический справочник «Манас» – жемчужина мировой культуры» / Под ред. О. Сухомлиновой. Бишкек, 2003.

Приемы обучения: работа с научными статьями, изучение первоисточников, диспуты.

Общий объем аудиторных занятий и нормативный объем самостоятельной работы студентов регламентируется учебным планом.

Самостоятельная работа студентов предполагает изучение рекомендуемой литературы, подготовку к семинарским занятиям, написание реферата и т.д.

Формы контроля – устный опрос, проверка конспектов.

Рубежный контроль – устный опрос по каждой теме, реферат.

Итоговый контроль – зачет.

Структура и трудоемкость дисциплины

Вид работы	Трудоемкость в академ. часах
Общая трудоемкость	64 ч.
Аудиторная работа	32 ч.
Лекции	18 ч.
Практические занятия	18 ч.
Самостоятельная работа	32 ч.
Виды текущего контроля	ТМК
Вид итогового контроля	Зачет

Тематический план дисциплины «Манасоведение»

№ темы	Название темы	Количество часов		
		лекция	семинар	СРС
1.	«Манас» как духовное достояние народа	2		2
2.	Исследование эпоса «Манас»	2		2
3.	Выдающиеся сказители эпоса – манасчи	2		2
4.	Основной сюжет эпоса (на основе сводного варианта)	2		2
5.	Рождение богатыря Манаса	2		2
6.	Переселение кыргызов с Алтая на Ала-Тоо	2		2
7.	Женитьба Манаса на Каныкей	2		2
8.	Поминки по Кёкөтёю	2		2
9.	Великий поход	2		2
10.	Краткий обзор второй и третьей		2	2

	частей трилогии «Семетей» и «Сейтек»			
11.	Единение – основополагающая ценность эпоса «Манас»		2	2
12.	Образ коня в эпосе «Манас»		2	2
13.	Женские образы в эпосе «Манас»		2	2
14.	Историография проблемы историзма эпоса «Манас»		2	2
15.	Историзм эпоса «Манас»		2	2
16.	Эпос «Манас» как источник изучения военного дела кыргызов		2	2

Всего:	лекций	18 ч
	практики	14 ч
	СРС	32 ч
Итого по дисциплине – 64 ч.		

Приложение 2

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Список рекомендованной литературы

Учебная литература:

Основная:

1. Киргизский героический эпос «Манас» (прозаический пересказ сюжета). Бишкек, 1999.
2. Манас. Героический эпос. М., Т. 1. 1984; Т. 2. 1988; Т. 3. 1990; Т. 4. 1995.
3. Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961.
4. «Манас» – героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968.
5. Энциклопедический феномен эпоса «Манас». Бишкек, 1995.
6. Кыдырбаева Р.З.. Эпос «Манас». Генезис. Поэтика. Сказительство. Бишкек, 1996.
7. Сухомлинова О.. «Манас» – жемчужина мировой культуры. Бишкек, 2003.

Дополнительная:

1. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
2. *Богданова М.И.* Киргизская литература. М., 1947.
3. *Худяков Ю.С.* Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995.
4. *Сыдыков А.* Героические мотивы в эпосе «Манас». Фрунзе, 1982.
5. *Бекмухамедова Н.Х.* Эволюция женских образов эпоса «Манас». Бишкек, 1997.
6. *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. М.–Л., 1962.
7. *Радлов В.В.* Из Сибири (страницы дневника). М., 1989.
8. *Мамытбеков З.Ч.* Отражение жизни и борьбы киргизов в эпосе «Манас». Бишкек, 1993.
9. *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.

***Дополнительно рекомендованная литература
для углубленного изучения:***

1. *Бутанаяев В.Я., Бутанаяева И.И.* Хакасский исторический фольклор. Абакан, 2001.
2. *Мусаев С.* Эпос «Манас». Фрунзе, 1984.
3. *Керимжанова Б.* Семетей и Сейтек. Фрунзе, 1961.
4. *Кыдырбаева Р.З.* К проблеме традиционного и индивидуального в эпосе «Манас». Фрунзе, 1967.
5. *Молдобаев И.Б.* Отражение этнических связей киргизов в эпосе «Манас». Фрунзе, 1985.
6. *Убукеев М.* «Манас»: эпическая культура кыргызов. Бишкек, 1998.
7. *Мирбадалева А.С.* О художественной структуре двух классических вариантов киргизского эпоса «Манас», записанных от манасчи С. Орозбакова и С. Каралаева // Сов. тюркология. Фрунзе, 1987. № 3.
8. *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников Центра Азии. М., 1991.
9. *Ибраимов А.И.* Кыргызы и их генофонд. Бишкек, 1992.

Материально-техническое обеспечение дисциплины

Использование мультимедийного оборудования при проведении практических занятий: видеоматериалов с празднования 1000-летнего юбилея эпоса «Манас», аудиозаписей

исполнения эпоса, просмотр отрывков из фильмов Б. Шамшиева «Манасчи» и М. Убукеева «Вселенная Манаса».

Темы для рефератов

1. Эпос «Манас» – жемчужина мировой культуры.
2. Энциклопедический феномен эпоса «Манас».
3. Национальное и общечеловеческое в эпосе «Манас».
4. Мифологические мотивы в эпосе «Манас».
5. Фольклор как коллективное творчество народа.
6. Искусство выдающихся сказителей эпоса – манасчи .
7. Гений Сагымбая Орозбакова.
8. Саякбай Каралаев – последний из могикан?
9. Манас – главный герой эпоса.
10. Семетей – сын Манаса.
11. «Сейтек» - эпилог эпоса «Манас».
12. Женские образы в эпосе «Манас».
13. Каныкей – главная героиня эпоса.
14. Царевна-лебедь - Айчүрөк.
16. Алмамбет – ближайший соратник Манаса.
17. Эпические образы иноземных захватчиков.
18. Военное дело кыргызов в эпосе «Манас».
19. Вклад российских ученых в изучение эпоса «Манас».
20. Изучение эпоса «Манас» в Кыргызстане.
21. Эпос «Манас» в искусстве Кыргызстана.

СОДЕРЖАНИЕ

Тема 1.	«Манас» как духовное достояние народа
Тема 2.	Исследование эпоса «Манас»
Тема 3.	Выдающиеся сказители эпоса – манасчи
Тема 4.	Основной сюжет эпоса (на основе сводного варианта) ...
Тема 5.	Рождение богатыря Манаса
Тема 6.	Переселение кыргызов с Алтая на Ала-Тоо.....
Тема 7.	Женитьба Манаса на Каныкей
Тема 8.	Поминки по Кёкөтёю
Тема 9.	Великий поход
Тема 10.	Краткий обзор второй и третьей частей трилогии «Семетей»и «Сейтек»
Тема 11.	Единение – основополагающая ценность эпоса «Манас»
Тема 12.	Образ коня в эпосе «Манас»
Тема 13.	Женские образы в эпосе «Манас»
Тема 14.	Историография проблемы историзма эпоса «Манас»....
Тема 15.	Историзм эпоса «Манас»
Тема 16.	Эпос «Манас» как источник изучения военного дела кыргызов
Словарь терминов	
Приложение 1.	Рабочая программа по дисциплине Манасоведение».....
Приложение 2.	Учебно-методическое обеспечение дисциплины.....

***Каныбек Капашович Иманалиев
Раиса Заитовна Кыдырбаева
Асылбек Апасович Бакиров
Жылдыз Калмашеевна Орозобекова
Талантаалы Алымбекович Бакчиев
Неля Хамитовна Бекмухамедова***

МАНАСОВЕДЕНИЕ

Учебное пособие

Редактор *Н.В. Шумкина*
Компьютерная верстка

Подписано в печать 17.10.11.
Формат 60х84 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Объем п.л. Заказ 86.
Тираж 100 экз.

Издательство Кыргызско-Славянского
Российского университета
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2